

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

СОЦИОЛОГИЯ

ПЕДАГОГИКА

ПСИХОЛОГИЯ

**Научный журнал
Специальный выпуск,
посвященный Всероссийской конференции
«Тенденции развития российских регионов в условиях
глобальных вызовов и угроз» 22-23 апреля 2019 года**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019**

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2019 г.

Главный редактор – Чигрин Виктор Александрович, д-р социол. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Андреев А. С.	д-р психол. н., доцент, ГБОУ ВО КИПУ (Симферополь)
Волков Ю. Г.	д-р филос. н., проф., ИППК ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Глузман А. В.	д-р пед. н., проф., акад., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Горбунова Н. В.	д-р пед. н., проф., ИППиО ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Зябкина И. В.	канд. психол. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Калина Н. Ф.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лучинкина А. И.	д-р психол. н., доцент, ГБОУ ВО КИПУ (Симферополь)
Ляушева С. А.	д-р филос. н., проф., Адыгейский государственный университет (Майкоп)
Пономарева Е. Ю.	канд. психол. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Редькина Л. И.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Сериков А. В.	канд. социол. н., ИСР ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Силласте Г. Г.	д-р филос. н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва)
Скворцов Н. Г.	д-р социол. н., проф., СПбГУ (г. Санкт-Петербург)
Уракова Ф. К.	д-р пед. н., проф., Адыгейский государственный университет (Майкоп)
Хриенко Т. В.	д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Черный Е. В.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шоркин А. Д.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шушара Т. В.	д-р пед. н., доц., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Щербакова Л. И.	д-р социол. н., проф., ЮРГПУ им. М. И. Платова (Новочеркасск)
Щербина В. Н.	д-р социол. н., проф., Институт культурологии НАИУ (Киев)
Якса Н. В.	д-р пед. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Кравченко И. В., ст. преп. КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Редактор электронной версии: Смирнов А. В.

Ответственные за выпуск: Кравченко И. В., ст. преп., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).
Чигрин В. А., д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Подписано в печать . Формат 70x100 1/16.

Тираж 50. Заказ № НП/52. Бесплатно.

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского,

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Тел.: +7 (3652) 60-21-54. E-mail: socio_tnu@mail.ru.

Сайт: <http://science.cfuv.ru/nauchnye-zhurnaly-kfu/uchenye-zapiski-krymskogo-federalnogo-universiteta-imeni-v-i-vernadskogo-sociologiya-pedagogika-psixologiya>

СОЦИОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. 2019. № 1. С. 3–10.

“КВАЗИ”-ГОРОДСКИЕ ОКРУГА КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРЫМА: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ, ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Барматова С.П., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Брянского филиала РАНХиГС

Мазур И.В., муниципальный советник 3-го класса, Администрация города Алушты Республики Крым, член Ассоциации юристов России

Аннотация: В статье рассматриваются особенности пространственно-территориальной организации городских округов, на основе анализа нормативных правовых норм устанавливаются векторные возможности и ограничения пространственно-территориального развития городских округов, особенности правового режима земель сельскохозяйственного назначения в границах городского округа, а также устанавливаются пути приведения в соответствие с требованиями действующего законодательства последствий “укрупнения” городских округов за счет ликвидации муниципальных районов.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, городской округ, правовой режим использования земель сельскохозяйственного назначения, укрупнение городских округов, ликвидация муниципальных районов, административно-территориальная реформа, генеральный план, границы населенных пунктов, территории, находящиеся за границами населенных пунктов, перевод земель сельскохозяйственного назначения в иную категорию.

Территория муниципального образования является важнейшим ресурсом для обеспечения развития самоуправляющейся единицы. В этой связи крайне важным вопросом становится способы ее формирования, а также установление правового режима использования. Особую актуальность данная проблематика приобрела вследствие проводимой в ряде субъектов Российской Федерации административной реформы, направленной на укрупнение муниципальных образований путем слияния и образования городских округов вместо ликвидируемых муниципальных районов, а также вследствие начала реализации национальных проектов, разработанных в рамках Майского (2018 г.) указа Президента Российской Федерации В.В. Путина [1].

И если правоотношения, связанные с формированием территорий поселений и муниципальных районов, действующим законодательством урегулированы в достаточной мере, то по отношению к “укрупненным” городским округам сложившаяся ситуация вызывает достаточно много спорных вопросов.

Так, например, в начале 2017 года завершено преобразование Углегорского муниципального района в городской округ, в результате которого Сахалинская

область стала вторым после Магаданской области субъектом Российской Федерации, вся территория которого распределена между городскими округами. Минюст России, анализируя проводимые в субъектах Российской Федерации преобразования, отметил, что дальнейшее сохранение и расширение в средне- и долгосрочной перспективе тенденции образования новых городских округов, особенно на слабоурбанизированных территориях, может означать частичный отход от двухуровневой системы организации местного самоуправления [2, С. 3].

Рассматривая особенности интеграции Республики Крым под юрисдикцию Российской Федерации, А.А. Джагарян и Н.В. Джагарян отметили, что населенные пункты, вошедшие в состав вновь образованного городского округа, находятся на расстоянии более 30 км до административного центра такого муниципального образования. Такая ситуация “не соответствует целям развития муниципальной демократии” [3].

А.А. Мазур указывала на то, что при укрупнении муниципальных образований возникает угроза деградации периферийных населенных пунктов [4].

Центром поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (далее также – Центр ПСОМС) по просьбе заместителя Председателя Совета министров Республики Крым – руководителя Аппарата Совета министров Республики Крым от 22 марта 2017 года № 1/01-54/1250 была произведена оценка практики создания городских округов на основе муниципальных районов на предмет правомерности и потенциальных социально-экономических и управленческих последствий. В своем экспертном мнении Центр ПСОМС указал, что закрепление в действующем законодательстве требования при формировании городских округов учитывать необходимость обеспечения единства городского хозяйства, “является логичным для любого города; вместе с тем, не очень понятно, как это требование может быть выполнено в “квази”-городских округах, созданных на базе муниципальных районов” [5, С. 3].

Р.В. Петухов также высказался о негативных последствиях образования “квази”-городских округов, отмечая, что такие муниципалитеты, как правило, “имеют большую площадь и сложную структуру расселения, состоят из десятков населенных пунктов, расположенных на значительном расстоянии от административного центра и не связанных в единую транспортную, социальную, экономическую и др. инфраструктуру” [6].

Согласно данным Минюста России, проводимая административная реформа, в 2017 году повлекла за собой различные изменения территориальной организации местного самоуправления в 26 из 85 субъектов Российской Федерации [2, С. 7].

Приведенные позиции и данные подтверждают актуальность выбранной для исследования темы и необходимость проведения дальнейших научных изысканий в данной области.

Говоря о правовом режиме территорий городских округов, в первую очередь необходимо разобраться в особенностях формирования территорий муниципальных образований данного типа.

Из правовых положений Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” [7] (далее также – Федеральный закон № 131-ФЗ) нам известно следующее:

- городским округом признается один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями (абзац 6 части 1 статьи 2);
- территорию городского округа составляют земли населенных пунктов, прилегающие к ним земли общего пользования, земли рекреационного назначения, земли для развития городского округа (пункт 3.1. части 1 статьи 11);
- территории всех населенных пунктов, входящих в состав городского округа, также должны полностью входить в состав территории городского округа (пункт 12 части 11 статьи);
- важной особенностью городских округов является то, что их территория не входит в состав территории муниципального района (пункт 14 части 1 статьи 11), что принципиально отличает их от городских поселений;
- границы городского округа устанавливаются с учетом необходимости создания условий для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры, обеспечения органами местного самоуправления городского округа единства городского хозяйства (пункт 15.1 части 1 статьи 11);

Последний аспект также немаловажен при формировании территорий городского округа и установления его границ.

По этому поводу Центром РСМС было высказано важное замечание о том, что “удаленность отдельных населенных пунктов, входящих в городской округ, от его административного центра должна соотноситься с организацией транспортного сообщения и, прежде всего, общественного транспорта, обеспечивающего гарантированный гражданам Конституцией России и действующим законодательством доступ к государственным и муниципальным услугам” [8, С. 3].

Согласно данным Минюста России площадь более 90 процентов городских округов находится в пределах 10 тысяч квадратных километров, что соответствует квадрату со стороной 100 километров и при наличии автомобильных дорог или иных путей сообщения позволяет обеспечить жителям периферийных населенных пунктов транспортную доступность административных центров туда и обратно в течение одного дня [2, С. 6].

Из системной взаимосвязи указанных правовых норм следует, что развитие территорий городских округов должно сопровождаться процессами урбанизации, то есть постепенным распространением городского образа жизни на все населенные пункты, входящие в состав муниципального образования данного типа.

Отвечая на вопрос о порядке формирования территории муниципального образования, которому предполагается предоставить статус городского округа, Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления сформулировал следующую позицию:

1. Положения Федерального закона № 131-ФЗ, которые допускают возможность включения в состав территорий городских округов несколько

населенных пунктов, в том числе и сельских, не следует рассматривать, как разрешающие включать в состав городского округа территории в размерах территорий муниципальных районов. Эти нормы применяются во взаимосвязи с положениями Градостроительного кодекса Российской Федерации. Таким образом, в состав территорий городских округов следует включать те населенные пункты и территории, которые уже находятся в пределах городской черты, либо те, которые в соответствии с генеральными планами развития городских округов будут использоваться для городской застройки и развития городского хозяйства и городской инфраструктуры;

2. Включение в состав территорий городских округов территорий (включая территории населенных пунктов), которые в обозримом будущем не будут использоваться для городской застройки, развития городского хозяйства и городской инфраструктуры противоречит положениям Федерального закона [9].

Обращает на себя внимание тот факт, что Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления уже не единожды высказывал мнение о невозможности организации городского округа в границах муниципального района [10].

Из рассмотренного письма следует, что территория, входящая в состав городского округа, в том числе и сельских населенных пунктов, должна использоваться для городской застройки, развития городского хозяйства и городской инфраструктуры.

В тоже время обращает на себя внимание тот факт, что в действующей редакции Федерального закона № 131-ФЗ (по состоянию на 19 сентября 2018 года) при формулировании определений основных терминов и понятий, используемых в настоящем законе, законодатель отдельно упомянул сельские населенные пункты и исключительно в одном случае – давая определение сельскому поселению. В случае с построением определения городского округа такая конкретизация не применена. В тоже время, в последнем случае рассматриваемым законом не установлено ограничение или запрет на возможность включения в границы городского округа сельских населенных пунктов.

В нормах Федерального закона № 131-ФЗ (в пункте 5 части 1 и в абзаце втором части 2 статьи 11) закреплена взаимосвязь между перспективами территориального развития и статусом муниципального образования, при этом федеральным законодателем установлено требование о подтверждении указанных перспектив документально – генеральным планом городского округа. Исходя из заданной в рассматриваемом Федеральном законе логики, представляется, что в границы городского округа возможно включать сельские населенные пункты при единственном условии – в качестве территорий для распространения городской системы расселения и развития городского типа хозяйствования.

Резюмируя изложенное, представляется возможным сформулировать следующее, очень важное утверждение:

Городской округ – это один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, основополагающей концепцией развития которых является нарастающая урбанизация, то есть последовательное, устойчивое

распространение городского образа жизни на все населенные пункты, входящие в состав муниципального образования данного типа.

Данное утверждение является принципиально важным для понимания процесса формирования территорий “квази”-городских округов, а также установления их правового режима, ведь, в результате затронутой административной реформы произведено укрупнение муниципальных образований путем слияния и образования городских округов вместо ликвидируемых муниципальных районов. При этом в состав вновь образованных городских округов вошли сельские населенные пункты, ранее имевшие статус сельских поселений, и территории, ранее имевшие статус “межселенной”. Данные территории находятся за границами населенных пунктов и, в подавляющем большинстве случаев, являются землями сельскохозяйственного назначения.

Именно наличие в границах городских округов земель сельскохозяйственного назначения и режим ее использования в контексте приведенных выше правовых положений Федерального закона № 131-ФЗ является наиболее острым и противоречивым аспектом проводимой административно-территориальной реформы, детерминирующим более глубокий анализ проведенных преобразований.

На вопрос о правомерности нахождения земель сельскохозяйственного назначения в границах городских округов однозначно ответить нельзя, так как данные правоотношения регулируются довольно широким кругом нормативных правовых актов из различных отраслей права.

Согласно статье 13 Федерального закона от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ “О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую” перевод земельного участка из состава земель запаса в другую категорию земель в зависимости от целей дальнейшего использования этого земельного участка осуществляется только после формирования в установленном порядке земельного участка, в отношении которого принимается акт о переводе земельного участка из состава земель запаса в другую категорию земель.

Обращает на себя внимание и тот факт, что установление или изменение черты населенных пунктов является редким исключением, при котором осуществляется и перевод земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель из земель сельскохозяйственного назначения, кадастровая стоимость которых на пятьдесят и более процентов превышает средний уровень кадастровой стоимости по городскому округу, и особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий.

Также важным является и тот факт, что в соответствии с правовыми положениями Федерального закона от 21 декабря 2004 года № 172-ФЗ “О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую” установление или изменение границ населенных пунктов также является нормой прямого действия для перевода земель водного, лесного фонда и других или земельных участков в составе таких земель в другую категорию.

Исходя из положений пункта 2 части 2 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации, включение земельных участков из земель

сельскохозяйственного назначения в границы населенных пунктов (в том числе образуемых населенных пунктов), входящих в состав городского округа, допускается при условии согласования проекта генерального плана с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, в границах которого находится городской округ.

Таким образом, действующим законодательством предусмотрен правовой механизм перевода земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель из земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию с целью приведения в соответствие с правовыми положениями Федерального закона № 131-ФЗ режима использования территорий городского округа.

Вместе с тем необходимо отметить, что изменение вида использования земельных участков в составе зон сельскохозяйственного использования в границах населенных пунктов осуществляется при утверждении или внесении изменений в генеральные планы городских округов, предусматривающие иной вид использования данных земельных участков. В данном случае логика правового регулирования исследуемого явления заключается в необходимости стратегического планирования развития территорий, входящих в границы городского округа, и закреплении результатов планирования такого развития в генеральных планах муниципальных образований рассматриваемого типа, а также в обеспечении особого режима охраны земель сельскохозяйственного назначения.

В результате анализа существующих федеральных правовых норм относительно возможности нахождения в границах “укрупненных” городских округов земель сельскохозяйственного назначения в системной взаимосвязи с положениями статей 2, 11 Федерального закона № 131-ФЗ представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) городские округа создаются с целью обеспечения развития на входящих в границы данного муниципального образования территориях единства городского хозяйства, распространения городского образа жизни на все населенные пункты, входящие в состав городского округа, распространения городской системы расселения и развития городского типа хозяйствования;

2) урбанизация является исключительно единственным, установленным действующим законодательством, вектором пространственно-территориального развития городских округов;

3) в границах городского округа на территориях населенных пунктов и территориях, находящихся за границами населенных пунктов, допускается размещение земель сельскохозяйственного использования и сельскохозяйственного назначения до отнесения их в соответствии с утверждаемыми генеральными планами городских округов к иным категориям земель;

4) “ликвидация” земель сельскохозяйственного назначения в границах городского округа может осуществляться комплексно и “повсеместно” путем утверждения генерального плана всего городского округа или поэтапно – при установлении или изменении границ населенных пунктов, входящих в состав

городского округа, с последующим внесением в генеральный план изменений, относящихся к другим частям территорий городского округа;

5) при наличии утвержденного генерального плана городского округа населенные пункты, в которых пока еще преобладает сельскохозяйственный уклад жизнедеятельности и хозяйствования, не могут быть отнесены к сельским территориям, так как в силу закона потеряли статус “сельской местности”;

б) учет предложенных выводов при планировании региональных проектов (разрабатываемых в рамках национальных проектов) связанных с развитием территорий Республики Крым, позволит не только увеличить эффективность заложенных в этих проектах целевых показателей, но и существенно усилить ресурсы самих территорий, и обеспечить более рациональное и продуктивное управление ими.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года” [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (дата обращения 20.11.2018) .

2. Министерство юстиции Российской Федерации. Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации : данные за 2017 год – начало 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации – Эл. текст. данные. – 33 с. – URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2018_18.docx, (дата обращения 19.09.2018).

3. Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Становление местного самоуправления в Крыму: проблемы конституционализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 5 (106) / 2015. – С. 49 – 56.

4. Мазур А.А. Территориальные органы местной администрации – власть “шаговой” доступности / А.А. Мазур // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления: сб. ст. по материалам LXI Международной научно-практической конференции “Научная дискуссия: вопросы экономики и управления”. – № 4(60). – М., Изд. “Интернаука”, 2017. – С. 94-106.

5. Центр поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Экспертное заключение по особенностям создания городских округов на основе муниципальных районов [Электронный ресурс] // Портал “Муниципальная Академия” на официальном сайте Центр поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации – Эл. текст. данные. – 7 с. – URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2017/07/Expert_status_urban_region-municipal_raion.pdf, (дата обращения 19.09.2018)

6. Петухов Р.В. Территориальная организация местного самоуправления: последние законодательные новации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2017. – № 3. – С. 31 – 36.

7. Российская Федерация. Федеральный закон. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6

октября 2003 г. № 131-ФЗ [принят Гос. Думой 16 сентября 2003] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения 02.09.2018).

8. Центр поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Экспертное мнение об особенностях территориальной организации городского округа Евпатория Республики Крым [Электронный ресурс] // Портал “Муниципальная Академия” на официальном сайте Центр поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации – Электрон. текстовые данные. – 6 с. – URL: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2018/03/ter_organiz_Evpatoria.pdf, (дата обращения 19.09.2018)

9. Российская Федерация. Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. О порядке формирования территории муниципального образования, которому предполагается предоставить статус городского округа : письмо Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 6 июля 2004 года № 3.20-29/109 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления – Электрон. текстовые данные. – С. 3-4. – URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Razyasneniya-po-otdelnym-voprosam/item/154936/>, (дата обращения 18.11.2017).

10. См. Заключение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления по проекту федерального закона № 828987-6 “О внесении изменений в статью 13 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, внесенному Законодательным Собранием Пермского Края: заключение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 1 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – Электрон. текстовые данные. – 14 с. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=828987-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=828987-6) (дата обращения 02.09.2018).

УДК: 316.4

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В МОСКВЕ И КАЗАНИ¹

Башева О.А., научный сотрудник, кандидат социологических наук
Виртуальная научно-исследовательская лаборатория «РНФ-17-45-ВП» КФУ,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
Академии наук, Россия, Москва

Аннотация

В статье представлены результаты комплексного исследования Москвы и Казани в рамках проекта «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели оценки и стратегий формирования “зеленых” городов России», в частности касающиеся развития экологической политики в них, а также важного ее элемента – гражданского участия.

Ключевые слова: экологическая политика, гражданское участие, устойчивое развитие, Москва, Казань

Введение

Среди российских исследователей экологической политики и управления существует некоторый консенсус относительно понимания факторов ее эффективности. В частности, считается, что решение экологических проблем городов невозможно без целенаправленной политики государства, предусматривающей широкое вовлечение гражданского общества, бизнеса, экспертного сообщества, природоохранных организаций [1], формирования особой экологической культуры и экологического сознания населения [1, 2].

Мнение московских и казанских экспертов о состоянии экологической политики городов

В конце 2000-х гг. влиятельные экологи, такие как В.А. Яблоков называли экологическую политику Москвы невнятной и не цельной в связи с тем, что многие решения по улучшению экологической ситуации принимались спонтанно, не вели к достижению стратегических целей, более того, эти цели не были сформулированы достаточно ясно. В середине 2010-х гг. руководитель Департамента природопользования и охраны окружающей среды Москвы А. Кульбачевский подчеркнул, что основной задачей Правительства является сохранение баланса между экологической обстановкой в городе и разумным использованием его

¹ Статья подготовлена по результатам проекта РНФ № 17-78-20106 «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели оценки и стратегий формирования «зеленых» городов России».

природных богатств; а в качестве одного из главных экологических индикаторов экологического благополучия выбирается состояние здоровья горожан. Одной из целей «Экологической стратегии Москвы до 2030 г.» обозначено вовлечение населения в заботу об окружающей среде и зеленый образ жизни. Кроме того, Москву называют лидером в рамках работы по достижению целей устойчивого развития, принятых Генассамблеей ООН в 2015 г. Для Москвы уже сформирована Стратегия «Умный город – 2030», предполагающая инновации и технические прорывы, изменение предпочтений потребителей, повышение экологичности производств и т.д.

Однако, по мнению экспертов, сегодня, несмотря на проведение общегородских экологических программ (таких как «Моя улица», «Миллион деревьев» и проч.), экологическая политика г. Москвы не имеет системного характера, и главная ее проблема – в отсутствии межведомственного взаимодействия.

Несмотря на то, что часть экспертов высоко оценивает старания департаментов природопользования, транспорта и других, несистемность программ и решений делают экологическую политику города недостаточно эффективной, проигрывающей экономическим интересам города. Эффективность взаимодействия субъектов в ходе реализации экологической политики оценивается практически как нулевая.

Одной из сложнейших проблем эксперты называют отсутствие взаимодействий между различными городскими департаментами. Сотрудничество городских властей с предприятиями, некоммерческими организациями или научным сообществом очень сильно зависит от конкретного департамента Правительства Москвы. Например, Департамент транспорта довольно активно сотрудничает с разного рода НКО по различным вопросам (например, велодвижению), с коммерческими организациями, например, с компаниями, которые сдают автомобили в краткосрочную аренду. Это сотрудничество дает позитивные результаты и люди активно пользуются его плодами. Департамент жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, без которого решение экологических проблем практически невозможно, по мнению экспертов, практически не взаимодействует ни с кем, как и Департамент строительства.

В качестве еще одной проблемы отмечают отсутствие профильных экспертов во властных структурах, которые бы консультировали чиновников перед принятием социально-значимых решений. При департаментах существуют общественные советы, но их работа заключается в проведении исследований, результаты которых носят лишь рекомендательный характер. Общественные слушания эксперты называют формальной процедурой, имеющей лишь информационный характер. Население вовлекается в экополитику только в экстренных случаях, когда вопрос экологической безопасности касается их лично (их двора/дома/близлежащего парка). На данный момент вовлеченность жителей ограничена локальными протестами против ущемления прав на здоровую среду. Некоторые эксперты считают, что еще несколько лет назад ситуация была более позитивная, так как наблюдалось большее сотрудничество между властью и населением.

В Казани цели устойчивого развития охватываются одним из трех стратегических направлений принятой в 2016 г. Стратегии социально-экономического развития Казани до 2030 г. Местной властью признается существование ряда экологических проблем, и для их решения, с целью формирования безопасной городской среды, в рамках продвижения Казани как туристского города предпринимаются следующие меры: осуществляются программные мероприятия по очистке воздуха, водоемов, озеленению территорий. Планируется повысить долю площади зеленых насаждений с 23,1% в 2017 г. до 40% в 2030 г., снизить объемы выбросов в атмосферу от стационарных источников и автотранспорта с 31,36 и 73,66 тыс. тонн в год соответственно (2017 г.) до 27,52 и 69,01 тыс. тонн в год (2030 г.). Также в 2017 г. в Республике Татарстан был объявлен годом экологии и общественных пространств, продолжается обсуждение вопроса утилизации отходов [3]. В целом, качество и итоги экологического управления в Казани во всероссийских экологических рейтингах оцениваются довольно позитивно.

А данные экспертных интервью по вопросам эффективности экологической политики в Казани свидетельствуют о значительных проблемах в данной области. Большинство экспертов находят ее «несформулированной» и «невнятной» – отсутствует однозначное представление о нормах экологической деятельности разных уровней как в федеральном, так и в местном законодательстве, не созданы уполномоченные властные структуры. Тем не менее, в качестве положительного итога экологической политики в городе эксперты выделяют эффективность посадочных, озеленительных мероприятий, определенную, впрочем, задачами пиар-кампании казанского бренда. Так, цели при принятии экологических решений в основном ставятся экономические, вследствие чего учет мнения экологов не производится – наоборот, под давлением власти экологи вынуждены скрывать или подтасовывать полученные ими данные, если они не допускают принятых уже решений. В градостроительстве также производится учет мнения широкой общественности, однако коммуникация не имеет форму общественных слушаний – власть, отмечают эксперты, реагирует только на митинги и протесты, в том числе со стороны экологов.

В целом, задачи, содержание и эффективность экологической политики в Москве и Казани демонстрируют свою схожесть. Несмотря на присутствие экологического компонента в стратегических целях развития городов, на практике возникают такие проблемы, как неоднозначность положений экологического законодательства, отсутствие межведомственного взаимодействия уполномоченных органов при принятии и реализации управленческих решений, а также почти полная исключенность из этого процесса профессиональных экологов и населения.

Гражданское участие и повседневные практики

Результаты массового опроса населения Москвы и Казани (N=1500) показали, что более 70% жителей когда-либо принимали участие в акциях в защиту окружающей среды. При этом структура проэкологической активности практически никак не отличается в обоих городах. Основные акции, направленные на защиту окружающей среды, в которых участвуют горожане – это посадка деревьев и

цветов, уборка территорий от мусора, подписание писем в соответствующие инстанции. Казанцы немного чаще москвичей сажают деревья и цветы (49,5% против 44,3%) и участвуют в уборке территорий от мусора (46,8% против 39,3%), а москвичи чуть чаще подписываются под письмами в соответствующие инстанции (20,5% против 15,5%).

Наиболее популярными повседневным экологическими практиками для горожан являются экономия электроэнергии (76,6%), воды (68,5%), покупка/выращивание экологически чистых продуктов (37,1%). Экономические вложения, которые требуют больших затрат, но будут постоянно снижать энергопотребление, крайне мало распространены у жителей, вместе с автоматическими системами управления. Приложениями на смартфоне или планшете для управления жилищем пользуются около 25% горожан. Более ресурсозатратные практики, такие как участие в мероприятиях, направленных на защиту окружающей среды (15,1%) и участие в деятельности экологической общественной организации (12,3%) привлекают горожан в меньшей степени.

Москвичи по сравнению с казанцами экономичнее используют воду (73,1% против 63,9%), энергию (80,9% против 72,3%), в то время, как казанцы в большей степени, чем москвичи стараются покупать/выращивать экологически чистые продукты (40% против 34%), в остальных экопрактиках – различия не являются статистически значимыми.

Заключение

Исходя из первичного анализа результатов нашего исследования, представляется возможным сделать несколько выводов о факторах повышения эффективности экологической политики российских мегаполисов, в первую очередь, через включение в нее большего количества участников: как минимум, необходимо повысить экологическую культуру горожан, создавать эффективные переговорные площадки между государством, бизнесом и гражданским обществом, инициированные сверху в том числе, формировать зеленую экономику, и шире – внедрять принципы устойчивого развития во все сферы государственной политики, в том понимании устойчивости, которое объединяет в систему социальные, экономические и экологические процессы.

Использованные источники:

1. Ляховенко О.И., Чулков Д.И. Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения // Российская политология. 2017. №3. С. 21-26.
2. Халий И.А., Левченко Н.В. Экологическое сознание населения России // Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография] / Отв. ред. О.В. Аксенова; ИС РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 3,01 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. С. 60-83. 1 CD-ROM. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084
3. Стратегии социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года.

УДК 159.99

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВАРИАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПАТРИОТИЗМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Т.М. Беспалова, к. психол. н., доцент

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань,
Россия

Аннотация. В статье рассматривается актуальность изучения проблемы формирования гражданской идентичности личности в современном обществе. Показана необходимость развития патриотизма и ответственности как детерминант компонентов в структуре гражданской идентичности личности. Представлены результаты изучения концептов гражданской позиции личности юношей и девушек, являющиеся маркерами их гражданской идентичности.

Проблемы личности, ее предназначения и роли в обществе исторически всегда находились на переднем крае русской общественной мысли, которая вбирала в себя любовь к Отечеству, ответственность, духовное начало, мужество, стойкость, справедливость, честность. Чувство чести, верности, самоотверженности, развитое патриотическое сознание, формируемые на протяжении многих веков, определили стержень Российского государства, обеспечили содержание общественной высоконравственной морали.

Современное социально-экономическое и политическое развитие нашего государства требует от своих граждан сильной консолидирующей гражданской позиции, так как участие народа «как совещательного единства» в политическом и общественном управлении может быть обеспечено только благодаря сформированности национально-гражданской интеграции, солидарности, идентичности.

Гражданская идентичность, являясь ядром формирования триады «личность-общество-государство», имеет глубоко личностный значимый смысл. Гражданская идентичность личности, согласно нашей модели изучения этого феномена, включает в себя обусловленные индивидуальными свойствами (в первую очередь, темпераментом) компоненты: гражданскую самоидентичность, морально-нравственную установку, социальную дистанцию, субъектность.

Ответственность, на наш взгляд, определяет способность субъекта отвечать за деятельность в рамках реализации гражданской позиции. Патриотизм понимается нами как система взглядов, представлений и чувств человека, обеспечивающая сопричастность к проблемам общества, чувство гражданского

долга, доверие, гражданское достоинство, уверенность в необходимости реализации своей гражданской позиции.

Как указывалось нами ранее, единство компонентов определяет сформированность гражданской идентичности личности, которая может быть обусловлена мерой ответственности и уровнем ее развития, характером выраженности Я-концепции, мотивационной готовностью к личностному росту [2, с. 328-336].

Инициация гражданской идентичности личности зависит от воспитания в личности гражданина, наделенного гражданским самосознанием и самоидентификацией. Именно поэтому изучение формирования гражданской идентичности личности, ответственности и патриотизма как факторов, лежащих в основе ее становления, является на сегодняшний день не просто актуальной психологической проблемой, но приоритетной задачей государства.

Для современного молодого поколения проблема формирования гражданской идентичности личности стоит особенно остро, так как именно эта характеристика личности обеспечивает развитие гражданственности человека, его стремление трудиться на благо государства и общества.

По мнению Никовской Н.И., формирование гражданской идентичности личности – важнейший фактор консолидации российского общества, которое, заинтересовано в «позитивной идентичности», способствующей благоприятному социальному самочувствию граждан, их солидарности и сплоченности как ресурсов общественного развития [4, с. 646-648].

По мнению Малиновой О.Ю., важно анализировать, какие маркеры идентичности поддерживают пространство жизнедеятельности и развития человека [3, с. 129]. Именно активная идеология проектирования гражданской идентичности, считает Асмолов А.Г., может стать своего рода «фабрикой по производству «социального клея», скрепляющего ослабленные связи в социальных сетях России» [1, с. 73-75].

Необходимо отметить, что современные исследования гражданской идентичности личности носят преимущественно социологический и политический характер, а собственно психологических в этой области проводится мало. Все это определяет актуальность проблематики изучения вопросов семантической наполняемости психологического контента изучаемого явления. Смысловая трактовка понятия гражданской идентичности также вариабельна в различных направлениях научного знания.

Проведенное нами исследование нацелено на изучение сформированности предикторов гражданской идентичности личности лиц юношеского возраста – ответственности и патриотизма – через рассмотрение концептов, относящихся к гражданской позиции личности. С помощью ассоциативного эксперимента 98 студентам в возрасте от 18 до 22 лет было предложено дать определения понятиям «патриотизм», «ответственность», «гражданская идентичность».

Анализ полученных результатов показывает, что для подавляющего большинства опрошенных патриотизм связан с любовью к стране и родине (74%). В ответах менее половины участников опроса (40%) используются такие понятия,

как гордость и уважение. Для 53% лиц юношеского возраста патриотизм определяется преданностью родине, участием в жизни страны, отстаиванием её интересов, жертвами во имя страны. Про это около 5% молодых людей заостряют внимание на том, что патриотизм связан с действиями в сложных, неоднозначных условиях, «несмотря ни на что». Для 23% юношей и девушек патриотизм связан со знанием истории, традиций страны. В единичных ответах при определении патриотизма затрагивалась тема взаимодействия человека и государства, власти («то, что воспитывает государство», «одобрение действий власти»). В 7% ответов понятие патриотизма раскрывалось через отношение к малой родине, родным и предкам. В пятерку наиболее часто встречающихся слов, используемых при определении понятия патриотизм, вошли «любовь» (74%), «родина» (60%), «страна» (35%), «гордость» (26%), «преданность» (21%). Категория государства использовалась при определении данного понятия лишь в ответах 9% опрошенных. Для большинства респондентов в содержании концепта «патриотизм» главным является любовь к родине; категории гордости и уважения к стране используются реже; при этом половина всех опрошенных указывает, что патриотизм связан с отстаиванием интересов страны тем или иным способом. Кроме того, при определении данного концепта также понятие страны используется значительно чаще, чем понятие государства.

Ответственность стала следующим концептом, чья представленность содержания в языковой картине мира исследовалась. Подавляющее большинство опрошенных определяют ответственность как способность отвечать за какие-либо поступки, а также выполнение собственных обещаний, обязательств (60% всех ответов). Основными связанными концептами выступили «поступок» (26%), «обязательства» (23%), «долг» (12%), «последствия» (7%). Для 9% опрошенных важным акцентом при определении ответственности стала необходимость доведения дела до конца, кроме того были выявлены такие аспекты представленности данного концепта в сознании, как «умение отвечать за последствия» (7%), «максимально лучший результат» (7%), «уверенность в правильности своих действий» (5%). В 5% ответов ответственность рассматривалась в контексте ожидания наказания, зависимости человека от чего-либо. Также в 5% ответов ответственность определялась как качество, связанное с накоплением опыта («приходит с возрастом», «по-взрослому смотреть на вещи»).

При определении понятия гражданской идентичности для 53% опрошенных в качестве критерия выступало осознание принадлежности к государству, в то время как большой процент набрали также ответы, в которых основой для идентификации являлось не государство, а люди, население страны (30%). Наиболее часто употребляемыми концептами, связанными с понятием гражданской идентичности, оказались «государство» (44%), «гражданин» (19%), «страна» (12%), «общество» (12%).

Таким образом, проведенный анализ речевого высказывания и толкования понятий позволил определить особенности отражения гражданской идентичности личности в картине мира лиц юношеского возраста и сделать вывод о том, что формирование гражданской идентичности – это важнейшая стратегическая цель и

конкретная задача развития гармоничной личности и укрепления российской государственности.

Гражданская идентичность предполагает соотнесение индивида с государством, страной как территорией проживания, местом учебы и работы, обществом, патриотическое воспитание.

Сформированная гражданская идентичность молодых людей, базирующаяся на таких качествах, как ответственность и патриотизм, обеспечит их становление, позволит развить их профессионально важные личностные качества, нацеливающие на эффективную деятельность на благо Родины и государства.

Использованные источники:

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества//Вопросы образования. – 2008. -№1.
2. Беспалова Т.М. Патриотизм и ответственность как детерминанты становления гражданской идентичности личности// Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Т. В. Кирилловой. – Рязань: Академия ФСИН России, 2018. – 502 с.
3. Малинова О.Ю.Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности.- М., 2009.
4. Никовская Л.И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект// Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке: сборник, электронное издание сетевого распространения / Коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 856 с.

УДК: 316.752

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Вейсова В. Э., кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет» г. Симферополь, РК, Россия

В данной работе выясняется суть гражданственности личности, анализируются культурологические аспекты ее современного состояния в контексте потребностей развития гражданского общества.

Актуальность темы связана, прежде всего, с формированием содержания направлений реформирования современного российского общества, поиска оптимальных моделей трансформации мышления граждан России.

Важной составляющей преобразований может и должно стать гражданское общество, которое в России находится в стадии становления. Поэтому осмысление условий и факторов формирования и развития его количественных и качественных характеристик является одной из задач ученых, политиков, управленцев, так и небезразличных к судьбе своей страны рядовых граждан.

В научной, публицистической, учебной литературе при исследовании и освещении проблематики гражданского общества чаще всего раскрываются социально-экономические и политические условия и факторы его формирования. В стороне нередко остаются социокультурные аспекты этого процесса, и в частности, человек, гражданин, его социокультурный облик. Хотя, как показывает практика, гражданское общество может исполнять свою настоящую роль лишь в том случае, если граждане его составляющие, имеют надлежащую политическую гражданскую культуру. Иначе, гражданское общество превращается в толпу политически бескультурных граждан, со всеми присущими ей признаками, об этом свидетельствует, например, тот факт, что сегодня в России некоторые институты гражданского общества не менее коррумпированы, чем институты государства.

Целью статьи является осуществление анализа противоречий и трудностей формирования гражданственности как социокультурного качества личности в современных условиях.

В современной историографии есть ряд работ, посвященных исследованию процесса становления гражданского общества, в т. ч. анализу отдельных социокультурных факторов. Прежде всего, это работы В. Бабкиной, В. Горбатенко, И. Кального, А. Колодий, О. Косиловой, И. Кресиной, Л. Лясоты, Н. Михальченко, О. Романенко, Т. Розовой, Г. Щедровой и др.

Отметим идеи и положения некоторых авторов, имеющих значение для раскрытия нашей темы.

В работах Л. Лясоты обосновывается роль политических ценностей в развитии общественной системы. Автор пишет, что легитимность и стабильность политической системы общества зависит, помимо других факторов от объединяющего консенсуса по поводу известных «базовых» ценностей, принципов общественного устройства. Отсутствие или ослабление ценностного консенсуса может привести к разрушению общественных основ, дисфункции государственно-политических институтов [3].

Л. Кемалова и Ю. Парунова также подчеркивают значение ценностей в становлении и развитии гражданского общества. Анализируя социокультурные трансформации, исследователи приходят к выводу, что старая школа ценностей потеряла актуальность, а новая еще не сложилась, чем во многом вызван кризис идентичности личности [2].

Отметим, еще один вывод указанных выше ученых, суть которого состоит в том, что необходимо разводить понятия официальных ценностей и ценностей обыденного сознания, так как они могут не совпадать. Сплоченнее и стабильнее гражданское общество и государство, если степень совпадения этих групп ценностей высока [2, с. 126].

Многие исследователи придерживаются точки зрения, что формирование гражданского общества требует развития механизма самоорганизации как каждой личности, так и социума в целом [4].

О. О. Ромашко анализирует влияние политических коммуникаций на формирование гражданственности личности [5].

Анализ литературы позволяет говорить о том, что становление и развитие гражданского общества зависит от ряда социокультурных условий и факторов. Это – ценностные ориентации, лежащие в основе трансформационных процессов и поддерживаемые большинством общества; степень реализации свобод для проявления самостоятельной активности личности и деятельности создаваемых гражданами организаций; способность народа к самоорганизации и самоуправлению, формированию групповых интересов и механизмов их выражения, обоснования и защиты; степень развития способности граждан к коллективному действию, солидарности; уровень развития в народе, у граждан чувств гражданского достоинства и гражданственности; уровень общей, политической и правовой культуры.

Перечисленные условия и факторы скорее представляют собой некие идеально-типические характеристики, которые трудно приложить даже к самым передовым странам мира. Однако, они являются ориентиром и целью движения вперед, критерием степени развития гражданского общества в определенный отрезок времени.

Практически все исследователи основной ценностью, ключевой составляющей, важнейшим условием развития гражданского общества считают человека, личность. Человека с его способностями к самоорганизации, самодеятельности, самоуправлению, демократии; человека готового действовать в рамках общей и политической гражданской культуры. Ведь известно, что социальные практики не могут выйти за пределы сформировавшихся культурных

форм. Культура, понимаемая как совокупность способов и результатов деятельности народа, как синтез его интеллектуальных, материальных и духовных достижений, воспроизводит адекватные себе систему политического управления, экономику, социальные отношения, механизмы формирования элиты, систему права и правоприменения, и даже масштабы коррупции.

Роль гражданина в системе гражданского общества, его социально-нравственного и общекультурного развития, дают нам основание остановиться, прежде всего, на гражданственности личности как условии развития гражданского общества.

Прежде чем перейти к изложению авторского видения сформулированной в названии темы проблемы, дадим определение ключевых категорий используемых в настоящей работе – гражданское общество и гражданственность.

Автор придерживается мнения, что гражданское общество – это сложная и динамичная система охраняемых законом старых и новых социальных институтов и отдельных лиц, выступающих с альтернативными гражданскими инициативами, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных взаимодействиях друг с другом и с институтами государственной власти.

Гражданственность – можно определить как готовность и способность человека, гражданина к активному участию в делах общества и государства на основе глубокого осознания своих прав и обязанностей; антипод – аполитичность, абсентеизм, социально-политическая индифферентность и синоним – социально-политическая активность, патриотизм. Понимание гражданственности как совокупности высокоразвитых моральных качеств человека предусматривает: гражданскую компетентность, гражданскую культуру, зрелость политического и правового сознания; чувства патриотизма, причастности к исторической судьбе своей Родины и его народа; осознание себя как полноправного члена социальной общности, гражданина своей страны.

С точки зрения французского исследователя Ги Эрмэ, гражданственность состоит из трех взаимодополняющих и неразделимых элементов. Прежде всего, она основана на осознании единства прав и обязанностей, которые бесполезны, если остаются невостребованными. Далее, она предполагает наличие конкретных гражданских действий: от потребности быть информированным до активного участия в политических и избирательных кампаниях. И наконец, гражданственность опирается на систему ценностей и на нравственную убежденность, придающих этой системе смысл и значение [1, с. 254].

Важнейшая составляющая гражданственности – гражданская политическая культура, ценностями которой являются: знание индивидуальных прав и свобод; заинтересованность политикой (хотя и не первоочередность политических интересов в сравнении с другими); убежденность граждан в том, что они должны принимать участие в политике и их вера в свою способность влиять на власть; доверие общественным и государственным институтам, ожидание справедливого и внимательного (не по форме, а по существу) рассмотрения проблем граждан государственными служащими; знание о политической системе, понимание того,

что есть демократия, как эта система «работает» в данной стране; господство отношений взаимного доверия и сотрудничества между гражданами, способности идти на компромиссы, политическая толерантность.

Использованные источники:

1. Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Учебное пособие / Б. А. Исаев, Н. А. Баранов. – СПб.: Питер, 2009. – 395 с.
2. Кемалова Л. И., Парунова Ю. Д. Личность маргинала и возможности ее социализации в условиях транзитивного общества : [монография] / Л. И. Кемалова, Ю. Д. Парунова. – Симферополь – Керчь: Таврия, 2010. – 228 с.
3. Лясота Л. І. Формування системи політичних цінностей у сучасному українському суспільстві / Л. І. Лясота // Актуальні проблеми політики : збірник наукових праць. – Одеса : Юрид. літ-ра, 2001. – Вип. 10–11. – С. 384–388.
4. Політична система та інститути громадянського суспільства в сучасній Україні : Навч. Посібник / Ф. М. Рудич, Р. В. Балабан, Ю. С. Ганжуров та ін. – К. : Либідь, 2008. – 440 с.
5. Ромашко А. А. Проблемы гражданской идентичности в глобализированном мире : коммуникативный аспект / А. А. Ромашко // Матеріали IV Міжнародної науково-теоретичної конференції «XXI століття : альтернативні моделі розвитку суспільства. Третя світова теорія», 26–27 травня 2005 р., Київ. Ч. 1. – С. 312–315.

УДК 316

ПАТРИОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ЮГЕ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПАТРИОТИЗМА¹

Верещагина А.В., д.соц.н., доцент;

профессор Южного федерального университета,

Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В данной работе анализируются перспективы формирования и развития гражданского патриотизма на Юге России как площадки межкультурного диалога и фундамента межэтнической консолидации. С этой целью автор обращается к молодежи данного региона, ее патриотическим ценностям и установкам с позиций выявления его когнитивных, ценностных и поведенческих аспектов и проявлений патриотизма в ее среде в условиях современной российской реальности. В результате такого анализа делается вывод о том, что патриотизму в молодежной среде Юга России не хватает гражданственности, и он развивается в русле патриотизма государственного (держаного, военизированного) типа в соответствии со сложившимися традициями формирования патриотизма в истории российского государства.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, гражданственность, гражданский патриотизм, патриотические практики, Юг России.

Современная Россия уже не одно десятилетие стоит перед задачей, связанной с консолидацией и солидаризацией населяющих страну многочисленных народов, и в этом отношении наиболее актуальным представляется обращение к южнороссийскому региону как самому полиэтничному и снискавшему славу конфликтного региона. Его сложная этническая структура и богатая палитра этнических культур со своей специфической траекторией и историей межэтнических отношений определяет особое внимание к данному региону и необходимость создания площадки межкультурного диалога как фундамента российской идентичности и межэтнической консолидации. Такой площадкой может стать патриотизм, на протяжении всей истории России позволявший многонациональному российскому народу быть одним целым и успешно противостоять всем вызовам, рискам и угрозам.

Однако встает вопрос о том, какой именно патриотизм может стать основой

¹ Статья выполнена в рамках реализации Государственного задания (Министерство образования и науки Российской Федерации), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации»

такой площадки, объединить народы России и позволить справиться с рядом актуальных и острых социальных проблем? Этот вопрос далеко не единственный. Другой связан с молодежью как основным ресурсом общественного воспроизводства и фундаментом будущего страны. Какой патриотизм понятен и нужен молодежи, чтобы решить стоящие перед страной внешние и внутренние проблемы на основе активной вовлеченности молодых поколений в процессе общественного развития и созидания? Отвечая на данный вопрос, ряд ученых склоняются к мнению, что таким патриотизмом может и должен стать гражданский патриотизм [1]. Соглашаясь с тем, что о таком патриотизме пока можно говорить в проективном ключе [2], мы все же полагаем, что есть определенные основания и предпосылки для обращения к данному явлению, и в данном контексте решили обратиться к молодежи Юга России и ее патриотическим ценностям.

Исследования в этом направлении показывают, что имеются определенные сложности в формировании гражданского патриотизма у молодежи на Юге России, объединенные в две группы: первая группа связана с культурно-цивилизационными особенностями развития данного региона и его социально-экономическими проблемами, а вторая - с внешними факторами, связанными с ужесточением геополитического соперничества в современном мире. В качестве культурно-цивилизационных особенностей Юга России исследователи отмечают его социокультурную неоднородность как фактор потенциальной конфликтности в региональном развитии, указывая на то, что значительной преградой на пути формирования гражданского патриотизма у молодежи Юга России выступают социальные проблемы региона (экономическая нестабильность, высокий уровень безработицы в отдельных республиках региона, глубина и рост социального неравенства, духовный вакуум [3; с. 304-305]).

Почему же не развивается гражданский патриотизм на Юге России? Ученые говорят об актуализации традиционных видов идентичности в молодежной среде Юга России как реакции на сложные условия, рост фрустрации, психологических состояний тревоги, чувства безысходности, бесперспективности и неспособности что-то изменить собственными усилиями, а перечисленное не способствует формированию общегражданской идентичности. Более того, в патриотическом сознании южнороссийской молодежи, как подчеркивают ученые, наблюдается раздвоение, когда в дихотомии «страна – государство» страна выступает объектом любви, а государство – противоположных чувств и эмоций, предметом критики и уничтожения [4; с. 305].

В данных обстоятельствах в сознании молодежи патриотизм не ассоциируется с реальными гражданскими патриотическими практиками, а потому и самым распространенным типом патриотических практик становится военизированный патриотизм. Молодежь на Юге России, как показывают современные реалии, активно участвует в организации и деятельности поисковых отрядов, реконструкции военных сражений, конкурсах военной песни, различного рода акциях, связанных с героическими страницами Великой Отечественной Войны. По-прежнему молодежь трепетно относится к встречам с ветеранами ВОВ,

к их рассказам и подвигам, и это чрезвычайно важно и для тех, кто боролся с фашизмом и избавил от него все человечество, и для молодежи, которая должна сохранить память о героическом прошлом своего народа. Однако такое акцентированное внимание на военизированной стороне патриотического воспитания молодежи угрожает героизацией патриотизма, и ученые уже отмечают тенденции на Юге России, связанные с утратой понимания в молодежной среде того, что как можно проявить патриотизм в мирное время, когда нет места подвигу, а гражданская повседневная жизнь и ее обыденные социальные практики не рассматриваются в качестве арены патриотических практик. Особенно это характерно для молодежи пограничных регионов страны, к которым относится и Юг России, в массовом сознании населения которого глубоко укоренен образ «границы», и сильны охранительные, державные традиции [5]. И именно в этом формате формируются патриотические ценности молодежи Юга России, и надо сказать, что уровень патриотизма среди молодежи данного региона, согласно оценкам ученых, достаточно высокий, хотя и уступает несколько показателям патриотизма у старших поколений россиян. Об этом говорят исследования среди молодежи Дагестана [6], Республики Крым [7], Ростовской области и других региональных сообществ южнороссийского региона [8]. Любовь к Родине, готовность встать на ее защиту, гордость за нее – вот ключевые коннотации, отражающие восприятие молодежью Юга России патриотизма. Эти коннотации характерны и других возрастных групп Юга страны, да и России в целом [9], и мы вновь поднимаем вопрос: а способен ли такой патриотизм, не содержащий в себе деятельностно-гражданской компоненты, стать основой гражданской консолидации как базового условия солидаризации многонационального южнороссийского региона? В таком патриотизме, основанном на сугубо эмоционально-чувственном его восприятии, отсутствует потенциал для решения социальных проблем, остро стоящих перед полиэтничным региональным сообществом Юга России, и более того, сама идея патриотизма зачастую становится инструментом манипуляции массовым сознанием и распространения ксенофобии и этнофобии, в том числе и в молодежной среде Юга страны. Проявлением этого выступает то, что патриотизм нередко отождествляется у молодежи с нетерпимостью к представителям иных этнических групп и конфессий. Совершенно очевидно, что необходим поиск единых ценностных оснований, способных нивелировать этнокультурные и религиозные противоречия и конфликты в тех регионах, где сама поликультурная и полиэтничная среда является средой для их возникновения и воспроизводства. И нам видится, что эти ценностные основания связаны с формированием у молодежи универсальных гражданских ценностей, интернализация которых может стать эффективным способом формирования конструктивного взаимодействия и консолидации различных народов, проживающих на Юге России.

Таким образом, можно заключить, что гражданский патриотизм, рассматриваемый нами как фактор межэтнической консолидации и солидарности на Юге России, можно считать явлением перспективным, но еще не укорененным в социальных практиках молодежи данного региона. Вместе с тем, именно молодежь является той социальной группой, которая может составить ядро гражданского

патриотизма, поскольку именно в молодежной среде гражданственность выступает значимым элементом ценностной системы.

Литература

1. Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubskiy A.V., Vagina V.O., Gubarev I.V. Patriotism and solidarity in the west and in Russia // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. 7 (2.13). P. 46-50
2. Верещагина А.В. Гражданский патриотизм на Юге России: миф или перспективная реальность? // *Гражданский патриотизм и солидаристские практики в России: Материалы Международной научной конференции «Гражданский патриотизм и солидаристские практики в России» (24 октября 2017 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Ю.Г. Волков; сост. Н.К. Бинеева, В.О. Вагина. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. С. 226-232.*
3. Шевченко О. М., Вагина В. О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // *Гуманитарий Юга России*. 2017. № 3. С. 300-309.
4. Там же.
5. Колесникова Е.Ю., Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // *Гуманитарий Юга России*. 2018. № 5. С. 174-183.
6. Шахбанова М.М. Патриотизм: специфика формирования и функционирования в республике Дагестан // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Том 1. № 1. С. 205-208.
7. Подъячев К.В. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах Российской Федерации // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 4(12). С. 126-136.
8. Lubsky A.V., Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Kolesnikova E.Yu. Aslanov Ya.A. Organizational and Legal Aspects of Patriotic Practices in Regional Communities at the South of Russia // *International Journal of Civil Engineering and Technology*, 9(11), 2018, P. 180–189.
9. Патриотизм: динамика мнений // *Фонд общественного мнения*. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261>

УДК 316.42:314.9

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.Ю. Гайфуллин¹, к. соц.н., доцент; М.М. Гайфуллина², к.экон. н., доцент

¹ Башкирский государственный университет, Факультет философии и социологии, г. Уфа, Россия

¹ Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа, Россия

² Уфимский государственный нефтяной технический университет, Институт нефтегазового бизнеса, г. Уфа, Россия

Аннотация.

В статье рассматривается образовательный уровень современной российской молодежи, приводится анализ численности молодежи, уровня образования, доли молодежи среди безработных в динамике за 2000-2017 гг. Делается вывод, что в существующих условиях наличие более высокого уровня образования у молодежи не гарантирует им желаемого трудоустройства. Приводятся основные направления повышения эффективности использования образовательного и профессионального потенциала современной российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, образование, образовательный уровень, коэффициент образовательного уровня, уровень безработицы.

Молодежь, являясь весомой социально-демографической группой общества, играет очень важную роль в формировании экономической, политической, социальной и культурной сфер и в значительной степени определяет характер социального развития страны.

В течение последних лет из-за доминирования негативных демографических процессов (падение уровня рождаемости и естественного прироста) наблюдается объективное «старение» российского населения. Если рассматривать удельный вес молодежи в общей численности населения, то мы можем наблюдать его снижение в Российской Федерации (рис. 1).

Рис. 1. Динамика и удельный вес молодежи (15-34 лет) в общей численности населения (на начало года), % [7]

Многие авторы, и с этим трудно не согласиться, подчеркивают особое, а порой и главное, значение образования в социальном развитии молодежи, в процессе приобщения молодежи к основным социальным ценностям [5]. Система образования развивает природные задатки и дает знания, квалификацию, необходимую для профессиональной деятельности, и тем самым способствует более полному использованию интеллектуального потенциала общества [6]. Она подготавливает молодое поколение к участию в принятии управленческих, политических, экономических и других решений. Отечественные и зарубежные экономисты выявили прямую зависимость между уровнем образования и уровнем ВВП, причем увеличение общественных и личных затрат на образование обеспечивает более половины прироста ВВП. Поэтому показатели потенциала образования стали частью системы показателей международной статистики [8].

Уровень образования российской молодежи в возрасте 15-34 лет по данным Всероссийских переписей населения (ВПН) 2002 г. и 2010 гг., а также микропереписи (МП) 2015 гг. приведен в таблице 1.

Таблица 1

Распределение молодежи Российской Федерации по уровню образования, %

Образование	ВПН-2002	ВПН-2010	МП-2015
Послевузовское, высшее, неполное высшее	18,9	34,4	36,2
Среднее профессиональное	24,6	24,5	31,2
Начальное профессиональное	12,0	5,6	
Среднее полное	23,4	19,7	18,7
Основное (неполное среднее)	18,5	13,2	11,5
Начальное и не имеющие образования	2,6	2,8	2,4

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/vpn/vpn_popul.htm

Для оценки образовательного уровня российской молодежи нами был рассчитан коэффициент образовательного уровня:

$$K_{oy} = 5 * Q_{\text{во}} + 4 * Q_{\text{сно}} + 3 * Q_{\text{то}} + 2 * Q_{\text{сно}} + 1 * Q_{\text{оо}}$$

где Чво, Чспо, Чнпо, Чспо, Чоо – доля численности молодежи с послевузовским, высшим и неполным высшим образованием, средним профессиональным образованием, начальным профессиональным образованием, средним полным образованием, основным общим образованием, %;

5, 4, 3, 2, 1 – баллы, присваиваемые в соответствии с уровнем образования (от высшего до общего основного).

Динамика коэффициента образовательного уровня российской молодежи приведена на рис. 2.

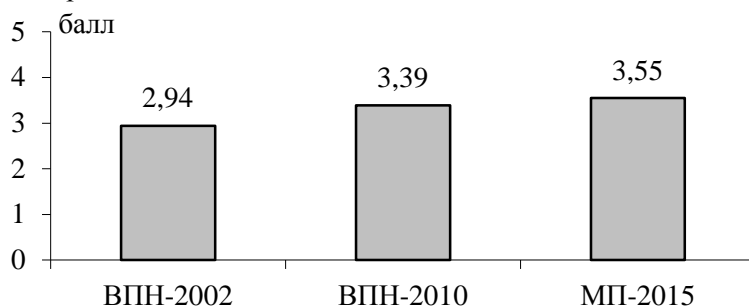

Рис. 2. Динамика коэффициента образовательного уровня российской молодежи

Таким образом, данные переписей населения показывают рост образовательного уровня российской молодежи. Динамика показателей образовательного потенциала молодежи отражает востребованность различных уровней образования. Молодежь предпочитает получать высшее образование, что с одной стороны является следствием требований, предъявляемых к работнику на рынке труда, появлением новых профессий, усложнением объема необходимых знаний. С другой стороны, это ориентация на большую престижность высшего образования.

Однако, при росте численности молодежи, имеющей высшее образование, при росте общего образовательного уровня наблюдается парадоксальная ситуация – доля безработной молодежи в составе безработных остается довольно высокой – 51,3% по итогам 2017 года (рис. 3). При этом, если за 2002-2015 гг. коэффициент образовательного уровня российской молодежи увеличился с 2,94 до 3,55, то доля молодых безработных осталась практически неизменной – 51-52%.

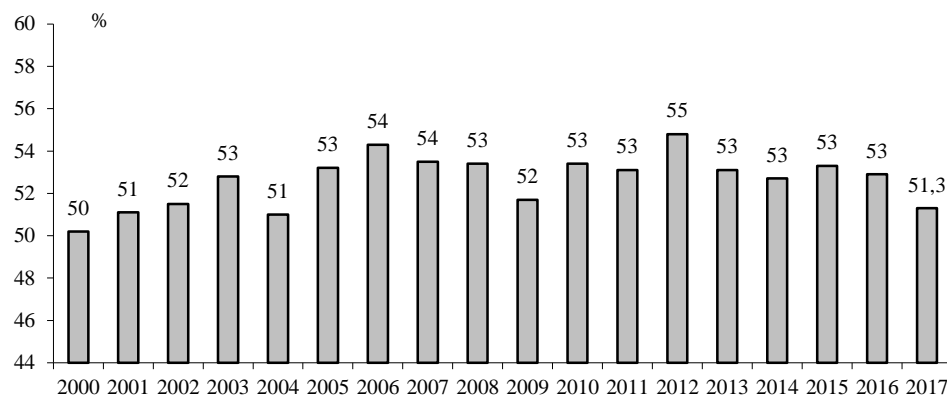

Рис. 3. Доля молодежи (15-34 лет) в составе безработных в Российской Федерации, % [7]

Таким образом, в существующих условиях наличие более высокого уровня образования у молодежи не гарантирует им желаемого трудоустройства.

Проведенный анализ и выявленные проблемы в развитии образовательного потенциала молодежи свидетельствуют о необходимости разработки и реализации комплекса мер, которые позволили бы создать основу формирования адаптивного поведения молодежи на рынке образовательных услуг и современном рынке труда, а также позволили бы решить проблему подготовки стратегических трудовых кадров для различных субъектов Российской Федерации с учетом перспективных отраслей и основных направлений социально-экономического развития регионов [1].

С этой целью, на наш взгляд основные усилия по развитию образовательного потенциала молодежи целесообразно сконцентрировать в рамках следующих, выделенных нами в качестве актуальных основных направлений:

- 1) развитие системы профориентации молодежи;
- 2) формирование системы выявления и информирования молодежи о перспективных рынках труда и направлениях подготовки;
- 3) усиление системы дополнительного профессионального образования;
- 4) совершенствование сети научно-образовательных центров, реализующих программу многоуровневого образования с учетом отраслевой направленности;
- 5) организация работы по содействию в трудоустройстве выпускников путем развития и усиления работы в рамках системы содействия трудоустройству и адаптации на рынке труда выпускников при профессиональных образовательных учреждениях [2].

Сегодня следует признать актуальность такой социально значимой проблемы как трудоустройство выпускников, на смягчение которой направлена такая мера как развитие системы трудоустройства при профессиональных образовательных учреждениях. Трудоустройство выпускников является и частью образовательного процесса, и критерием качества обучения в профессиональных

учебных заведениях. Анализ практики деятельности образовательных учреждений и методов их управления показывает, что система содействия трудоустройству и адаптации на рынке труда выпускников является одним из эффективных способов и мер повышения уровня социально-полезной отдачи молодых специалистов. Кроме того, организация стажировок и практик, взаимодействие образовательных учреждений с компаниями-работодателями создает условия профессионального и социального развития молодых специалистов, повышения престижа учебного заведения и улучшения методического и материально-технического обеспечения учебного процесса [3].

Приоритетность данных направлений обоснована выделенной нами выше тенденцией несоответствия у определенной доли молодежи образовательного статуса профессиональному, т.е. содержанию труда, тенденцией трудоустройства не по базовой специальности подготовки или ее смены, а также, необходимостью формирования кадрового потенциала с учетом расширенных требований к профессионально-квалификационным характеристикам рабочей силы, формирования работников нового типа, которые должны обладать не только узкоспециализированными знаниями, но и широкой профессиональной подготовкой, традиционными востребованными в современных условиях компетенциями, а так же качествами, определяющими их инновационный потенциал.

Развитие системы профориентации молодежи рассматривается нами как мера государственного регулирования в области структурного дисбаланса на рынке труда, а также как мера сохранения и усиления воспроизводства рабочих кадров [4].

Молодежь выстраивает различные стратегии в соответствии со своими социально-статусными ориентациями, что в значительной степени и определяет различные стратегии формирования и развития образовательного потенциала. Как показывают результаты исследований, применение жестких методов количественного соответствия спроса и предложения и ориентация на механизмы рынка не оправдывают себя. Актуальной является регуляция системы социальных ориентаций молодежи.

В данном ключе, со стороны системы образования профориентационная политика позволяет использовать соответствующую систему ценностных ориентаций и стимулов в процессе воспроизводства образовательного потенциала молодежи, влияя на социальные установки и ориентации молодежи. Она представляет систему формирования трудовых и профессиональных ориентаций.

При этом формирование и реализация образовательных и карьерных стратегий молодежи должны опираться на комплекс соответствующих мероприятий, основывающийся на взаимодействии обоих субъектов воспроизводства образовательного потенциала: производства и бизнеса, образовательных и научных учреждений и включать:

1) создание условий для привлечения и закрепления молодежи в производственный сектор экономики - обновление производства и развитие мер социальной защиты молодежи на производстве;

- 2) организация производственной практики и повышение качества процесса обучения в системе начального профессионального образования;
- 3) создание условий для повышения квалификации и карьерного роста;
- 4) использование возможностей СМИ и рекламных компаний.

Таким образом, реализация форм социального партнерства в совокупности с развитием системы профориентации, предполагающей трансформацию представлений молодежи о статусе начального профессионального образования и рабочих профессиях являются наиболее эффективными механизмами воспроизводства образовательного потенциала молодежи. Активное включение производства и бизнеса в образовательные процессы является условием повышения качества и эффективности использования образовательного потенциала молодежи.

Использованные источники

- 1 Гайфуллин А.Ю. Интеллектуально-профессиональный потенциал современной молодежи / Инновационные технологии в формировании молодежного потенциала современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, в 2 частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2010. –С. 43-46.
- 2 Гайфуллин А.Ю. Методический подход к оценке социальной устойчивости территориальных образований // Известия Уфимского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 104-109.
- 3 Гайфуллин А.Ю., Куценко С.О. Ценностные ориентации и потенциал социального роста молодежи российского региона в современных условиях // Вестник ВЭГУ. 2016. № 5 (85). С. 24-31.
- 4 Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке социальной безопасности региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-5. С. 1001-1006.
- 5 Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М. Методический подход к оценке социального развития регионов // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2017. № 3. С. 107-113.
- 6 Иваненков С., Кусжанова А. Социализация молодежи и перспективы развития образования // Россия-XXI. М, 1995. №9-10. С. 60-69.
- 7 Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Росстат. – М., 2018.
- 8 Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь: (социол. исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. С. 126-128.

УДК 304.3

МОЛОДЕЖЬ КРЫМА: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Гонтаренко Н.Н., младший научный сотрудник, магистрант 2 курса

Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН,
Институт социологии и регионоведения ЮФУ,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье изложены основные результаты анализа ценностных установок молодежи Крымского полуострова и представлены факторы, обуславливающие формирование их образа жизни.

Перспектива развития любого общества, независимо от его федерального или регионального уровня, основывается на установках самой переходной части населения – молодежи. Именно в силу своей особой восприимчивости и высокой социальной мобильности, молодежный социальный слой наиболее подвержен диверсификации ценностей и установок, чем другие слои общества. Необходимо отметить, что основу формирования общественного сознания и поведения людей составляет именно система ценностных ориентаций молодого поколения.

Молодежь выступает как социально-демографическая группа, ограниченная возрастными рамками, имеющая особые социальные роли и статусы в обществе. Главным фактором дифференциации этой группы населения от других слоев, принято считать возрастной ценз. Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Как правило, низшая возрастная граница молодежи – 13-15 лет, средняя – 16-24, высшая – 25-36 лет. Под молодежью в настоящее время в соответствии с действующими нормативными документами РФ понимаются граждане в возрасте от 14 до 30 лет включительно.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году, в России проживают 5,4 млн. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет – это 12 % от общего населения страны [3, с. 77].

В рамках данной статьи, мы будем использовать результаты социологического исследования*, проведенного Южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН в 2018 году на Юге России. Репрезентативность исследования обеспечивалась за счет разработки и реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (пол, возраст, уровень образования и тип поселения).

* Социальная инерционность в смыслах и практиках повседневной жизни населения регионов Юга России. Регионы Юга России, выбранные в качестве площадок проведения опроса: в Ростовской области – 746 человек, Ставропольском крае – 638 человек, в Республике Адыгея – 188 человек, в Кабардино-Балкарской Республике – 150 человек, в Республике Крым - 534 человека.

Объем выборки – 2256 респондентов. 31,1% от общего числа респондентов – это молодые люди в возрасте от 18-30 лет.

Ведущим механизмом адаптации молодого человека в ходе социализации – переход из детства во взрослую жизнь – выступают чередующие друг друга процессы идентификации [6, с. 28]. Молодой человек не сможет себя познать, если не будет сравнивать себя и находить общие черты или характеристики с другими из того же поколения. То есть в процессе социальной идентификации у него будет формироваться, а точнее укрепляться личностная идентификация себя по модели «я – это мы». Так, данные исследования показывают, что крымская молодежь от 18 до 40 лет идентифицирует себя по модели «мы – это люди одного поколения» (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «О каких из перечисленных групп людей Вы можете сказать: «Это – мы»? Люди моего поколения», %

	18-24	25-29	30-39
В значительной степени	50,0	45,8	31,6
Не ощущаю близости	7,7	4,2	10,5

Современная геополитическая ситуация, в которой существует крымский социум и российское государство в целом, актуализировала надолго забытую проблему гражданской идентичности личности. Формирование гражданской идентичности молодого поколения осуществляется под воздействием условий жизнедеятельности той социальной общности, в рамках которой молодежь социализируется, отражая социальное положение молодежи и его особенности, специфику взаимодействий с государством [4, с. 72]. События «Крымской весны» 2014 года, вернувшее Крымский полуостров в «родную гавань» России характеризуется идентификацией себя как «мы – это граждане России» в значительной степени – 57,7 % у молодых крымчан в возрасте от 18 до 24 лет (см. табл. 2). Необходимо отметить и тот факт, что чем старше становится молодой человек, приближаясь к возрастному параметру, отделяющему его от идентификации как молодежь, тем связь с гражданской идентификацией слабеет – от 33,3 % в возрастной группе 25-29 лет до 25 % – у 30-39-летних.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «О каких из перечисленных групп людей Вы можете сказать: «Это – мы»? Граждане России», %

	18-24	25-29	30-39
В значительной степени	57,7	33,3	25,0

Не ощущаю близости	11,5	8,3	15,0
--------------------	------	-----	------

Молодежь воспринимают главным проводником одновременно инноваций и ресурсом сохранения общества, и здесь важно понять какие ценностные ориентации молодого поколения влияют на образ жизни населения в целом. Исходя из анализа полученных данных проведенного социологического исследования, ценностные ориентации молодежи Крымского полуострова можно структурно разделить на три группы: ценности трансляции профессиональных традиций; семейные ценности и традиции бракосочетания; отношение к традициям своего этноса, старшего поколения, к процессам трансформации традиционности мира.

Развитие любого государства зависит от того, кто приходит на смену старшему поколению, и поэтому изучение особенностей профессиональных традиций и ориентацию на них работающего или студенческого молодого поколения представляет наибольший интерес. «Перестройка» середины 1980-х гг. и новая политико-экономическая система 1990-х годов стали основными предпосылками к существующей в современной России проблеме с трансляцией профессиональных традиций. Так, советское правительство гарантировало полную занятость своему населению, распределяя рабочую силу по профессиональным сферам и в соответствии с экономическими планами организовало сферу труда. Пришедшие в 90-е годы рыночные отношения в экономическую сферу государства в корне изменили «жизнь» целого трудового поколения, ввергнув его в новые условия рынка – в трудовую конкуренцию. «...Резкая ломка привычного цикла жизни, утрата прежних ценностных ориентиров, привели часть трудоспособного населения (поколения современных родителей) к нравственной пустоте, отсутствию жизненных смыслов...» [2, с. 1207]. Как следствие, процесс трансляции профессионального опыта и норм трудовой деятельности от старшего поколения к молодому поколению усложнился. Так, у больше половины – 65 % крымской молодежи опыт родительского поколения, т.е. передача семейных профессиональных традиций, не повлиял на выбор профессии (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Обусловлен ли выбор Вами профессии семейными традициями», %

Обусловлен полностью	3,8
Семейные традиции частично повлияли на выбор профессии	27,5
Не обусловлен сов сем	65,0

Важнейшим социальным общественным институтом выступает семья. В последние два десятилетия в России ценности брачного союза сильно пошатнулись. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 году, в России число разводов составило 52% от общего числа зарегистрированных браков

[3, с. 80]. Молодое поколение все чаще вступает в совместное проживание вне официальной регистрации отношений. Так, данные по исследованию российской молодежи Фондом общественного мнения в 2016 году показывают, что основными причинами не регистрировать брак у молодых людей стали: плохие отношения с родителями, финансовые проблемы, межэтнические убеждения, неуверенность в своих силах, страх перед ответственностью и нежелание обременять себя заботами, стремление к независимости друг от друга [3]. Как показывают данные исследования, в ценностных ориентациях молодежи Крымского полуострова преобладает традиционность в установке на регистрацию брака – 84,6 %, отрицательных ответов не получено (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько лично для Вас приемлемы следующие нормы при вступлении в брак? Обязательная регистрация брака в органах ЗАГС», %

Приемлемо	84,6
Не приемлемо	-

В силу своей мобильности молодежь как социальная группа реагирует на изменения в обществе, отвергая или ускоряя традиции окружающего ее социума. Так, по мнению большинства молодежи Крымского полуострова – 66,7 % в повседневности человек следует традициям своего этноса *«по привычке, потому что так принято»* и лишь 28 % молодого поколения региона считают важным следованию народным традициям и обычаям с целью их сохранения, и трансляции будущим поколениям (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, почему человек в повседневной жизни следует традициям своего народа, этноса?», %

Это происходит по привычке, потому что так принято	66,7
Это модно	2,6
Это важно для личного духовного развития	23,1
Важно, чтобы народные традиции и обычаи не предавались забвению, передавались следующим поколениям	28,0
За несоблюдение традиций следует наказание, осуждение, неприятие	5,1

Иначе человек останется один, и не сможет рассчитывать на поддержку соплеменников	15,4
---	------

Традиционность мира уступает модернизационным процессам, охватывающим все сферы жизни общества. Отношение к традициям в современном мире у молодежи Крымского полуострова имеет синегерийный характер, сочетая инновационные черты и опору на традиционность, без которой невозможно развитие. Так, по мнению, 62,5 % молодых крымчан, *«мы живем в другом мире, чем раньше, и многие традиции сегодня устарели»*, но в тоже время, 43,5 % опрошенных считают, что *«традиции не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны»*.

Образ жизни и систему ценностных ориентаций молодежи Крымского полуострова можно охарактеризовать специфично: здесь параллельно сосуществуют и переплетаются две системы приоритетности – тяготеющая к традициям и стремящаяся к модернизации. Причем традиционные ценности, претерпевая некоторые изменения, во многом толерантны одновременным модернизационным процессам.

Использованные источники:

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социология молодежи. Учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. – С. 71-74.
2. Микаэлян Д.А. Влияние факторов социальной среды на выбор будущей профессии старшеклассником // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1206–1210.
3. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. 522 с. [Электронный документ]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf.
4. Рыкунова А.Ю. Исследование гражданской идентичности подростков и взрослых людей // Молодой ученый. – 2016. – №15.1. – С. 71-74.
5. Тулегенова А.Г., Спильная О.О. Ценностные ориентации молодежных субкультур // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского: Серия «Проблемы педагогики средней и высшей школы». Том 27 (66). 2014. № 3. С. 18-34.
6. Хриенко Т.В. Динамика мировоззренческих ценностей студенческой молодежи в процессе социализации: на примере Автономной Республики Крым: дисс...д.соц.н.: 22.00.04. – Москва, 2005. – 306 с.

УДК 316.022.2

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЫМЧАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ИССЛЕДОВАНИЙ (2012-2018)**

Городецкая Е.Г., к.соц.н., доцент

Крымский филиал ФГБУН ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены результаты социологических исследований 2012-2018 гг., которые дают нам возможность проанализировать факторы, влияющие на участие электората в выборах, его активность, электоральные предпочтения, электоральное поведение и мотивацию. Нами выявлена взаимосвязь политических, социальных и личностных предпочтений, которые отражаются в электоральной активности, мотивации и электоральном поведении потенциальных избирателей.

Демократические выборы, как известно, являются основным условием формирования легитимной власти, а участие граждан в выборах, соответственно, является основной формой делегирования власти народом его представителям или политическим силам, которые олицетворяют намерения определенных социальных общностей, которые тем или иным образом представлены в обществе.

Значительный вклад в изучения проблем электоральных процессов внесли зарубежные и отечественные ученые П. Бурдые, М. Вебер, Д. Ламберт, Э. Нозль-Нойманн, С. Верба, В. Ильин, А. Кудинов, Ю. Левада, Е. Малкин, В. Пугачев, А. Соловьев, Е. Сучков, Г. Шипилов и многие другие. В своих работах они формулировали модели электорального поведения, конфигурацию электорального пространства, анализировали проблемы мотивации электорального поведения, мотивы участия/неучастия в выборах, электоральное настроение, электоральные предпочтения.

Социологические исследования электоральных предпочтений, электорального поведения и мотивации в сфере политической жизни, особенно в плоскости электорального процесса, является актуальным вопросом в изучении этих проблем, что позволяет прогнозировать электоральную активность избирателей, в том числе на предстоящих выборах.

Целью данной статьи является изучение специфики электоральных предпочтений и выявление факторов, которые оказывают влияние на электоральное поведение.

Опыт проведения социологических исследований показал, что электоральное поле каждого региона, каждого округа, каждого города, каждого района имеет присущие только ему особенности и закономерности.

М.И. Новинская отмечала [1, с. 92], что при структурировании электорального пространства его следует воспринимать как комплекс двух самостоятельных

образований: политические акторы и электорат. Каждая из этих составляющих обладает собственной логикой бытия и развития, хотя их автономия не абсолютна.

Изучение в динамике электоральных процессов в Крыму дает нам возможность отследить критерии электоральных предпочтений, мотивации, поведения и участия электората в период выборов и в поствыборный период, а также определить в электоральном времени точки соприкосновения и взаимодействия.

Базируясь на результатах социологических исследований, проведенных ЦНПИ «Социо», КФУ им. В.И. Вернадского, и Крымским филиалом ФНИСЦ РАН, мы изложим нашу точку зрения на проблему электоральных предпочтений крымчан.

В период 2008-2012 гг. большинство жителей полуострова, согласно нашим исследованиям, колебались относительно дальнейшего сохранения статус-кво в составе Украины. В канун парламентских выборов 2012 г. в Украине мы отслеживали важность программных положений и их персонификацию относительно определенной партии (это были КПУ и Партия регионов). На наш взгляд, ряд позиций, поддержанных в 2012 году, остаются актуальными для жителей Крыма и по сей день. Вот как выглядели программные предпочтения избирателей [2, с. 28].

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие из приведенных положений важны для Вас, и насколько?» (в %)

Суждения респондентов исследования	Очень важно	Не так уж и важно	Абсолютно не важно
Государство должно взять на себя ответственность за качество продуктов питания, лекарств и товаров первой необходимости и установить жесткий контроль над ценами на эти товары	71,4	20,1	8,5
Размер платы за жилье и коммунальные услуги не должен превышать 10% от общих доходов всех членов семьи	71,1	19,8	9,2
В стране должен сохраниться установленный ранее законодательством возраст выхода на пенсию по старости для мужчин и женщин, и сохранена государственная система пенсионного обеспечения	69,3	22,3	8,4
Ключевые отрасли экономики должны находиться в государственной собственности	64,8	26,0	9,3
Наряду с украинским, вторым государственным языком должен быть русский	64,8	25,0	10,2
Ввести государственную монополию на	62,9	25,3	11,7

производство спиртных напитков и табачных изделий, доходы от которого должны направляться на пополнение Пенсионного фонда и поддержку государственных учреждений здравоохранения			
Необходимо провести национализацию предприятий нефтегазовой, угольной, металлургической и оборонной промышленности, электроэнергетики и железнодорожного транспорта	61,2	27,3	11,5
В Конституции Украины должен быть закреплен запрет на куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения	59,2	26,0	14,8
Украине необходимо присоединиться к Таможенному союзу и войти в Единое экономическое пространство с Россией, Беларуссией и Казахстаном	59,2	27,8	12,9
Необходимо отказаться от сотрудничества Украины с Международным валютным фондом и пересмотреть условия вступления во Всемирную торговую организацию	54,2	32,0	13,8
Необходимо возродить основы украинской культуры, ее традиции, обычаи	42,1	35,6	22,2
Необходимо ускорить движение страны в Евросоюз	36,1	33,2	30,7

Следует заметить, что лидирующие позиции занимают вопросы социальной защиты граждан, также приоритетными были вопросы о предоставлении русскому языку статуса второго государственного, о присоединении к Таможенному союзу. Здесь по первой позиции мнения респондентов преобладали, в то время, как позицию о присоединении к Евросоюзу поддерживали всего лишь чуть более трети респондентов.

События 2013-2014г г. подтолкнули жителей Крыма к росту протестности и принятию судьбоносного решения в пользу воссоединения полуострова с Россией. Согласно результатам референдума 16 марта 2014 г. 96,77% проголосовали «за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации», за статус Крыма как части Украины высказались 2,51%, испортили бюллетени 0,71% избирателей. Явка на референдуме, согласно этим данным, составила 83,1% .

В 2015 г. GFK Украины провел опрос жителей Крыма, используя метод – «САТІ – телефонные интервью, звонки на стационарные номера» (n=800) [4]. Отвечая на вопрос «Поддерживаете ли Вы присоединение Крыма к России?» 82% респондентов ответили, что полностью поддерживают, 11% - скорее поддерживают, по 2% респондентов высказались, что скорее не поддерживают и полностью не поддерживают, 3% - затруднились ответить. Спустя год эти данные

полностью подтвердили результаты волеизъявления граждан, что в свою очередь вызвало бурю негодования у представителей политической элиты Украины.

В 2016 г. содружество профессиональных социологов «Открытое мнение» провели опрос среди жителей Крыма [5, с. 39-41]. Отвечая на вопрос: «Сегодня, спустя более двух лет после референдума одобряете ли Вы тогдашнее решение жителей Крыма о присоединении к Российской Федерации?», 87,5% одобрили это решение, а не одобрили – 3%, еще 10% респондентов либо высказались неопределенно («в чем-то одобряю, в чем-то нет»), либо затруднились или отказались от ответа [6, с. 197-198]. Данные исследований в очередной раз подтвердили, что выбор крымчан был вполне обоснованным.

Одним из важных критериев социального самочувствия населения является оценка уровня жизни. Рассмотрим, насколько эти ожидания оправдались год [2, 3, 4, 5].

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как изменились условия Вашей жизни и жизни Вашей семьи за прошедший год?» (в%)

Суждения респондентов исследования	2012 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
существенно улучшились	8,6	21,0	19,0	6,7
незначительно улучшились		30,0	29,0	27,1
не изменились	39,8	35,0	34,0	44,4
незначительно ухудшились	40,6	8,0	13,0	12,9
значительно ухудшились		5,0	3,0	8,9
затрудняюсь ответить	11,0	1,0	2,0	-

Из таблицы следует, что оценка уровня жизни крымчан по годам отличается довольно существенно. Если в 2012 г. около 41% респондентов отмечали ухудшение жизни за год, то с 2015 г. ситуация изменилась кардинально. В 2015 г. чуть больше половины, а 2016 г. почти половина респондентов считали, что их жизнь улучшилась, а только 13% и 16% соответственно, что их жизнь ухудшилась. В 2017 г. улучшение жизни отметили 33,8% респондентов, а 21,8% указали на ухудшение жизни. Сопоставляя данные за 2015, 2016 и 2017 гг. можно констатировать, что с годами начала снижаться оценка «улучшения уровня жизни» крымчан, а «оценка ухудшения уровня жизни» наоборот выросла.

Следует учитывать, что оценка уровня жизни людей, как правило, замыкается на самооценке своего материального положения и это является одним из факторов, определяющих электоральное поведение населения [2, 5, 8].

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая из этих характеристик лучше всего отражает Ваше нынешнее материальное положение?» (%)

Суждения респондентов исследования	2012	2014	2016
нам не хватает денег даже на еду	1,3	0,9	2,0

нам хватает денег на еду и оплату коммунальных платежей, но покупать одежду уже трудно	11,2	21,6	13,6
нам хватает денег на еду, одежду и мы можем кое-что откладывать, но этого не хватает, чтобы покупать дорогие вещи (такие как холодильник или телевизор)	55,5	65,6	62,4
мы можем позволить себе покупать некоторые дорогие вещи (такие как телевизор или холодильник)	29,8	11,6	19,2
мы можем позволить себе купить все, что захотим	2,2	0,3	2,8

Данные таблицы наглядно свидетельствуют о том, что удельный вес «богатых» (последняя позиция) и «бедных» вернулся к состоянию 2012 г., число «зажиточных» начало расти, удельный вес «малообеспеченных» начал снижаться, а процент «нищих» увеличился в два раза, хотя, в принципе, не превышает статистической погрешности.

Стоит отметить, что определенную ясность в оценке положения дел в Крыму вносят данные следующей таблицы [8, 10].

Таблица 4

Удовлетворенность крымчан положением дел в Республике Крым (%)

Степень удовлетворенности	2016 г.	2018 г.
Удовлетворен	3,2	12,5
скорее удовлетворен	25,6	34,5
чем-то не удовлетворен, чем-то удовлетворен	52,4	-
скорее не удовлетворен	13,2	27,0
совершенно не удовлетворен	4,8	12,4
затрудняюсь ответить	0,8	13,6

Динамика мнений может считаться положительной, ибо баланс ответов удовлетворенных/неудовлетворенных составляет в 2016 году «+10,8», а в 2018г. «+7,6». Корреляционный анализ позволяет выявить некоторые группы «неудовлетворенных», к которым, в частности, относятся представители мелкого бизнеса, которые при Украине действовали преимущественно в «серой зоне».

Анализ электорального поведения представляет весьма сложную задачу для социологов, поскольку на его формирование оказывает влияние ряд внутренних и внешних факторов.

Тем не менее, активность избирателей весьма существенно влияет на стратегию избирательной кампании, но вовсе не через проблему явки. Главное в

другом: в зависимости от степени активности избирателей могут трансформироваться мотивы, которыми они руководствуются при голосовании [9].

Рассмотрим в динамике участие крымчан в различных избирательных кампаниях с 2004 г. по 2018 г.

Таблица 5

Участие в выборах (в %)

	Президентские выборы	Парламентские выборы	Местные выборы
2004 г.	74,97		
2010 г.	67,1		
2018 г.	71,55		
2006 г.		54,34	
2007 г.		52,21	
2012 г.		49,45	
2016 г.		49,15	
2010 г.			52,4
2014 г.			53,61

Как показывают данные таблицы, высокая явка характерна для президентских выборов. Еще со времен Украины наиболее «грязными» в политическом плане были именно президентские выборы. В то же время, высокая явка на выборах президента России характеризуется: во-первых, благодарностью за воссоединение, во-вторых, впервые жители Крыма участвовали в этих выборах в качестве представителей самостоятельного субъекта федерации и в-третьих, жители видят, какие средства затрачиваются на инфраструктуру полуострова, давая возможность ощущать себя гражданами великой страны.

Явка в 2006-2007 гг. на парламентских выборах была чуть выше, чем в 2012 г., т.к. наблюдалось активное противостояние между «оранжевым» и «голубым» политическим лагерем. В целом же при стабильной ситуации в стране явка избирателей, как на парламентских, так и на местных выборах колебалась в пределах $\pm 50\%$.

Говоря об участии в выборах и активности электората, следует отслеживать и причины, которые могут помешать участию респондентов в выборах [2, 7, 8, 11].

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что может помешать Вашему участию в голосовании?» (в%)

Суждения респондентов исследования	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2018 г.
Болезнь	13,0	14,5	7,3	13,8
командировка, отпуск	2,9	8,0	3,8	3,8

неуверенность в правильном выборе кандидата, партии	6,8	14,0	7,0	9,3
недоверие ко всем, без исключения кандидатам, партиям	16,8	10,2	7,9	13,6
Работа на предприятии или отдых на дачном участке	5,6	8,6	6,0	6,2
ошибки избирательной комиссии (отсутствие в списках и т.п.)	4,1	3,9	3,9	5,6
неуверенность в справедливом подсчете голосов	5,8	4,7	2,6	16,3
мои политические (религиозные) убеждения	-	-	-	8,4
это зависит от настроения	10,9	6,1	4,8	12,7
ничего не будет препятствовать, буду голосовать обязательно	34,2	30,0	56,7	26,4
Другое гражданство	-	-	-	0,4

Как следует из таблицы, среди факторов, которые могут помешать участию крымчан в голосовании, названы преимущественно объективные – отсутствие в списках, болезнь, командировка, занятость на работе, так и субъективные – настроение избирателей. Однако присутствуют здесь и стереотипы, сложившиеся «не без помощи» организации предыдущих кампаний «украинского типа». Речь идет о неверии в справедливый подсчет голосов, недоверии ко всем, без исключения, кандидатам, а также неуверенности в правильности своего собственного выбора.

Подводя итоги, мы хотели бы отметить, что на электоральные предпочтения влияет достаточно сложный характер электоральной ангажированности населения республики, а также возможных ведущих причин ее колебания. Мы проанализировали характеристики по параметрам социально-психологического тонаса, моделям электорального поведения, а также мотивацию жителей полуострова. Сопоставляя данные наших исследований 2012-2018 гг., мы однозначно можем утверждать, что на активность электората влияет внутренняя мотивация участия или неучастия в выборах, устойчивость этой мотивации и факторы, которые могли бы нарушить эту мотивацию.

Использованные источники:

1. Новинская М.И. Реплика о структуре. Структура и динамика российского электорального пространства (Круглый стол). // Полис. - 2000. - №2. - С.92.
2. Анализ результатов исследования электорального поля АР Крым: научный отчет ЦНПИ «Социо», июнь 2012 г. / В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая – Мелитополь-Керчь, [б.и], 2012. – 65 с.

3. Анализ результатов исследования социально-политической ситуации в Евпатории: научный отчет МКУ «ЦИА и МТО», сентябрь 2017 г. / Е.Г. Городецкая – Евпатория, [б.и], 2017. – 64 с.
4. Исследование GFK Украины: "Настроения жителей Крыма" (январь 2015).[Электронный ресурс] URL: <https://tyler78.livejournal.com/445063.html>
5. Открытое мнение – Крым 2016. Краткий аналитический отчет [Электронный ресурс] URL: http://www.openopinion.ru/content_res/articles/OO_Crimea_brief.pdf
6. Городецкая Е.Г. Особенности самоидентификации населения Крыма в условиях его воссоединения с Российской Федерацией / Е.Г. Городецкая // XII Ждановские чтения «Формирование российской, этнонациональной и национально-гражданской идентичностей в региональных сообществах на Юге России». Материалы Всероссийской научной конференции (18-19 октября 2018 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 2018. – С.193-199.
7. Анализ результатов исследования электорального поля г. Севастополя: научный отчет ЦНПИ «Социо», август 2014 г. / В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая – Симферополь, [б.и], 2014. – 55 с.
8. Анализ результатов исследования электорального поля АР Крым: научный отчет МКУ «ЦИА и МТО», декабрь 2016 г. / Е.Г. Городецкая – Евпатория, [б.и], 2016. – 37 с.
9. Стратегия кампании и активность избирателей. [Электронный ресурс] URL: <https://leonardua.livejournal.com/64172.html>
10. Анализ результатов исследования студентов КФУ: научный отчет КФУ, февраль 2018 г. / В.А. Чигрин – Симферополь, [б.и], 2018. – 69 с.
11. Анализ результатов исследования электорального поля г. Севастополя: научный отчет ЦНПИ «Социо», май 2013 г. / В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая – Симферополь, [б.и], 2013. – 94 с.

УДК 316.44

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ

Гужавина Т.А. – ведущий научный сотрудник, к. филос. н., доцент.
ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Вологда, Россия.

Гражданское участие представляет собой один из создаваемых социальным капиталом внешних эффектов. Оно обеспечивает функционирование гражданского общества, а так же создает возможность обратной связи между государством и обществом. Имеющийся исследовательский инструментарий позволил выявить уровень накопленного социального капитала и показать его влияние на включенность акторов в различные сферы гражданской активности. В ходе анализа эмпирических данных была обнаружена зависимость между уровнем гражданской активности респондента и его принадлежностью к группе с накопленным социальным капиталом.

Ключевые слова: гражданское участие, социальный капитал, внешние эффекты, индикаторная модель.

Для современного общества имеет принципиальное значение привлечение граждан для коллективных действий. Потому то гражданское участие превращается в важный аспект социальной жизни. Исследователи характеризуют его как один из видов гражданской активности наряду с гражданским действием [5]. Благодаря гражданскому участию гражданское общество способно исполнить свою основную функцию передаточного механизма между обществом и властью. Оно обеспечивает сохранение норм и ценностей гражданского общества, способствует упрочению идентичности.

Гражданское участие возможно понимать как участие в коллективных действиях и членство в формально существующих организациях. Формами гражданского участия могут быть включенность в сообщества, в экспертные группы, волонтерство, благотворительная деятельность, общественно-политическая деятельность и т. д. Гражданское участие как участие в коллективных действиях, по мнению Р. Патнэма, развивает и укрепляет коллективные нормы, которые играют основную роль в создании и поддержании общественного порядка и обеспечения благосостояния [2]. Но, пожалуй, важнейшим результатом является установление и поддержка доверия как основы общественных отношений.

Исследование данных эффектов может быть продуктивным на основе использования теории социального капитала, которая приобрела популярность, и многие аспекты которой являются вполне устоявшимися [1; 4,]. Основанием концепции служит идея о том, что социальный капитал возникает в связях и отношениях, которые основаны на доверии и нормах. Таким образом, социальный капитал имеет общественную природу. Он воспроизводится в процессе своего

активного использования. Инструментальная трактовка социального капитала, предложенная П. Бурдьё, и позволяет исследовать полезные эффекты последнего [3]. Внешние эффекты дают возможность увидеть связь между социальным капиталом и социальным результатом и представляют собой возникающую социальную выгоду. Таким образом, возникает проблема исследования эффектов от устанавливаемых контактов и отношений. Данные эффекты проявляются во всех сферах жизни общества. В частности в политической сфере внешние эффекты способствуют повышению эффективности власти и функционированию гражданского общества. Происходит это, прежде всего, за счет социальных сетей, возникающих в процессе совместного сотрудничества. Сформировавшееся в них доверие в процессе совместного сотрудничества, способствует обеспечению общественной стабильности и устойчивому развитию.

По нашему мнению, гражданское участие являет собой одну из экстерналий социального капитала и оказывает самое непосредственное влияние на формирование структур, составляющих гражданское общество. А взаимосвязь социального капитала и гражданской активности имеет непосредственный характер и реализуется через участие в деятельности различных общественных организаций.

Выявить эту связь оказалось возможным в ходе исследования, проведенного ФГБУН ВолНИЦ РАН на территории Вологодской области при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-03000188-ОГН). Разработанная с участием автора методика измерения социального капитала позволяет выявить группы респондентов обладающих различным уровнем накопленного социального капитала. На основе расчёта индекса социального капитала респонденты были разделены на пять условных групп, где первая объединила обладателей минимального уровня накопленного социального капитала, а пятая – максимального [6]. Была выявлена прямая зависимость имеющегося уровня доверия, степени участия респондента в общественной жизни, возможности им оказывать влияние на состояние дел в своем окружении от принадлежности к группе с накопленным социальным капиталом.

В ходе исследования была выявлена непосредственная связь между уровнем доверия и уровнем накопленного социального капитала. Так доля респондентов из 1 группы, с низким уровнем СК, которые считали, что никому нельзя доверять составила 48%, тогда как в 5 группе таковых не было выявлено, в 4 группе их оказалось всего 9%. Чем выше уровень накопленного социального капитал, тем чаще респонденты утверждают, что «большинству знакомых можно доверять». Среди них есть и приверженцы точки зрения, что можно доверять большинству людей, а также всем людям без исключения. В группе с наивысшим социальным капиталом таковых 16 и 13% соответственно. Существенные различия в зависимости от группы с накопленным социальным капиталом наблюдаются и

Тем не менее, жители области в большей степени настроены либо не доверять, либо доверять ограниченно. Доверие распространяется на ближний круг, куда входят те, с кем установлены личные контакты. В то же время исследователи отмечают такой эффект от социального капитала, который проявляется в том, что индивиды, демонстрируя более высокий уровень доверия друг к другу, более

активно включаются в деятельность, способствующую развитию территории, а не только приносящую индивидуальную выгоду. Респонденты, отнесенные нами к группам с более высоким уровнем социального капитала (4 и 5 группы) более активны в общественной жизни. Они участвуют в деятельности благотворительных (26 % и 50 % соответственно), творческих (24% и 33% соответственно), женских (8% и 20% соответственно), родительских (26% и 37% соответственно), профсоюзных (13% и 30% соответственно) организаций, а так же в самоуправлении в сфере ЖКХ и ТОС (12% и 18% соответственно). Таким образом, у немалой доли респондентов есть опыт гражданского участия.

Исследование выявило и такой факт. Респонденты 1-й и 2-й групп ориентированы на деятельность, удовлетворяющую прежде всего индивидуальные интересы. Что же касается респондентов, принадлежащих к 4-й и 5-й группам, то здесь присутствует уже социально ориентированная деятельность. Это самые различные формы участия: в экологических организациях (10% и 25% соответственно), по защите интересов различных незащищенных социальных групп (4% и 10% соответственно), правозащитной направленности и ряд других.

Включенность в деятельность различных организаций коррелируется и с такой характеристикой гражданского участия, как инициативность. Более высокий уровень инициативности демонстрируют респонденты, отнесенные нами к 4-й и 5-й группам накопленного социального капитала (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам за последние 12 месяцев становиться инициатором каких-либо действий, чтобы..?», в % от числа ответивших* в зависимости от принадлежности респондентов к группе с накопленным социальным капиталом

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Решать какую-то свою проблему	23	26	36	49	60
Решать проблему других людей	13	19	34	46	58
Реализовывать какой-то свой замысел, инициативу, проект	5	13	19	35	52
Реализовывать какой-то замысел, инициативу, проект других людей	3	6	16	26	42

*Приведены только положительные ответы.

Обладатели более высокого уровня накопленного социального капитала активнее, чем остальные респонденты, готовы решать свои и чужие проблемы, выдвигать инициативы и помогать с реализацией инициатив других людей. В готовности решить чью-то проблему, проект, инициированный другими, находит своё отражение и фактор солидарности, так необходимый для гражданского участия.

Как показывают полученные данные, чем выше уровень накопленного социального капитала, тем выше готовность к объединению для совместных действий. При этом диапазон действий достаточно велик (табл.2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы...?» (приведены только положительные ответы в % от числа ответивших в зависимости от принадлежности респондентов к группе с накопленным социальным капиталом)

Варианты ответа	Типы социального капитала				
	1	2	3	4	5
Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	0	6	17	28	55
Обустраивать территорию проживания (дом, двор, город)	0	7	20	26	52
Помогать бедным, инвалидам	0	7	13	21	45
Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	0	5	10	20	40
Протестовать против неправильных действий властей	0	7	8	15	33
Защитить свои права	5	15	27	33	50
Провести досуг	0	15	27	35	45

Как и раньше высокий уровень готовности к различным формам взаимодействия демонстрируют, прежде всего, обладатели 4 и 5 групп с высоким уровнем накопленного социального капитала

Проведенное исследование показало, что социальный капитал и гражданское участие его носителей имеют самую непосредственную взаимосвязь. Гражданское участие мы рассматриваем в качестве одной из экстерналий социального капитала, наблюдаемых в сфере политических отношений. Социальный эффект возникает от включённости в деятельность общественных организаций и предстает в форме приобретенного опыта взаимодействия, что оказывает самое непосредственное влияние на формирование системы отношений и структур, понимаемых как гражданское общество.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 19-011-0724/19 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Использованные источники:

1. Panebianco S. The impact of social capital on regional economic development // ACSP Congress - Lovanio. – Germany: Universität Kassel Publ., 2013. P. 8–13.

2. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. – Princeton, Princeton University Press, 1993. –167 p.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология [Электронный журнал]. – 2002. – № 5. Том 3. – С. 60–74. URL: <https://ecsoc.hse.ru> (дата обращения 16.10.2017)
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
5. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования [Электронный ресурс] / С. В. Патрушев. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_2009_6.pdf (дата обращения: 01.02.2015).
6. Региональный социальный капитал в условиях кризиса : монография / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, И. Н. Воробьева и др. : Череповец. гос. ун-т. – Череповец : ЧГУ, 2018. 220 с.

УДК 314

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГЕНЕРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН¹

Л.А. Давлетшина, к.соц.наук, ведущий научный сотрудник
Академия наук Республики Татарстан, Центр семьи и демографии,
г.Казань, Россия

Аннотация. В связи со значительным снижением уровня рождаемости в Российской Федерации, прогнозируемым на ближайшие десятилетия, возникает необходимость теоретической проработки концепта «генеративное поведение» наряду с центральными категориями социально-демографического дискурса, такими как «репродуктивное поведение» и «прокреационное поведение». Обусловлено это как несогласованностью в употреблении самого термина, так и относительно недавним возрастанием интереса к исследованию современных российских мужчин в ракурсе, с одной стороны, их желания, намерения иметь детей, с другой стороны, реализации их репродуктивных стратегий. Целью данной статьи является рассмотрение основных теоретико-методологических подходов к исследованию генеративного поведения мужчин.

Ключевые слова: генеративное поведение, репродуктивное поведение, прокреационное поведение, мужчины, рождаемость, воспроизводство населения.

Фундаментальной задачей исследовательского проекта² является решение актуальной для современной России социально-демографической проблемы – повышение рождаемости через социальную активизацию мужчин в планировании семьи и процессе рождения детей, принятие мужчинами социально ответственного родительства и других аспектов, существенно влияющих на репродуктивное поведение женщин, их желание родить первого, второго и последующих детей.

В связи с растущим интересом к социально обусловленным факторам рождаемости в демографическом дискурсе все чаще стали появляться категории «репродуктивное поведение», «прокреационное поведение», «генеративное поведение». Однако четкой категоризации данные понятия не имели: в одних работах они употреблялись как синонимичные, в других они наделены разными смыслами. Такие отечественные ученые, как В.А. Сысенко, Р.И. Сифман, И.П.

¹ Текст статьи будет включен в монографию по итогам грантового проекта РФФИ

² Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» (руководитель проекта – д.соц.наук Ильдарханова Ч.И.)

Краткова и др. используют понятия «репродуктивный» и «генеративный» как синонимы [1, с. 75-77]. Другие авторы (В.П. Горелик, В.П. Пискунов и В.С. Стешенко) разграничивают эти термины, вкладывая в определение «генеративное поведение» не только рождение детей, но и уход за ними, обучение, воспитание вплоть до достижения ими социальной зрелости. Категория «репродуктивного поведения» трактуется ими крайне широко, в неё кроме воспитания и обучения детей включается и приобретение взрослыми новых социальных психофизиологических качеств [2, с. 52-53].

В.А. Борисов в работе «Перспективы рождаемости» определил демографическое поведение как систему действий и отношений, опосредующих все демографические события в жизни человека или группы людей. По его мнению, данное определение включает в себя весь спектр демографических событий, а не только рождаемость [3, с. 16].

Репродуктивное поведение является частью демографического поведения и определяется В.А. Борисовым как система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке или вне брака [3, с. 22]. По мнению отечественных и зарубежных демографов, данный термин наиболее предпочтителен для использования в понятийном аппарате, так как он эмоционально нейтрален и всеобъемлющ, поскольку охватывает поведение как отдельных индивидов, так и супружеских пар, а не только семейных союзов, «сознательно» ограничивающих количество детей в семье. Позднее социолог А.И. Антонов предложил другое определение репродуктивного поведения, исключив из него дефиницию «отказ от рождения ребенка любой очередности», характеризующую абортное или контрацептивное поведение. [4, с. 362].

В современной демографической литературе термин «репродуктивное поведение» используют, когда имеются ввиду репродуктивные установки индивидов, то есть их намерения родить ребенка, желаемое количество детей и т.д. Часто в качестве идентичных используются категории «прокреативное поведение» или «прокреационное поведение». Когда же речь идет об отказе от рождения, то это явление описывают в терминах планирования семьи и говорят о «регулировании рождаемости», «внутрисемейном контроле над рождаемостью», а в качестве синонима употребляют понятие «контрацептивное поведение».

А.Г. Вишневский анализировал репродуктивное поведение с точки зрения смены демографических революций, при этом репродуктивное поведение у него сводится к внутрисемейному регулированию рождаемости. Стоит отметить, что А.Г. Вишневский разделял понятия репродуктивное поведение и прокреационное поведение. Под первым автор понимает воспроизводство в целом, это поведение, имеющее непосредственное отношение к зачатию и вынашиванию плода [5, с. 97]. Прокреационное поведение тесно связано с половым поведением, его основными характеристиками являются распространенность искусственных абортов и контрацепции [6, с. 151].

Демографическому анализу контрацептивного поведения и динамики числа абортов посвящены работы А.А. Авдеева и И.А. Троицкой, которые выделяют ряд факторов, обуславливающих широкое распространение методов регулирования

рождаемости – начиная от ограничения числа детей в семье до контроля интервалов между их рождениями [7, с. 70-72].

Существенные изменения претерпевает распределение отцовских и материнских ролей, характер и направленность которых определяют процессы трансформации института семьи в целом. Разнообразие репродуктивных стратегий выявляет новые тенденции, которые становятся предметом анализа современных научных исследований. В рамках гендерного подхода репродуктивное поведение рассматривается как социальное явление, которое наряду с родительством осознается в обществе и активно поддерживается как преимущественно женский опыт (Е. Ярская-Смирнова, И. Жеребкина, А. Темкина, Е. Здравомыслова). Иными словами, воспроизводство гендерных границ в сфере репродуктивного здоровья приводит к исключению мужчины из сферы семейной заботы. В центре их внимания такие вопросы, относящиеся к сфере контрацептивного поведения, как современные репродуктивные технологии, новейшие средства контрацепции, а также структурные барьеры на пути обеспечения репродуктивного здоровья. [8, с. 8].

Следует отметить, что в социально-демографическом дискурсе категория генеративного поведения появилась относительно недавно и на сегодняшний день нет четких теоретико-методологических подходов к пониманию сущности данного социального феномена, однако как в отечественной, так и в зарубежной науке предпринимаются определенные попытки с целью ликвидации данной лакуны.

Исследователи из Латвии (П.А. Эглите, З.Ж. Гоша, И.В. Зариньш) предлагают определение генеративного поведения, включающее в себя не только деторождение, но и родительскую заботу о детях. По их мнению, генеративная деятельность, или производство новой жизни, связано с определенными формами планирования семьи. Генеративная деятельность подразумевает акт создания нового поколения (генерация), а не воспроизведения (репродуцирования) чего-то уже существовавшего. Исходя из этого, термин «генеративная деятельность» представляется более предпочтительным, чем «репродуктивная деятельность» [9, с. 121-124].

Э. Эриксон определил генеративность как заинтересованность в обустройстве жизни и обучении нового поколения, как качество, которое проявляется в заботе о самих себе, своих детей и следующих поколений и является главным источником чувства равновесия в зрелом возрасте [10, с.148]. То есть это свойство, которое возникает в зрелом возрасте человека и характеризует желание не только родить ребенка/детей, но и сделать возможной его/их жизнедеятельность в социуме.

В.П. Горелик подчеркивал, что генеративное поведение охватывает совокупность действий, направленных на воспроизведение новых поколений, формирование зрелых в социальном и психофизиологическом отношении личностей, способных заменить когорты, исчерпавшие свой репродуктивный потенциал – в этом и состоит суть непрерывного процесса воспроизводства населения. Следовательно, генеративное поведение нельзя отождествлять с репродуктивным. Первое значительно шире и содержательнее, поскольку включает

в себя не только процессы деторождения, но и социализацию как совокупность действий и отношений, обеспечивающие усвоение ребёнком системы норм и ценностей, которые дают возможность ему функционировать как полноправному члену общества [11, с. 75].

Проблема генеративного поведения изучается с позиции выявления факторов, влияющих на деторождение, с позиции дискриминации женщин в области репродуктивного права. В то же время недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с содержанием феномена генеративного поведения мужчин, которое предполагает активное участие в воспитании, заботе, повседневной жизни ребенка, что традиционно предписывается роли матери. Подобные модели мужского родительства находят поддержку в идеологическом и социально-политическом дискурсах, однако, несмотря на актуализацию социально ответственного отцовства, ожидания активной заботы о детях возлагаются на женщину.

Основное внимание при рассмотрении генеративного поведения мужчин, на наш взгляд, должно быть сосредоточено на выявлении и обобщении его базовых характеристик, а также тенденций трансформации моделей генеративного поведения российских мужчин в условиях преобразования института семьи. Российская социальная реальность требует более детального анализа не только структуры генеративного поведения и факторов, влияющих на него, но и комплексного анализа влияния различных моделей генеративного поведения российских мужчин на формирование повседневных практик мужского родительства.

Использованные источники:

1. Сифман Р.И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX в. до Великой Отечественной войны. В сб. «Проблемы демографической статистики». М.: Наука, 1966.
2. Пискунов В.П., Стешенко В.С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества // Демографические тетради. Вып. 6-7. Киев, 1972.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
4. Антонов А.И. Социология семьи. М.: ИНФРА, 2005. 368 с.
5. Избранные демографические труды. Т. I. Демографическая теория и демографическая история / А.Г. Вишневский. М.: Наука, 2005. 368 с.
6. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
7. Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сборник статей / Под ред. Троицкой И.А., Авдеева А.А. М., 2011. – («Демографические исследования». Выпуск 18. С. 61-88)
8. Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сборник статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 430 с.
9. Эглите П. А., Гоша З. Ж., Зариньш И. В. Факторы и мотивы демографического поведения / Отв. ред. Киртовский И. Х. АН Латвийской ССР, Ин-т экономики. Рига: Зинатне, 1984.

10. Эриксон Э. Детство и общество – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: ЗАО ИТД «Летний сад», 2000.
11. Горелик В.П. Некоторые соображения об исследовании генеративного поведения семьи // Демографические тетради. Вып. 4-5. Киев, 1972.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Дихтемиров М.С., аспирант 1 курса философского факультета, кафедра
“Социальная философия”,
Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая
Академия, г. Симферополь, Россия

Аннотация

В данной статье аргументируется тезис о междисциплинарности изучения миграции. Выделяются и описываются подходы относительно дефиниций исследуемого феномена. Представлено обоснование того, что миграция обладает огромным спектром смыслов и в силу быстрой изменчивости, динамичности социальной системы вводятся различные новаторства в методологию исследования.

В современной отечественной науке разработано и представлено около 40 определений миграции и не существует единства мнений относительно классификации определений понятия “миграция”, что приводит к некоторой терминологической путанице. Зачастую миграцию определяют как мобильность – от лат. *mobilis* или в русском аналоге – подвижность, и как движение, перемещение, переселение, перераспределение и т.д. Современный исследователь Ф. Дювель систематизировал типологии миграции используемые в англоязычной научной литературе, объединяющей американскую и западноевропейскую научные школы, как результат, он выделил 68 типов миграции по различным основаниям, и считает, что данное количество типологий может быть оправдано, если позволяет более глубоко изучать данную проблематику.

Наиболее значимый вклад в систематизацию и классификацию подходов к изучению миграции внес В.А. Ионцев, который включил 17 научных подходов в изучении миграции населения, содержащих 45 научных направлений, теорий и концепций. Исследователь выделяет следующие подходы: экономический, социологический, демографический, миграционный, исторический, географический, политический, типологический, экологический, системный, этнографический, психологический, биологический, генетический, философский, юридический, методологический. Вместе с тем, по мнению В.А. Ионцева, только в отношении небольшого числа наук можно сказать, что миграция есть предмет их изучения. Ими, по его мнению, является экономика, география, социология и демография.[1, с. 29]

Одновременно миграция выступает как концептуальная метафора, используемая в ряде других наук, таких как генетика, геофизика, геохимия, программирование, культурология. В данном случае мы имеем дело с квази-субъектом: перемещаются гены, хромосомы, ионы, частицы, пласты, программы, идеи, концепции, при этом понятие пространства также иной раз претерпевает определенное метафорическое расширение. Медицина дает репрезентативный пример смешения категориального и метафорического употребления термина «миграция». Так, в энциклопедической статье миграция трактуется как: –

перемещение в тканях подвижных клеточных элементов; – пассивное или активное перемещение животных-паразитов из одних частей организма в другие. [2, с. 10]

В социальной философии миграция рассматривается как «живое», гибкое и изменчивое явление, что особенно характерно для современности, когда миграция преобразуется в потоки, которые достаточно быстро могут менять свое направление, приспосабливаться к изменениям и обходить правовые запреты или «просачиваться» через государственные границы. Как основа социального движения рассмотрены стремление человека выжить, желание достичь определенной цели, реализовать идеологию или образ жизни. [3, с. 11]

Согласно Т.Н. Юдиной, социология определяет миграцию как множество событий, влекущих за собой смену жительства. Одни из этих событий явные – переселение, другие – латентные – формирование подвижности. [4, с. 183] Также в рамках социологической науки затрагивается поведение мигрантов, формирующиеся сети, анклавов и социальный капитал.

В рамках философии культуры миграция как культурный феномен имеет системообразующее качество: изменяет характер социального взаимоотношения, трансформирует ценностные ориентиры в отношении мигранта и принимающей среды. [5, с. 5]

Психологический вектор изучения миграционной проблематики направлен на анализ причин большей психологической подготовки тех, кто имеет обширный миграционный опыт; определение причин специфики миграционного поведения отдельных этнических групп; психологические проблемы взаимодействия этносов.

Юридический подход акцентирует внимание на легальности или нелегальности миграции, что в свою очередь приводит к доступу на рынок труда принимающей стороной, право на социальную и медицинскую помощь, и определенные гражданские права, либо может привести к задержанию, депортации и прочее.

Конфликтология затрагивает аспект формирования новых диаспор, которые ведут к сегментации общества и к потенциальным конфликтам. Выдвигает гипотезу о том, что пришлое население является источником конфликтогенности.

Гендерные исследования рассматривают и изучают особенности в миграционном поведении мужчин и женщин; выявляют структуры и основные направления трафика женщин в различных регионах и прочее.

География и экология занимаются выявлением корреляции между географическими, экологическими особенностями той или иной территории и пространственные перемещения, а также приживаемость мигрантов.

Качественные изменения миграционных процессов, которые провоцируются глобализацией, информатизацией, динамикой и усложнением социальных отношений приводит к тому, что миграция автоматически становится предметом междисциплинарного исследования, что в свою очередь позволяет понять разные аспекты данного феномена и внедрять определенные нововведения в методологический аппарат исследования.

Использованные источники:

1. Блинова М.С. Социология миграции: история становления и перспективы развития // Учебное пособие. 2009. С. 192.
2. Касавин И.Т. Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 1. С. 8–18.
3. Преображенская Н.М. Миграция в условиях глобализации (социально-философские аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Москва. 2007.
4. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. — М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. — 472 с.
5. Замараева Ю.С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры [<https://science-education.ru/pdf/2014/4/269.pdf>].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В КРЫМУ: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ РЕГИОНА

Дятлов А.В., д.соц.н., профессор
Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Перед тем, как мы перейдем к изложению основных результатов исследования, выскажем одно важное предварительное замечание. В Крыму, в отличие от остальных регионов России, модель сити-менеджмента для замещения должности руководителя муниципального образования официально не введена. Это актуализирует проблематику исследования тех или иных аспектов, связываемых с сити-менеджментом, с точки зрения возможного учета мнения местных сообществ для внесения корректив в тот механизм муниципального управления, который уже действует на остальной территории Российской Федерации [1, 2, 3, 4, 5]. Для проведения исследования мы применяли метод экспертного интервью. Территориально опрос осуществлялся в трёх населенных пунктах Республики Крым: г. Симферополь, г. Ялта и г. Бахчисарай. В качестве экспертов были определены лица, занимающие ведущие посты в системе муниципального управления, или имеющие профессиональные знания о том, как функционирует система муниципального управления. Всего на территории Республики Крым был опрошен 31 эксперт.

Прежде всего, нам необходимо определиться с тем, соответствует ли заявленная в отношении института сити-менеджмента цель (повышение профессионализма муниципального управления и рост показателей социально-экономического развития территорий) реальным представлениям о нём двух групп экспертного сообщества.

Табл. 1.

Как вы оцениваете введение наемного управленца вместо избираемого главы муниципального образования, в %

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
	Представители административной власти	Представители общественности (депутаты, журналисты и преподаватели)
Негативно, и буду активно противодействовать подобной практике	5,0	0,0
Негативно, но поскольку такая практика уже существует, противодействовать не буду	35,0	15,0
Положительно, но буду просто следить за развитием событий	45,0	85,0
Положительно, и буду способствовать такой акции	15,0	0,0

Неприятие институт сити-менеджмента вызывает у 40% муниципальных служащих. По сравнению с депутатами, журналистами и преподавателями (далее – представители общественности), среди которых основная масса экспертов настроена по отношению к нему "положительно", цифра достаточно большая. При этом, нам надо принимать в расчет традиционную для представителей административной власти лояльность к инициативам вышестоящих органов власти, чтобы в полной мере оценить масштаб такого большого числа выборов чиновниками в пользу негативного высказывания о сити-менеджменте. Активных апологетов анализируемой модели выявлено только 15%, и все они относятся к представителям административной власти.

Далее нам необходимо определиться с тем, соответствует ли заявленная в отношении института сити-менеджмента цель (повышение профессионализма

муниципального управления и рост показателей социально-экономического развития территорий) реальному представлению о нём со стороны двух групп экспертного сообщества.

Табл. 2.

Какая главная цель будет преследоваться при замене прямых выборов главы муниципального образования процедурой конкурсного отбора (только один вариант ответа), в %

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
	Представители административной власти	Представители общественности (депутаты, журналисты и преподаватели)
Экономическая (улучшить хозяйственное развитие территорий)	20,0	12,5
Политическая (достроить властную вертикаль)	25,0	12,5
Повысить профессионализм муниципальных руководителей	50,0	75,0
Никаких особых целей нет (реформа ради реформы)	5,0	0,0

Итак, легко увидеть, что в первой группе экспертов (представители административной власти) только четверть опрошенных указали на расхождение между декларированной целью и возможными управленческими практиками. Оставшиеся примерно две трети вполне солидарны с федеральным реформатором и не видят противоречия между целью и практикой её достижения. Что касается второй группы экспертов (представители общественности), то в ней ситуация ещё более благоприятна для признания реформы в качестве необходимой и полезной

для решения вопросов социально-экономического развития муниципальных территорий.

Если сравнивать с двумя другими субъектами, где реформа уже реализована, то обращает на себя внимание колоссальное расхождение в оценках между представителями от общественности, оценивающими реформу как ожидание (Крым) и как результат (Ростовская область и Адыгея). Более двух третей экспертов в Ростовской области и Республике Адыгея в обсуждаемой реформе видят преимущественно политические цели, но отнюдь не те, что были заявлены реформаторами [1, 2, 4].

В связи с этим, целесообразно не только оценить глазами экспертов цели сити-менеджмента, но и сопоставить представление респондентов о целях введения данного института с выявленным выше отношением к нему. Так мы получим больше возможностей для оценки административной и общественной состоятельности анализируемой модели муниципального управления.

Табл. 3.

Зависимость между декларируемыми целями внедрения института сити-менеджмента и отношением к нему экспертов, в %

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	экономическая (улучшить хозяйственное развитие территории)	политическая (достроить властную вертикаль)	повысить профессионализм муниципальных руководителей	никаких особых целей не было (реформа ради реформы)
Негативно, и буду активно противодействовать подобной практике	0,0	100,0	0,0	100,0
Негативно, но поскольку такая практика уже существует, противодействовать не буду	0,0	100,0	0,0	0,0

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	экономическая (улучшить хозяйственное развитие территории)	политическая (достроить властную вертикаль)	повысить профессионализм муниципальных руководителей	никаких особых целей не было (реформа ради реформы)
Положительно, но буду просто следить за развитием событий	33,3	0,0	66,7	0,0
Положительно, и буду способствовать такой акции	33,3	0,0	66,7	0,0

Результаты выявленных тенденций с точки зрения идеальных совпадений превзошли ожидания. Поэтому итоги мы можем объяснить качественными различиями между массовым опросом и сигнальным экспертным, где каждый респондент-эксперт либо ученый, либо специалист-практик, но в любом случае обладает профессиональным типом мышления, сводящим к минимуму возможные противоречия в оценках.

Если связывать выявленное выше негативное отношение к институту сити-менеджмента с теми целями, которые ему приписываются, то можно предположить, что его неприятие экспертами обуславливается расхождением между декларируемой властями нацеленностью на повышение профессионализма руководителей муниципальных образований и предполагаемыми результатами, согласно которым сити-менеджмент воспринимается исключительно в качестве нового политического института. Это противоречит заявленной направленности введения института сити-менеджмента на улучшение показателей социально-экономического развития территорий. Из данных таб. 3 видно, что в обеих верхних строках, где зафиксированы отрицательные суждения о сити-менеджменте, прослеживается их зависимость от высказываний о нём как об инструменте политического характера. И, наоборот, именно те эксперты, которые не видят в этой модели каких-либо политических целей, связывают с сити-менеджментом возможность повышения профессионализма муниципальных руководителей и улучшение показателей социально-экономического развития территорий.

Проведенный анализ экспертных оценок позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

По оценкам экспертов, в Крыму достаточно высокий уровень доверия к реализуемой в настоящее время в России институционализации сити-менеджмента в систему муниципального управления. Некоторые сомнения, снижающие показатели готовности принять реформу, имеются у муниципальных служащих (экспертов от административной власти). Они связаны с опасениями глобальных кадровых перетасовок в структуре муниципального управления, возможность чего некоторыми экспертами допускается в связи с отказом от процедуры выборов. Но даже среди этой группы экспертов уровень доверия превышает общие показатели, выявленные нами по Югу России. Ещё в большей степени это касается экспертов от общественности. Однако здесь надо четко понимать, что это доверие строится на убежденности: введение должности сити-менеджера позволит вывести муниципальное управление полуострова из области политической демагогии в сферу профессионального менеджмента, нацеленного на решение тех многочисленных проблем, которые имеются сейчас в Республике Крым. Надо полагать, что многие из них достались ещё в наследство от Украины, склонной реальные дела подменять политической риторикой. Именно этого опасаются сейчас эксперты в Крыму, особенно представители от общественности (преподаватели, депутаты и журналисты). И, мы убеждены, что если реформа, определяющая порядок вступления в должность главы муниципального образования пойдет по российскому сценарию, как он сейчас понимается экспертами из Ростовской области и Адыгеи, то есть в качестве достройки "властной вертикали", то кредит доверия быстро исчерпает себя. Муниципальные элиты в Крыму ждут не замены "бурной открытой политики" на "тихую политику кремлевских кабинетов", а реального улучшения социально-экономического развития полуострова, с которым эксперты связывают профессионализацию управления в отрыве от политического популизма.

Список литературы

1. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Сериков А.В. Риски от введения института сити-менеджмента (в оценках экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. №4.
2. Дятлов А.В., Попов А.В. Проблемы реализации идеи сити-менеджмента в системе муниципальной власти Российской Федерации: научная рефлексия на осмысление проблемы // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №6.
3. Дятлов А.В., Чигрин В.А. Социокультурные основания для модели "сити-менеджмента" в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 4 (70). 2018. №1.
4. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Нечушкин А.Ю., Попов А.В. Административная и общественная состоятельность института сити-менеджмента (в оценках экспертов Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. №5.
5. Ковалев В.В., Чигрин В.А. Политико-административные основания для модели "сити-менеджмента" в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 4 (70). 2018. №2.

УДК 316.34

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ⁵

З.А. Жаде, д.полит.н., профессор; Т.М. Кумпилов, аспирант
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мусульманской идентичности, на формирование которой оказывают воздействие религиозные институты, организации, объединения. Делается вывод о том, что формирование мусульманской идентичности происходит наряду с другими уровнями идентичности, однако имеет свои специфические особенности.

В условиях современности структура идентичности и содержательное наполнение тех или иных ее составляющих постоянно модифицируется. Преобразование принципов самоидентификации ведет к изменению идентичности всего общества, тенденция к усложнению идентичности приводит к распространению практики многоуровневой идентичности. Осознание и принятие индивидом какой-либо идентичности несет в себе определенный риск, особенно если она связана с религиозной сферой.

В этой связи всегда актуальной является проблема соотношения разных видов и уровней идентичности – этнической, религиозной, гражданской, национальной, гендерной, возрастной и т.д. В разные периоды развития личности или группы, в разных культурно-исторических условиях, в рамках той или иной доминирующей политической доктрины либо под воздействием определенных жизненных ситуаций религиозная идентичность актуализируется, при этом другие уровни идентичности подавляются или подчиняются.

Анализируя данную проблему, следует учитывать, что в современном мире происходят политизация религиозного фактора, которая представляет собой сложный процесс, связанный с использованием религиозных ценностей в политических целях. Как считают многие исследователи, «религиозный ландшафт крайне динамичен. В двадцать первом веке он будет продолжать постоянно идти путем изменения и преобразования» [1].

В течение ряда лет коллектив ученых Адыгейского государственного университета занимается проблемами идентичности, рассматривая ее как многоуровневое и сложноструктурное явление. В проведенных нами исследованиях взаимоотношения этнической, региональной, гражданской и религиозной идентичности в полиэтничном и поликонфессиональном регионе, мы исходили из

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-6738.2018.6 «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)».

их многоуровневости на личностном и групповом уровне, одновременной включенности личности в этническое, региональное, гражданское и религиозное сообщество, рассматривая самоидентификацию в качестве основы социальных идентичностей [2].

В современной социогуманитарной науке существуют различные подходы к определению религиозной идентичности. Так, М.М. Мчедлова определяет религиозную идентичность как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью [3, с. 335].

Другие авторы под религиозной идентичностью понимают приверженность человека к какой-либо религии, подтверждаемая субъективной самооценкой (представлением о себе как верующем и самоотождествлением с последователями данного вероисповедания) и объективными свидетельствами (соответствием убеждений и действий вероучительным положениям, предписаниям ритуального поведения и нормам повседневной жизни, принятым в конкретном религиозном сообществе) [4, с. 107].

Исходя из вышесказанного, религиозную идентичность можно определить как категорию религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе. Как видим, помимо общего религиозного самоопределения человека, речь идет и о конкретной форме конфессиональной принадлежности. Духовная ориентация, ее осознание и соотнесение с иной формой духовности выступают ключевым содержанием религиозной идентичности.

В религиозной идентичности можно выделить несколько уровней: осознание человеком своей сопричастности к религиозным идеям и ценностям в целом, т. е. характеристика себя как верующего; определение верующим своей общей религиозной принадлежности (христианин, мусульманин, буддист и т.д.); отнесение себя к конкретному вероисповеданию (православный, католик, суннит, шиит и т.д.); участие в конкретном объединении религиозном и выполнение соответствующих действий религиозных [4, с. 108].

Религиозная идентичность – это концентрированное выражение мировоззрения. Современный многополярный мир нуждается в новой духовной модели, которая оказалась бы плодотворной, выступила бы в качестве конструктивного ответа на вызовы глобализации и обогатила бы поликультурное и поликонфессиональное пространство.

Анализируя процесс формирования религиозной идентичности, обратимся к исследованиям Д. Эрвие-Лежера, который выделяет четыре аспекта религиозной идентификации. Во-первых, сообщество, содержащее социальные маркеры и символы, которые отделяют людей принадлежащих и не принадлежащих к определенной религии. Во-вторых, в качестве аспекта идентификации может выступать религиозная этика. Данное измерение часто подчеркивает ощущение того, что людей вдохновляет, например, христианская этика сострадания к слабому и бедному, или человеческое достоинство. В-третьих, культура, понимаемая

достаточно широко и включающая традиции, символы, практику, доктрины, книги, ритуальные коды, историю, повседневную жизнь, мораль, искусство, эстетику и многие другие культурные аспекты. В-четвертых, эмоциональный аспект. В качестве иллюстрации автор приводит религиозные праздники или события, когда люди, на данный момент чувствуют свою общность. Это могут быть традиционные службы на Рождество или Пасху, для многих это повод посетить церковь хотя бы один или два раза в год [5].

Как известно, религиозная идентичность представляет собой форму самосознания, построенную на осознании своей принадлежности к определенной религии и формирующая свои представления посредством соответствующих религиозных догм. Разновидностью данного уровня идентичности выступает мусульманская (исламская), которая для полиэтничной и многоконфессиональной России является наиболее рискогенной [6]. Об этом свидетельствуют исследования идентификации в регионах с преобладающим мусульманским населением.

В мультикультурной/поликультурной среде можно наблюдать множественную религиозную идентичность. Так, история распространения у адыгов христианства, а затем и ислама, позволяет говорить о феномене двоеверия, если не на уровне религиозного сознания, то на уровне обрядово-культурной практики определено. Различные конфессиональные идентичности совмещаются непротиворечиво, но вероятно и возможно возникновение сложных духовных конфликтов, которые имеют длительную историю.

В основу типологии религиозной идентичности может быть положена степень выраженности и интенсивности религиозно-мировоззренческой определенности: от низкой и слабовыраженной до нетерпимой, фанатичной и радикальной.

Несмотря на достаточно внушительный перечень работ, в которых рассматриваются новые модели идентичности, анализируемая проблема практически не представлена в российской науке. Влияние религиозного фактора на многоуровневый процесс идентификации лишь относительно недавно стало привлекать внимание исследователей. В современном дискурсе конструкция «мусульманская идентичность» используется ограниченно, и в большинстве работ содержание самой категории остается не проясненным, отсутствует однозначная точка зрения на содержательные компоненты мусульманской идентичности.

Уяснить употребление данного термина не всегда просто, как правило, нужно исходить из общего контекста той работы, в которой это понятие употребляется. Так, И.В. Кудряшова полагает, что мусульманская идентичность не тождественна исламской [7, с. 230]. Г.А. Сабирова рассматривает «мусульманскость» как совокупность качеств через артикуляцию, проживание которых воспроизводится принадлежность к исламской традиции [8, с. 524]. С.М. Нунуев ведет речь об исламской идентичности, которая, по его мнению, становится основанием групповой солидарности и мобилизации, политического позиционирования [9, с. 67].

Мы разделяем концептуальные суждения И.В. Кудряшовой, согласно которым мусульманская идентичность разнообразна и динамична; ее следует

рассматривать и как состояние, и как процесс. Другими словами, мусульманская идентичность, как и любая другая, не статичное явление и она подвержена изменениям, поскольку именно в сфере межконфессиональных отношений модифицируются религиозные нормы и поведенческие модели [7, с. 233].

Мусульманская идентичность представляет собой разновидность социальной идентичности, на формирование которой могут оказывать воздействие религиозные институты, организации, объединения. Она, как и другие уровни идентичности, демонстрирует многообразие современного социума.

В процессе самоидентификации мусульман важнейшую роль играет исламский фактор. Формирование мусульманской идентичности происходит наряду с формированием других уровней идентичности, однако имеет свои специфические особенности.

К числу рисков мусульманской идентичности следует отнести: разделение на суннитскую и шиитскую ветви; выделение региональных блоков; выделение трех типов стран с мусульманским населением. Исходя из этого, сложно предсказывать, какое место займет данный вид в иерархии идентичностей в том или ином регионе.

Резюмируя, важно подчеркнуть, что процесс самоидентификации личности претерпевает существенные изменения, что отражается в понятии «мусульманская идентичность», которое сложно поддается операционализации с академической точки зрения. Проблемные вопросы данной области знаний, на наш взгляд, еще недостаточно четко определены, понятийный аппарат находится в стадии формирования, а основные направления исследований требуют всестороннего изучения и обсуждения.

Использованные источники:

1. Religion and Cyberspace by Morten Hojsgaard Margit Warburg. Routledge, 2005.
2. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшова, А. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.
3. Мчедлова М.М. Религиозная и профессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 334-339.
4. Смирнов М.Ю. Социология религии: Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011.
5. Hervieu-Leger D. Le pelerin et le converti. La religion en mouvement. Paris, 1999.
6. Жаде З.А. Мусульманская идентичность: проблемы концептуализации // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. С. 194-195.
7. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и многообразие // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: «Весь мир», 2017. С. 229-241.
8. Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности, поколения и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ интеракции и динамики. М.: РОССПЭН, 2008. С. 524.
9. Нунуев С.М. Риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах Северного Кавказа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 67.

УДК 316.34

КАРЬЕРА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Жупник О.Н.,

ведущий специалист по учебно-методической работе

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым

Аннотация: на основе результатов социологического исследования представлен анализ представлений о ценности карьеры в жизни студенческой молодежи Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Усиление влияния информационных технологий, смещение трудовой активности в сферу обслуживания, возросшая мобильность вызывают изменения в организации жизни личности. Следствием высокой профессиональной загруженности становится конфликтность в сфере семьи и работы. Эту конфликтность стимулируют также процессы, происходящие в отечественном образовании. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение представлений студентов о карьере в условиях непродуманных модернизационных изменениях в высшей школе. Данные ряда исследований свидетельствуют, что многие студенты не представляют себе дальнейшей профессиональной деятельности, что связано в первую очередь с не осознанным в полной мере выбором специальности. По данным ряда исследований В.А. Чигрина к моменту поступления в вуз не более 50-52 процентов абитуриентов представляют себе особенности профессии, которую они приобретут по окончании учебы [10; 11]. Подобная ситуация особенно «расцвела» в результате введения ЕГЭ, возможности выбора абитуриентами ряда специальностей и вузов.

Цель статьи - проанализировать и уточнить роль карьеры в системе жизненных ценностей студенческой молодежи (на примере студентов Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского).

Прослеживая этимологию понятия «карьера», нужно отметить, что слово карьера было заимствовано в первой половине XIX в. из французского языка, где *carrière* «карьера» означало «самый быстрый ход лошади», а в итальянском *carriera* - «путь экипажа» [12]. В советское время все, что связанное с карьерой, имело негативный оттенок, «карьеризм» связывался с эгоизмом и описывался как «беспринципная погоня за личным успехом в любых видах деятельности». Начиная с конца восьмидесятых годов прошлого века появляются работы, посвященные карьерному продвижению, а также работы, касающиеся достижения успеха в профессии и т.п. Большой экономический словарь 2000 года уже отражает сдвиг в общественном сознании: если у слова «карьерист» еще остается отрицательный окрас, то под выражением «делать карьеру» понимается профессиональная самореализация [1, с.113]. В социологическом словаре данное понятие определяется

как «последовательность профессиональных ролей, статусов и видов деятельности в жизни человека», как «успешное продвижение по ступеням профессиональной, социальной, должностной, имущественной или иной иерархии» [8].

В наиболее общем смысле понятие «карьера» рассматривают как «успешное продвижение в области общественной, служебной, научной или производственной деятельности, достижение известности, славы и т.д.». [5, 198]. Узкое понимание карьеры связано с постепенным восхождением к верху карьерной лестницы на протяжении всей трудовой деятельности индивида.

Несмотря на различия определений, во всех подходах четко прослеживается процессная сущность карьеры, т. е. ее понимание как процесса продвижения, смены состояний, динамики. Часто вместо понятия «карьера» используется «социальный лифт».

Поэтому в данной статье мы приводим результаты социологических исследований, целью которых было изучение представлений о карьере как ценности современной студенческой молодежи на примере студенчества Крыма, высшее образование которого затронуло «украинский период» и переход к критериям высшего образования Российской Федерации. Следует отметить, что подобные исследования в Крыму, касающиеся изучения профессионального роста студенческой молодежи, были проведены в 2011-2017 гг. в ряде учебных учреждений под руководством В.А. Чигрина [10].

24 % опрошенных студентов отметило, что наиболее важной ценностью в жизни молодых крымчан является семья. На втором месте – ценность здоровья (16%), а на третьем месте ценности свободы (12%), самореализации (13%) и материального благополучия (12%). Напротив, карьера в иерархии ценностей студенческой молодежи Крыма занимает одну из предпоследних позиций (всего 4%).

Важно отметить некоторые противоречия, касающиеся декларируемых ценностей и реального поведения. Несмотря на то, что ценностные ориентации на семью занимают главную позицию, статистика свидетельствует о повышении числа разводов в Крыму, также можно отметить и падение рождаемости [7].

Ответы на следующие вопросы подтверждают наше предположение о том, что отношение к карьере у студентов все же неоднозначно. Для уточнения отношения к карьере предусматривался вопрос: «Если бы вам предложили занять высокооплачиваемую должность, вы бы согласились, понимая, что будете мало времени уделять семье?» На данный вопрос 67% респондентов ответили положительно, 12% - отрицательно, а 11 % студентов считают, что данный выбор бы зависел от обстоятельств. Данный ответ подтвердил наше предположение о неоднозначном отношении студентов к карьере. Не смотря на то, что карьера занимает в иерархии ценностей достаточно низкую позицию (4% от отпрашиваемых), то, большинство опрошенных (67 %) заявило о готовности уделять больше времени высокооплачиваемой и престижной должности, чем семье.

Предположение о неоднозначном отношении к ценности карьеры подтверждают и ответы на следующие вопросы. Так, на вопрос: «Готовы ли Вы рисковать ради карьеры?», 57% студентов дало положительный ответ, при чем как

девушки, так и юноши, 26% респондентов (преимущественно девушки) ответили, что «есть вещи, которыми нельзя рисковать ради карьеры, например, семья», а некоторые студенты (17%) считают, что можно и «рыбку съесть и в должность сесть».

Предполагаем, что подобное желание рисковать (57 %) можно было бы объяснить прежде всего юношеским максимализмом, также, что у опрошиваемых имеются весьма приблизительные представления о возможных рисках, а также о том, что же такое карьера.

На вопрос: «хотели ли бы Вы стать руководителем», положительно ответило 70 % студентов, при чем мотивы – совершенно разные. Ответы показывают, что привлекательность руководящих должностей заключается в основном в высокой оплате. О других составляющих руководства молодые люди, если судить по их ответам, задумываются мало.

Ответы на вопрос: «Что же такое карьера?» показывают, что большинство студентов (50%) понятие карьеры связывают с материальным благополучием. 18 % респондентов считают, что карьера – это продвижение к более успешному положению в обществе. Аналогичное количество респондентов (18%) под карьерой подразумевают самореализацию, ведущую к духовному росту, знаниям, мудрости. 13 % студентов считают, что карьера – это продвижение по служебной лестнице. Анализируя данные, можно сделать вывод о том, что понятие карьеры у опрошенных ассоциируется прежде всего с материальным благополучием и высоким социальным статусом.

И на последний вопрос «Какой образ больше представлен в современных СМИ: образ матери, жены, возлюбленной или образ женщины, делающей карьеру?» 54 % студентов ответило, что преимущественно транслируется образ женщины, делающей карьеру, 13 % - образ матери, 6 % - образ возлюбленной, 6 % - образ жены, 21 % студентов предложили другие варианты. Ответы на данный вопрос подтверждают общероссийские тенденции, согласно которым образ женщины в современных средствах массовой коммуникации переживает ряд трансформаций - от женщины-матери до женщины, делающей карьеру [4]. Здесь, по нашему мнению, учитывая демографические показатели, свидетельствующие о падении рождаемости, росту разводов и падении заключения браков, важно подчеркнуть важность формирования позитивного образа материнства в СМИ, так как именно образ женщины-матери оказывает большое влияние на формирование системы ценностей, присущей российскому обществу, определил специфику отечественной культуры.

Проведенные социологические исследования свидетельствуют о неоднозначном отношении к карьере у студентов Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, равно как и других вузов, данные которых анализировались в процессе написания тезисов [2]. Главными ценностями молодых людей по-прежнему остаются семья и здоровье, однако, хотя карьера и не входит в число приоритетных ценностей, профессиональный рост играет достаточно высокую роль в карьерных стратегиях студенческой молодежи Крыма. Этому

может способствовать популяризации образа женщины, делающей карьеру в СМИ. Данные тенденции безусловно заслуживают более подробного изучения.

Использованные источники:

1. Абрамов Р.Н. К истории исследований занятий и профессий в СССР: Контекст ЕТР и современная историография советской социологии // Вестник СПбГУ / Р.Н. Абрамов. № 12. 2015. С. 106-115.
2. Голенкова Л.А., Черняева В.В. Специфика карьерных установок у студентов высших учебных заведений // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-4. С. 1017-1021.
3. Жупник О.Н., Чигрин В.А. Роль и место ценностных и социально-профессиональных ориентаций в системе жизненного самоопределения молодежи. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. Том 2 (68). 2016. № 3. С. 3–10.
4. Куприянова, О.В. Образ женщины в средствах массовой информации в контексте гармонизации российского общества : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук : специальность 09.00.11 / Куприянова Ольга Викторовна ; [Бурят. гос. ун-т]. Улан-Удэ, 2009. 24 с.
5. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия: Учебное пособие // Под ред / П.В. Шеметова. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. 312 с.
6. Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0229/analit01.php> (дата обращения: 04.12.2018).
7. Официальная статистика. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/ (дата обращения: 04.12.2018).
8. Социологический словарь. URL: <http://www.endic.ru/sociology/Karera-3349.html> (дата обращения: 04.12.2018).
9. Чигрин, В.А. Отчет по результатам опроса студентов КГМТУ (Керчь, апрель 2011 г.) / В.А. Чигрин. Керчь : КГМТУ, 2011. 128 с.
10. Чигрин, В.А., Бойко, Л.В. Особливості підготовки студентів морських спеціальностей / В.А. Чигрин, Л.В. Бойко // Соціально-економічні, соціально-педагогічні та соціально-психологічні проблеми морської освіти. Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції 1-16 червня 2012 р. Мелітополь, Колор Принт, 2013. 236 с.
11. Чигрин В.А., Лагутин В.А. Идеология, методология и практика выбора в образовательном пространстве современного ВУЗа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. – Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 27-34.
12. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа Н. М. Шанский, Т. А. Боброва 2004. 398 с.

**КРЕАТИВНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ФАКТОРЫ
АКТУАЛИЗАЦИИ В РЕКРЕАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Захарова В.А., Узунова О.Ю.

*Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Симферополь*

Шефель С.В.

*Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
г. Симферополь*

Аннотация. В статье анализируются перспективы популяризации креативных экологических практик и на примере экологических поселений рассматриваются факторы их актуализации в рекреационном пространстве Республики Крым.

Республика Крым как регион, обладающий исключительным природным рекреационным потенциалом, представляет огромный интерес в качестве площадки апробации и институционализации различных экологических социальных практик, несущих не только экофильный и природоохранный, но и солидаризационный импульс. Положительной тенденцией последних лет стал учет потенциала указанных практик органами государственной власти и местного самоуправления при подготовке документов программного и стратегического характера, реализации инвестиционной политики и освоении бюджетных средств. Одной из разновидностей экосоциальных практик, которую, к тому же, можно отнести к разряду креативных, является экологическое поселение. Реализация указанной практики в Крымском регионе характеризуется как своими специфическими трудностями, так и преимуществами, актуальность же ее возрастает с каждым годом

Экологические поселения, или эко-деревни (ecovillage), являются достаточно новым объектом научного интереса отечественных ученых в сфере социологии, социальной философии и психологии. За более чем двадцатилетнюю историю исследований экопоселений учеными России были предприняты попытки классификации экопоселений, выявления форм и принципов их организации, факторов развития, создания единой модели экопоселений, а также формулировки наиболее полного определения данного термина. Основная заслуга в разработке данной проблематики принадлежит ученым О.Н. Яницкому, М.В. Рыбаковой, М.Ю. Щукиной, А.Шубину, И.П. Кулясову.

В определении экопоселений, в основном, наблюдается согласие с классической формулировкой Роберта Гилмана, который определяет эко-деревню как поселение со всеми чертами человеческой деятельности разумных пределов, в котором человеческая деятельность безопасно интегрирована в природную среду

таким образом, который поддерживает здоровое развитие человека и может успешно продолжаться неопределенно долгое время [1, с. 12].

И.П. Кулясов и А.А. Кулясова предпринимают попытку дать предельно краткое определение экопоселениям: «альтернативное поселение, жители которого осознанно выбрали экологически устойчивый образ жизни»[2].

В последние годы наблюдается тенденция учета при определении экопоселений возможностей эффективного встраивания элементов такого способа жизни в стратегию экономического и экологического развития страны в целом.

Так, можно встретить трактовку экопоселения как многопланового и эффективного природно-хозяйственного экологического комплекса, охватывающего все основные формы жизнедеятельности человека в интеграции с окружающей средой, целостно интегрированные в экологическую, экономическую, социальную и культурную деятельность [3].

Экопоселения рассматриваются и как формы социальных экологических практик: «Экопоселение как социальная экологическая практика основана на взаимопонимании и участии, создает условия для создания такого социально-культурного пространства, которое способствует формированию и поддержанию определенного стиля и образа жизни с минимальным воздействием на окружающую среду».[4, с. 317]

В России первые экопоселения появляются в конце XX века, став продолжением глобальной тенденции на построение модели альтернативного индустриальному образу жизни, не наносящего вреда окружающей среде.

По состоянию на 2014 год в России было зарегистрировано 289 инициатив [5]. Большинство из них функционирует в формате сочетания традиционных экопоселений, жители которых главной своей миссией считают экологическую – построение такого образа жизни, который не только не наносит вреда природе, но и активно способствует ее восстановлению, а также поселения родовых поместий, ориентированных на концепцию самообеспечения семьи посредством проживания на собственной земле.

Считаем, что подобная социальная практика имеет значительные перспективы для развития на территории Республики Крым благодаря разнообразию ландшафтов, благоприятным климатическим условиям, возможности встраивания в систему экологического туризма и рекреации и поликультурный крымский социум. Развитие же сети экопоселений может способствовать повышению эффективности мероприятий по воспитанию как конструктивной экологической, так и гражданской позиции населения.

В сравнении с Краснодарским краем, Ростовской областью и другими регионами Юга России, в Крыму данная практика представлена достаточно слабо, хотя с 2014 года прослеживается тенденция возрастания инициатив создания экопоселений на территории Крыма со стороны жителей различных областей РФ (как правило, перспективы касаются 2020-2022 годов). На сегодняшний день в Республике Крым официально функционируют 7 экопоселений, 3 из которых можно считать развитыми: родовое экопоселение «Светлое» в южной части полуострова (у подножия горы Чатырдаг), экопоселение «Просторное» (на западе

Крыма, в районе мыса Тарханкут), и экопоселение «Мудрое» (в районе Большой Ялты). Особенности данных поселений, помимо общей ориентации на существование в гармонии с природой, является достаточно активная гражданская позиция их жителей, что выражается в готовности принимать участие в мероприятиях по экологическому просвещению населения вне поселений, проведении «гостевых дней», использовании последних достижений в области альтернативной энергетики, производстве экологически чистой и полезной продукции в сфере питания и косметологии из местного сырья и ее сбыт населению, воспитание молодого поколения в духе любви к родному краю.

Такая позиция, конечно, не отменяет общей настроенности экопоселенцев на обособление от «большого» мира и независимость от глобальных систем жизнеобеспечения, но позволяет задействовать одну из главных, по мнению А. Шубина, черт такого рода поселений – творческое начало, социальное творчество жителей поселения [6]. Именно оно дает возможность выявить потенциал экопоселений в укреплении гражданской идентичности крымчан путем определения универсальных ценностных ориентиров, способных солидаризировать полиэтничный и поликонфессиональный крымский социум в аспекте развития экологической культуры и ответственности за экологическое состояние региона, синтезировав тем самым упомянутый ценностный контекст в рамках одной социальной практики.

Получение социологических данных об особенностях становления и развития гражданской идентичности жителей экопоселений может способствовать выявлению диапазона и форм трансляции экологических ценностей в процессе реализации основных направлений взаимодействия экопоселений с внешней средой, таких как рекреационное, производственное, гражданско-правовое.

Результаты такого исследования позволят также сформулировать практические рекомендации, направленные на построение модели конструктивного взаимовыгодного сотрудничества экологических поселений с органами власти (например, содержательное наполнение мероприятий экоправового и патриотического воспитания, сопровождение «зеленого» туризма со стороны экопоселения и предоставление площадок для реализации продукции, обеспечение обустройства маршрутов «зеленого» туризма, популяризация ценностей и образа жизни экопоселенцев в СМИ и т.д., со стороны органов власти), и научными центрами региона и страны в целом (апробация инновационных альтернативных источников энергии, технологий утилизации и переработки отходов, фильтрации вод и т.д., несущие выгоду обеим сторонам), что в итоге может способствовать оптимизации движения бюджетных средств в рамках реализуемой государственной политики в сфере повышения гражданского и экологического сознания.

Литература:

1. Гилман Р. Эко-деревни и устойчивые поселения. СПб.: Центр гражданских инициатив. 1991. 266 с.

2. Кулясов И.П., Кулясова А.А. Экопоселения - новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь. – М., 2008. - № 10. - С.20-26. - [http://www.ecolife.ru/arhiv/flash/83\(10-2008\)](http://www.ecolife.ru/arhiv/flash/83(10-2008)).

3. Рыбакова М. В. Потенциал экопоселений в социально-экологической модернизации современной России.

4. Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарный знания. 2012. - № 4. - С.316-324.

5. Сайт Поселения.ру: Родовые поместья, родовые поселения, экопоселения. – URL: <http://poselenia.ru/search-гр>. (Дата обращения 30.01.2019)

6. Шубин А. Альтернативные общины: экзотика или дорога в будущее // Бюллетень Московского ИСАР. 1998. - С.8-16.

УДК 314

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Зоткин А.А.

доцент кафедры социологии философского факультета Таврической академии
КФУ им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Аннотация

В статье проанализирована структура народонаселения Республики Крым и основные тенденции ее изменений. Отмечены диспропорции между показателями рождаемости и смертности, сокращение количества браков и увеличение показателей разводов. При имеющихся тенденциях прирост населения в Республике Крым объясняется наличием внешних миграционных потоков. Но с 2018 г. даже этот ресурс перестал восполнять население региона в достаточной мере, чтобы превышать показатели естественной убыли населения. Для эффективного использования внутренних ресурсов региона необходимо проведение комплексной диагностики с использованием социологических и социально-психологических методов.

Ключевые слова: демография, народонаселение, естественное движение населения, рождаемость, смертность, браки, разводы, миграция.

Республика Крым является достаточно густозаселенным регионом с высокой плотностью населения. Согласно оценке численности постоянного населения, ее показатели по Республике Крым на 1 января 2019 г. составили 1912071 чел. Таким образом, Республика Крым занимает среди других регионов РФ 26 место по численности населения и входит в десятку регионов по плотности населения (73,3 чел. на кв. км).

В Республике Крым население проживает в 11 городских округах и 14 муниципальных районах, в состав которых входят 4 городских поселения и 250 сельских поселений. Численность городского населения на 1 января 2018 г. составила 974778 чел., сельского – 938943 чел. Соотношение горожан и жителей сел составляет 51 и 49% соответственно. Удельный вес сельского населения в РК существенно выше, чем в среднем по РФ (26,3% по данным переписи 2010 г.).

Этнический состав населения в целом сохраняет пропорции, выявленные в результате переписи населения, проведенной в Крыму в 2014 году [1, с. 108]. Указавшие свою национальность распределились в следующих долях: русские – 65,2%, украинцы – 15,99%, крымские татары – 12,59%, татары – 2,32% (представители других этносов составили менее 1% от населения РК). Русские наиболее плотно расселены в г. Симферополе и Симферопольском районе,

городских округах Ялта, Феодосия, Керчь, Евпатория. В большинстве административно-территориальных единиц РК русские составляют большинство населения. В Джанкойском, Красноперекопском, Первомайском и Раздольненском районах их доля составляет менее 50%. По абсолютным показателям украинцы наиболее плотно расселены в г. Симферополе (43543 чел.) и Симферопольском районе (22521 чел.), в городских округах Ялта (23403 чел.) и Евпатория (17107 чел.), Сакском районе (16221 чел.). Доля украинцев наиболее высока в городских округах Армянск (29,5%) и Красноперекопск (30,5%), Джанкойском (23,5%), Красноперекопском (32,5%), Первомайском (28,6%) и Раздольненском (30,2%) районах. Крымские татары численно представлены в г. Симферополе (27890 чел.) и Симферопольском районе (34184 чел.), в Бахчисарайском (21289 чел.), Белогорском (18623 чел.) и Красногвардейском (16848 чел.) районах. Относительные показатели демонстрируют, что удельный вес крымских татар составляет в Белогорском районе – 31,3% от населения, в Кировском районе – 28,8%, Советском районе – 25,9%, Бахчисарайском районе – 23,6%, Симферопольском районе – 22,8%, городском округе Судак – 21,4%, Красногвардейском районе – 20,6%, Джанкойском районе – 20,4%. Во всех остальных районах РК доля крымских татар составляет менее 20%, а в городах – менее 10%.

В Республике Крым наблюдается устойчивая негативная демографическая тенденция (преобладание смертности над рождаемостью), что в целом характерно для большей части постсоветского пространства. Как демонстрируют официальные данные Крымстата, отображенные в таблице 1, в Республике Крым наблюдается устойчивая тенденция, связанная с возрастанием показателей естественной убыли населения. В первую очередь это связано со снижением рождаемости: с 2015 по 2017 г. количество родившихся сокращалось на 1 тыс. чел. Показатели смертности в 2014 – 2016 гг. колебались незначительно и оставались практически на одном уровне. В 2017 и 2018 гг. они заметно снизились, но общий тренд изменить это не смогло. Позитивные эффекты снижения смертности в регионе нивелируются снижением показателей рождаемости.

Таблица 1

Естественное движение населения Крыма (2014 – 2018 гг.), чел.

	2014	2015	2016	2017	2018
Родившихся	24330	23951	22995	20962	20266
Умерших	28771	29079	28932	27546	26707
Естественный прирост (+), убыль (-)	-4441	-5128	-5937	-6584	-6441

Причинами снижения рождаемости в Крыму является, прежде всего, фрагментарная деструкция и аморфизация института семьи, снижение его роли в социальных приоритетах молодежи, о чем свидетельствуют тревожные показатели соотношения браков и разводов. Так, по данным Крымстата, в регионе наблюдается уменьшение количества браков и увеличение количества разводов. Если в 2014 и 2015 гг. количество браков составляло 16,3 и 17,4 тыс., то с 2016 г. заметен резкий перелом. В 2016 г. – количество браков составило 13,4 тыс., в 2017 г. – 14,4 тыс. В то время как количество разводов возросло с 5 тыс. в 2014 г. до 6,7 тыс. в 2017 г. Увеличение количества разводов на фоне сокращения количества браков заметно сместило их соотношение. Так, если на показатель браков, заключенных в 2014 и 2015 гг., статистически приходилось 30 – 32% разводов, то в 2016 – 2017 гг. доля разводов составляла 46 – 47% в соотношении с общим количеством браков, заключенных в эти годы. В 2018 г. указанная тенденция соотношения браков и разводов сохранялась. Количество разводов в 2018 г. снизилось по отношению к показателю 2017 г. (6786) и составило 5817. Однако снижение количества браков с 14430 в 2017 г. до 11604 в 2018 г. привело к возрастанию доля разводов по отношению к общему количеству браков, зарегистрированных в Крыму, возросла до 50%. Таким образом, в Республике Крым на 2 зарегистрированных брака приходится один зарегистрированный развод.

Таблица 2

Браки и разводы в Республике Крым (2014 – 2018 гг.), зарегистрированные акты

	2014	2015	2016	2017	2018
Браки	16322	17417	13493	14430	11604
Разводы	5033	5673	6275	6786	5817
Доля разводов по отношению к общему количеству браков (%)	30,8	32,5	46,5	47,0	50,1

Вторым моментом является преобладание модели семьи, в которой воспитывается 1 – 2 ребенка. По данным всеобщей переписи населения, проведенной в Крыму в октябре 2014 г., 67,6% крымчанок старше 15 лет имеют 1 или 2 детей, 13,9% - трое и более детей. Также результаты переписи продемонстрировали, что средние показатели рождаемости ни у одной этнической группы населения Крыма не превысили необходимый для воспроизводства населения уровень 2,0 ребенка на женщину старше 15 лет. Так, например, среди крымско-татарских женщин в указанной возрастной категории доля родивших трое или более детей наиболее высока (по сравнению с показателями у других этнических групп) и составляет 31,7%. (Для сравнения у русских этот показатель составляет 9,3%, украинцев – 13,7%, татар – 27,1%). Однако данные показателей по этническим группам показывают, что на 1 тыс. женщин приходится в среднем

рожденных детей: у русских – 1421, украинцев – 1649, крымских татар – 1921, татар – 1815 [1, с. 112]. Таким образом, ни одна этническая группа населения Крыма не преодолевает порог воспроизводства населения. Третьей причиной низких темпов рождаемости в регионе является комплекс нерешенных инфраструктурных и организационных проблем детских дошкольных учреждений, что очевидно даже на бытовом уровне наблюдения.

Несмотря на указанные негативные тенденции, связанные с диспропорциями в показателях естественного движения населения, Республика Крым в период 2014 – 2015 гг. имела демографический прирост. Он осуществлялся за счет миграционных потоков в Крым. Как видно из таблицы 3, миграционные потоки из других регионов России оказали заметное влияние на прирост населения в 2014 г., когда Крым только воссоединился с Россией. В 2015 г. они продемонстрировали отрицательные показатели, а с 2016 г. стабилизировались на относительно устойчивом уровне. Миграция из дальнего зарубежья имела низкие показатели, и вряд ли может быть рассмотрена как какой-то источник прироста. Основной миграционный прирост дали потоки из стран СНГ. Не имея детализированной информации, можем предполагать, что большую их часть составили переселенцы из восточных областей Украины, находящихся в зоне боевых действий. Однако и миграционные потоки в Крым из стран СНГ, несмотря на заметный всплеск в 2015 г., стали ослабевать и идти на убыль.

Таблица 3

Миграционное движение населения Крыма (2014 – 2018 гг.), чел.

<i>Миграционный прирост (+), убыль (-)</i>	2014	2015	2016	2017	2018
Миграция - всего	+16389	+16297	+1109 1	+8276	+4781
Межрегиональная в пределах России	+8557	-1044	+1131	+1136	+1630
Со странами СНГ	+7656	+16699	+9177	+6890	+2868
С другими зарубежными странами	+176	+642	+783	+250	+283

Таким образом, в условиях негативной демографической тенденции естественной убыли населения миграционные потоки из других регионов России и стран СНГ обеспечивали прирост в 2014 – 2017 гг. Снижение притока мигрантов извне привело к тому, что уже в 2018 г. естественная убыль населения не перекрывалась прибывшими мигрантами.

Следует констатировать, во-первых, сохранение темпов миграционного прироста за счет внутренних (в пределах России) потоков, показатели которых

остались на уровне, сопоставимом с аналогичным периодом 2017 г. Во-вторых, на основании данных Крымстата, за период 2015 – 2018 гг. можно наблюдать устойчивую тенденцию сокращения темпов внешнего миграционного прироста в сравнении с периодом 2015 – 2017 гг. И, наконец, в третьих, в Республике Крым в 2018 г. впервые показатели миграционного прироста перестали превышать показатели естественной убыли населения региона. Таким образом, в регионе в 2018 г. устанавливается дисбаланс между суммарным приростом и убылью населения в пользу последней, т.к. миграционные потоки перестают восполнять население Крыма.

Перспективы «сползания» Крыма в демографическую яму подталкивают к поиску ответов на вызовы с помощью социологии. Использование качественных срезов общественного мнения может помочь выявить: 1) потенциал к увеличению показателей рождаемости среди основных социальных групп крымского регионального сообщества; 2) специфику ценностных ориентаций крымских семей, воспитательные ресурсы института семьи, потенциал смешанных браков; 3) основные макросы социально-психологической мотивационной базы, использование которых могло бы способствовать демографическому росту населения Крыма.

Литература:

1. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. - 279 с.

УДК 314.117

**ЖЕНЩИНЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА КАК РЕСУРС
ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И
ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

Ильдарханова Ч.И., д.с.н., директор; Ибрагимова А.А., к.с.н., ведущий научный
сотрудник

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Аннотация. В последние десятилетия наметилась тенденция снижения численности женского населения репродуктивного возраста, которая оказывает значительное влияние на уровень рождаемости всего населения. Основная цель статьи – осуществить ретроспективный анализ (с 1990 гг.) и социально-демографическое прогнозирование (вплоть до 2048 года) данной демографической категории и выявить ее динамику. В рамках исследования была проверена гипотеза, которая заключается в следующем: если суммарный коэффициент рождаемости, смертность и миграция останутся на том же уровне, доля женщин репродуктивного возраста на протяжении 30 лет будет снижаться. Значения показателей для проведения прогноза рассчитаны или взяты из статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. Для расчета прогноза авторы используют метод экстраполяции и метод передвижки возрастов. Сделаны выводы о том, что в Республике Татарстан в ближайшие три десятилетия будет наблюдаться дальнейшее постепенное снижение доли женщин, которые находятся в репродуктивном возрасте. Отмечается неблагоприятное изменение возрастной структуры женского населения на окончание прогнозного периода, которое заключается в «старении» совокупности лиц женского пола репродуктивного возраста, что будет только стимулировать существующие проблемы низкой рождаемости населения. Демографический прогноз численности женщин репродуктивного возраста, который рассчитан в условиях существующего уровня смертности в каждой возрастной группе и коэффициента рождаемости, позволит скорректировать цели и задачи программы демографического развития региона, а также может впоследствии служить базой для оценки эффективности проводимой демографической политики. Представленные на примере Республики Татарстан расчеты численности женщин репродуктивного возраста могут быть использованы для понимания актуальных демографических трендов учеными, органами исполнительной власти, ответственных за достижение индикаторов, обозначенных для каждого региона Российской Федерации в национальном проекте «Демография».

Ключевые слова: женщины репродуктивного возраста, прогнозирование, передвижка возрастов, рождаемость, экстраполяция, Республика Татарстан, демографическое старение

В последние десятилетия изучение характера и факторов рождаемости, причин его спада, как в Российской Федерации, так и в Республике Татарстан, стало важнейшей темой социально-демографических исследований. Так В.Н. Архангельский и В.В. Елизарова в своей работе «Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез» [1] осуществили анализ численности населения нашей страны и предположили, что сохранение нынешней тенденции воспроизводства населения приведет к значительному сокращению населения. В связи с этим возникает необходимость оценить перспективы социально-демографических процессов, прогнозировать их дальнейшее развитие. Следует отметить, что, несмотря на многочисленные научно-исследовательские работы в области прогнозирования общей численности населения страны, социально-демографических работ по изучению и анализу перспектив численности женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан, определения степени влияния численности данной категории на коэффициент рождаемости, специально посвященных этому, почти нет. При этом все эти вопросы нуждаются в глубоком изучении. В 2018 году суммарный коэффициент рождаемости республики составил 1,7 (показатель региона наиболее близок по значениям данного показателя к таким странам как Армения, Беларусь и Канада) [2, с.61].

Изучение возрастной структуры женщин дает возможность проанализировать процесс смены поколений, что в свою очередь позволит осуществить прогноз численности женщин репродуктивного возраста и уровня рождаемости на несколько десятилетий вперед [3]. Российский ученый А.В. Коротаев отметил, что в ближайшие годы Россия столкнется с демографическим кризисом вследствие уменьшения доли женщин репродуктивного возраста (последствия спада рождаемости после 1990 гг.). На Гайдаровском форуме – 2019 заместитель председателя Правительства Российской Федерации по вопросам социальной политики Т.А. Голикова затронула данный вопрос, высказав мнение о том, что демографические процессы, проходившие в 90-е гг., будут вносить вклад в формирование возрастной структуры всего населения по причине того, что к 2000 году рождаемость в Российской Федерации сократилась [4].

При этом очень важно отметить, что уровень рождаемости населения во многом зависит не просто от количественных показателей общей численности женщин репродуктивного возраста, но и от структуры репродуктивного контингента. Американский социолог Отис Дадли Дункан [5] утверждал, что даже если уровень рождаемости будет падать, население с более высокой долей молодежи будет продолжать расти. Следовательно, в более молодом населении количественный показатель родившихся будет выше, даже если наблюдается одинаковая интенсивность рождаемости [6, с. 40]. Пропорции отдельных возрастных групп женщин определяют динамику рождаемости. Ретроспективный анализ рождаемости Республики Татарстан с 1990 по 2017 гг. показал, что численность рождений в большей степени зависит не от количества женщин репродуктивного возраста, а от общей доли женщин более молодого репродуктивного возраста. Так, в начале 90-х гг., несмотря на то, что численность

женщин репродуктивного возраста начинает расти, рождаемость падает, и наоборот, в начале 2000 годов рождаемость повышается, а доля женщин репродуктивного возраста снижается. Данный феномен связан, главным образом с тем, что в 90-е годы доля женщин более молодого репродуктивного возраста идет на убыль, а более старшего – повышается, а в 2000-х годах наблюдается противоположная картина. Исходя из полученных результатов, согласимся с утверждениями исследователей о том, что доля женского населения репродуктивного возраста в разных поколениях неодинакова по причине того, что оно зависит от числа родившихся в прошлом и числа доживших [7, с. 274].

Анализ динамики численности подгрупп женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан за 1990 – 2018 гг., показал, что начался рост доли контингента женщин 30-34 и 40-44 лет, в то время как численность женщин возрастных групп 20-24 и 25-29 лет снизилась.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики⁶, число женщин репродуктивного возраста к началу 1990 года достигло своей наибольшей величины 1,057 млн. человек, а в последующие годы, вплоть до начала 2018 года, стало сокращаться. За 1990 - 2018 гг. изменение абсолютных размеров численности женского населения репродуктивного возраста в Республике Татарстан носило неопределенный характер. С одной стороны, доля женщин репродуктивного возраста на конец рассматриваемого ряда динамики оказалась немного выше, чем была в 1990г. С другой стороны, в последние годы произошел качественный перелом, и наблюдается движение в сторону уменьшения контингента женщин репродуктивного возраста. Такие темпы снижения совокупности лиц женского пола фертильного возраста могут достигнуть показателя уровня начала 90-х годов.

Доля женщин репродуктивного возраста на начало 2018 г. в населении (924652 чел.) составляет 23,7% от численности всего населения (3894284 чел.) и 44,2% [8, с. 310] от общей численности женщин (2090460 чел.) республики. В 1990-е годы данный показатель был немного выше.

Моделирование будущих перспективных тенденций развития демографических процессов не может не опираться на демографическое прогнозирование численности и возрастного состава лиц женского пола репродуктивного возраста. На уровень точности и достоверности прогноза большое влияние оказывает правильность выбора того или иного метода прогнозирования [9]. Нужно отметить, что демографическое прогнозирование имеет взаимосвязь с социальным [10], которое представляет собой рассмотрение вариантов развития и подбор наиболее оптимального, подходящего, учитывая ресурсы, время и социальные силы, которые способны обеспечить их реализацию, а также полный анализ возможных вариантов решений [11, с.437].

⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)
URL:<https://fedstat.ru/> (дата обращения 8.11.2018)

⁷ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан URL: tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 13.11.2018)

При наличии данных о населении Республики Татарстан по полу и возрасту на начало 2018 года и заданных показателях режима воспроизводства населения на будущее (до 2048 г.) дальнейшее точное исчисление количества женщин репродуктивного возраста будем производить методом передвижки возрастов [12]. Данный метод позволит на основе определения численности определенных возрастных групп женщин прийти к количественным размерам всего репродуктивного контингента.

Основа данного метода заключается в том, что первоначальную численность женского населения передвигаем в будущее, при этом уменьшаем за счет умерших и пополняем за счет родившихся. Исходя из этого, для прогноза следует иметь базовую численность и структуру женского населения, а также сформировать гипотезы относительно тенденций воспроизводства женского населения в прогнозном периоде.

Создавались конкретные условия построения прогнозной модели. Во-первых, для осуществления передвижки возрастов базой прогноза был взят 2018 г., поскольку он выступает в качестве последнего уровня ряда динамики, за которые имелись статистические данные о возрастном распределении и коэффициентах дожития женского населения репродуктивного контингента Республики Татарстан. Во-вторых, на основе данных пятилетнего возрастного распределения женщин репродуктивного возраста в качестве шага прогноза был применен пятилетний шаг времени. В-третьих, семишаговая передвижка возрастов позволила получить прогнозные оценки женского населения Республики Татарстан фертильного возраста по состоянию на начало 2023, 2028, 2033, 2038, 2043 и 2048 гг. – опорные точки прогнозирования.

В процессе демографического прогнозирования главным является разработка перспективной гипотезы будущих возможных изменений коэффициента рождаемости и показателей смертности в каждой пятилетней возрастной группировке [13]. В качестве гипотезы выступает утверждение о том, что перспективы демографических процессов будут идентичны ретроспективам. Необходимо определить, как изменится численность женщин репродуктивного возраста на протяжении 30 лет, если суммарный коэффициент рождаемости, смертность и миграция не изменятся.

На основе метода передвижки возрастов также можно рассчитать среднее гипотетическое число рождений на прогнозируемую дату. Имея данные по количеству рождений с 1990 года, проследим динамику. Вплоть до 2033 года прогнозируется, что рождаемость будет снижаться, затем наблюдается небольшой рост к 2043 году и опять спад.

Таким образом, прогнозирование количества женского населения репродуктивного контингента как экстрополярным, так и методом передвижки возрастов показало, что в Республике Татарстан в ближайшие три десятилетия будет наблюдаться постепенное снижение доли женщин, которые находятся в репродуктивном возрасте. Отмечается неблагоприятное изменение возрастной структуры женского населения на окончание прогнозного периода (2048г.) – уменьшение численности возрастных групп 15-19 лет, 20-24 года, 25-29 лет, при

одновременном увеличении доли более старшего репродуктивного возраста – 35 лет и старше. По прогнозам численность женщин в самом активном репродуктивном возрасте 20-29 лет может к 2048 году снизиться до 202 тыс., по сравнению с 260 тыс. в 2017 году, 30-34 года – с 171 тыс. до 133 тыс. Такой сценарий наиболее вероятного развития событий дает основания утверждать, что будет дальнейшее углубление процесса, который характеризуется демографическим старением совокупности женского населения репродуктивного возраста. «Постарение» населения влечет за собой комплекс проблем, а именно ухудшение возрастной структуры женского населения, «формирование более узкой базы для развития процесса рождаемости» [14, с. 14] и др. Это, в свою очередь, станет причиной большего усугубления существующей проблемы, а именно низкой рождаемости населения региона. Белорусский ученый-демограф А.А. Раков отмечает, что современный «демографический кризис представляет неблагоприятные изменения не только в количестве, но и в качестве населения» [15, с. 14].

На основе анализа численности и состава женщин фертильного возраста Республики Татарстан был сформулирован целый ряд выводов.

1. Женское население репродуктивного возраста в количественном отношении представляет собой представительную группу населения, которая играет исключительно важное значение в процессе воспроизведения новых поколений.

2. Начиная с 2005г., наблюдается преломление демографической тенденции, которая характеризуется неуклонным снижением доли женского населения фертильного возраста Республики Татарстан.

3. За последние годы наблюдается неблагоприятное изменение в возрастном распределении женского населения репродуктивного контингента, которое проявляется в старении общего состава женщин репродуктивного возраста – снижение доли поколений, которые находятся в возрастах наивысшей репродуктивной активности (20-34 лет).

4. По прогнозным оценкам, существующая тенденция сужения количественных размеров, при котором последующее поколение меньше по численности, чем предыдущее [22, с. 361], и качественных характеристик женщин репродуктивного возраста региона в ближайшие годы будет не ослабевать, а только усугубляться. Так к 2048г. численность женщин республики, находящихся в возрасте от 15 до 49 лет, уменьшится по сравнению с 2018 г. на 197 тыс. человек или на 21%. Дальнейшее углубление процесса демографического старения совокупности лиц женского пола репродуктивного возраста будет только стимулировать существующие проблемы низкой рождаемости населения.

5. Если бездейственно наблюдать за сформировавшимися в прошлом и наиболее вероятными в будущем тенденциями и направлениями изменений параметров совокупности женского населения репродуктивного возраста, возникает большая вероятность, что наиболее пессимистические вариации демографического развития Республики Татарстан, могут, в конечном итоге, довольно быстро воплотиться в действительность, которая будет несопоставима с нормальным существованием популяции.

6. Представленные на примере Республики Татарстан расчеты численности

женщин репродуктивного возраста могут быть использованы для понимания актуальных демографических трендов учеными, органами исполнительной власти, ответственных за достижение индикаторов, обозначенных для каждого региона Российской Федерации в национальном проекте «Демография».

Данный демографический прогноз численности женщин репродуктивного возраста, который рассчитан в условиях существующего уровня смертности в каждой возрастной группе и коэффициента рождаемости, позволит скорректировать цели и задачи программы демографического развития региона, а также может впоследствии служить базой для оценки эффективности проводимой демографической политики.

Использованные источники:

1. Архангельский В.Н., Елизарова В.В. Научные труды: институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: Изд-во ФГБУН Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН, 2016. №1. С.524-545.
2. Регионы России на демографической карте мира 2019. Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы (РАНХиГС) и Международный Институт Прикладного Системного Анализа (IIASA): Москва, Россия и Лаксенбург, Австрия 2019.
3. Тузов Д.А. Женщины репродуктивного возраста как объект статистического исследования // Экономика, статистика, информатика. Вестник УМО. 2010. №1.
4. Газета «Лента» URL://lenta.ru/articles/2016/09/08/demography/ (дата обращения 23.11.2018)
5. Duncan Otis Dudley. Observations on population // New Physician, 1971.
6. Шахотько Л.П., Шахотько Д.В. Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси, Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. Минск: Беларуская навука, 2018. 400с.
7. Волков А.Г. Избранные демографические труды: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 567с.
8. Демографический доклад-2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан-2030: монография / Под общ. Ред. Ф.А. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. 345с.
9. Куликов В.Е. Особенности прогнозирования численности населения // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. XXIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013.
10. Дрепа Е.Н. Демографическое прогнозирование как разновидность социального прогнозирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. №1. С.151-156.
11. Тощенко Ж.Т. Социология. М.: Юрайт-М, 2001. 527с.
12. Preston, Samuel H, Patrick Heuveline, and Michel Guillot. Demography: Measuring and Modeling Population Processes. New York: Blackwell, 1991. С.117-137.
13. Миль Дж.С. Основы политической экономики (и некоторые аспекты их приложения к социальной философии). В 3-х т. Т.3. М.: Прогресс, 1980. 447с.
14. Раков А.А. Демографические ритмы и перемены: к познанию белорусского социума: избранное. Минск: Беларуская навука, 2014. 336с.
15. Злотников А.Г. Демографические идеи и концепции. Минск: Право и экономика, 2014. 388с.

УДК 316

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Карепова С. Г., к.социол.н., ведущий научный сотрудник; Пинчук А. Н., к.социол.н.,
научный сотрудник; С. В. Некрасов, научный сотрудник
Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН),
г. Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена ключевым вопросам национальной безопасности страны в детерминационных рамках новой социальной реальности России, порождающей модернизационные угрозы и вызовы. Авторами рассматривается ее общий содержательный тренд, а также угрозы и вызовы, охватывающие глубинный технологический и социетальный пласты развития социума. Особое внимание отведено анализу роли национального сознания в сохранении и укреплении безопасности страны. Представлено расширенное авторское определение - «безопасность национального сознания» (БНС).

Ключевые слова: современная социальная реальность, национальная безопасность, технологии, национальное сознание, безопасность национального сознания

Новые аспекты современной социальной реальности и национальная безопасность. Становление современной социальной реальности России сопряжено с возникновением качественно новых угроз и вызовов, в рамках которых глобально «...снижается значение традиционных (технических и технократических) технологий и возрастает роль технологий нетрадиционных – информационных, социальных, интеллектуальных, которые не предсказуемы, таят огромное число латентных противоречий и имеют оборотную, непознанную сторону, где открытие новых возможностей совмещается с опасностями нового типа» [1, с. 36].

Эффективное обеспечение национальной безопасности невозможно без укрепления научно-технического потенциала страны, но модернизационное развитие повлечет за собой серьезные социетальные эффекты для общества и как следствие новые угрозы и вызовы. «...Сложность в том, что тенденции развития инновационных технологий набирают все больше оборотов, экспоненциально увеличивая свою роль в жизни общества и определяя вектор будущих изменений. В технологическом мейнстриме по инерции трансформируются социальные практики, процессы социальной коммуникации, реформируются общественные институты. В то же время видоизменяется и само взаимодействие индивида и техники, усложняется связь между технологиями и функционированием общества» [2, с. 131-132].

Можно отметить создание следующих высокотехнологичных разработок, которые «...способны обновить облик информационно-технологической

инфраструктуры и вместе с тем имеют социальные эффекты. Это: развитие искусственного интеллекта, машинного обучения и робототехники; системная трансформация медиа, развитие дисплейных систем, рост потребительских свойств телевизионного и видео контента; внедрение технологии grid-сетей; «Интернет вещей»; возможность получать и изучать большие данные (big data); разработка технологий физического и когнитивного совершенствования человека посредством медицинского, фармацевтического вмешательства, а также использования «умных» технологий и др.» [2, с. 132].

Высокотехнологичные информационные и виртуальные контуры новой социальной реальности позволили изменить наше представление о ней и о роли человека в мире, превратив современное пространство в его техносоциальный вариант с «открытыми» вопросами к социуму. Онтологический характер вопросов подводит к размышлению о том, насколько безопасен этот мир и останется ли место в нем самому человеку? Речь идет о трансформации «устоявшихся картин мира», привычных социальных практик и их соответствия новым усовершенствованным технологиям.

Угрозы и вызовы новой социальной реальности: ключевые направления. На фундаментальном теоретическом уровне целесообразно вести речь о том, что:

– современные *ИКТ* по своим качественным характеристикам нацелены на пролонгированные результаты и «будущие эффекты». Речь идет о том, что оценивать антропоцентричный или разрушительный технологический эффект будут грядущие поколения;

– взаимодействие и трансформация человеческого интеллекта с искусственным интеллектом и в искусственный интеллект может служить основой для формирования нового типа самостоятельного «техногенного сознания». Актуализируются вопросы кибербезопасности;

– научно-исследовательские разработки в высокотехнологичных областях не только способствуют общему накоплению информации, но и ее последующей трансформации, где открытие одного явления часто провоцирует возникновение другого, а также неожиданных социальных последствий для общества, в частности в области безопасности. Примером может служить открытие цепочки урана, переросшее впоследствии в формат разработки ядерной бомбы. Особую роль призвано сыграть социально-научное знание для проведения оценки рисков насыщенных технологий;

– актуализация проблем безопасного использования новейших ИКТ, прежде всего в оборонной сфере, где возникновение нештатных ситуаций в совокупности с доминантой человеческого фактора невозможно просчитать.

На социетальном уровне важно актуализировать внимание на:

– тотальном внедрении ИКТ в привычный образ жизни человека («Интернет вещей» и т.д.), что порождает деградиционные психологические и физиологические процессы, лишая человека динамики развития;

– технологической трансформации рабочих мест и рабочих компетенций, ведущей к поляризации доходов и уходу с рынка ряда востребованных профессий,

что послужит развитию структурной безработицы и появлению в перспективе темы «лишних профессионально людей». Разумно вести речь и о грядущей маргинализации ряда социальных групп;

– проблемах, связанных с трудовыми миграционными процессами, порожденными «технологическим» и «территориальным» переделом рынка труда, открывающими вопросы «черной занятости»;

– быстрой смене технологий, задающей спрос на новые типы компетенций работников и как следствие новые формы их подготовки. В планируемом образовательном континууме отсутствует индивидуальный подход к обучению;

– возникновение ряда этических вопросов, связанных с формированием единого реестра данных граждан и отказ от сохранения права на личное пространство. Существует опасность установления информационного контроля, диктата и шантажа.

Безопасность национального сознания как составная часть национальной безопасности страны. В настоящее время инструментальную и определяющую роль начинают играть СМИ, подчас нацеленные на скрытую «не военную» оккупацию сознания человека. Подобное воздействие имеет тонкие системные механизмы его «включения» – манипуляцию, подмену устоявшихся ценностей, внедрение упрощенной и чужеродной российскому менталитету культуры, ориентиров на глобальное разделение социума и т.д. Можно скептически, с большой осторожностью, относиться к включённому в Федеральный список экстремистских материалов «Плану Аллена Даллеса», но направление действий, заключавшееся в скрытом сознательном моральном и нравственном разложении населения СССР, подтвержден пройденной траекторией новейшей истории России. Особую роль сыграла постепенная либерализация средств массовой информации. Целью воздействия стало сознание молодого поколения и его моральное «обеднение».

Современная социальная реальность России продолжает заложенную ранее траекторию развития «...в последнее время все более начинает осознаваться новый (и, возможно, самый опасный) вид угроз – разрушение способов и форм идентификации личности в результате длительного информационно-психологического воздействия, т.н. консциентальная война (от латин. *conscientia* – сознание), что означает переструктуризацию внутреннего мира личности». На этом «...новом этапе борьбы – конкуренции форм организации сознаний, предметом поражения и уничтожения являются определенные типы сознаний» [3, с. 347] и как следствие ряд социокультурных и формализующих их общностей.

Воздействие осуществляется через использование специализированных технологий в СМИ, негативного контекста транслируемых аудио и видеoinформационных рядов, посредством которых происходит общее снижение культурного уровня и уровня самоидентификации нации. Информационно-коммуникационная основа для развития сознания (СМИ, печатные издания, Интернет пространство и др.) перестает созидательно работать и превращается в инструментарий дегенерации. Происходит рост угроз социальной и личностной

дезадаптации, разрушение психического здоровья общества, рост девиантного поведения.

На фоне попыток разрушения сознания нации повышается уязвимость безопасности страны. Использование ИКТ в военно-политических целях нашло отражение в Военной доктрине РФ, где внутреннюю военную угрозу представляет: «...деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь, на молодых граждан страны и имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества» [4]. Опасность информационной борьбы обозначена и в Стратегии национальной безопасности РФ. «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в информационном пространстве, обусловленное стремлением ряда стран использовать информационные технологии для достижения геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [5].

Актуализация данной проблематики артикулирует, с одной стороны, автономность социального феномена *национального* сознания, с другой, акцентирует его защищенность в приоритетах государственной безопасности. Следует отметить, что вопрос о защищенности *национального* сознания призван показать социально-культурные и культурно-философские аспекты реализуемых мер в сфере государственной безопасности, которые нередко отодвигаются на второй план, но приобретают первостепенное значение в нынешних условиях. Социально-философское осмысление *национального* сознания затрагивает зону личностных смыслов и значений, отражающих картину субъективного восприятия и миропонимания. Вместе с тем, это зона, где возможно наиболее эффективное и опасное манипулятивное воздействие.

Особое звучание приобретают темы конструирования новой социальной реальности. В данном контексте целесообразно отметить, что социальная реальность – это не что иное, как объективизация субъективной деятельности человека. Став объективным фактом, она начинает функционировать по своим собственным законам, в равной степени способным породить добро и зло. Ключевым в этой системе представлений является сам актер как носитель сознания, на основе которого он действует. В онтологическом контексте человек как часть бытия всегда обладает свободой и волей, в том числе в отношении мира, в котором он хотел бы жить. Социальная реальность, создается на основе глубоко субъективного миропонимания с использованием личностных мотиваций и установок.

Российская нация поликонфессиональна и полиэтнична, именно поэтому основным объединяющим её народы фактором является национальное сознание. Будучи групповым видом общественного сознания, *национальное сознание*, под которым мы будем понимать «...сложную совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, философских, религиозных и др. устоявшихся взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации» [6, с. 176], приобретает все более значимую роль в решении ключевых проблем безопасности страны.

Смысловое оперирование термином «нация» наиболее адекватно и корректно в контексте «...политическая общность граждан определенного государства» [7], а также в соответствии со Стратегией национальной политики до 2025 года, в которой «...многонациональный народ России (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» [8], а совокупный континуум характеристик национального сознания целесообразно сузить, в перспективе, до системообразующего социально-культурного и философского наполнения.

«...Таким образом, в рамках, развития современной социальной реальности России, обоснованной необходимости артикуляции потенциальной зоны ее бифуркации, а также тематического укоренения в области научных исследований по национальной безопасности, целесообразно сформулировать понятие «безопасность национального сознания» (БНС) для последующей актуализации в сфере государственного регулирования» [9, с. 37].

Безопасность национального сознания (БНС) [9, с. 37] – защищенность сложившейся и устоявшейся в соответствии с развитием социальной реальности России совокупности социетально детерминированных (социальных, политических, экономических, духовно-нравственных) и др. ценностных ориентаций, убеждений, мотиваций, установок нации, в комплексе характеризующих уровень ее духовного развития, от намеренных, разрушительных и манипулятивных, в целом информационных, аудиальных, визуальных, кинестетических типов воздействия на сознание, процессуально реализующихся как за счет функционирования общественных институтов (образование, наука, массовая культура, средства массовой информации и др.), так и специфики массовой психологии (все виды манипулятивных практик: прямая ложь, ложное мифотворчество, идейное разоружение, деморализация, сдвиги в настроениях, подмены понятий, «отключение памяти и нравственности» и т.д.). БНС в ее социологическом понимании является частью безопасности общественного сознания и проявляет себя как его особый групповой вид, через защиту которого осуществляется как укрепление сложившегося совокупного духовного континуума нации, так и его воспроизводство посредством инструментальной системы мер проводимой государственной политики, актуализации деятельности институтов общества и семьи (первичную, вторичную социализацию). Необходимым условием обеспечения БНС становится понимание теоретико-методологических основ структуры национального сознания, где ядром конструкта требующим адресной выработки мер ее сохранения является *национальное самосознание* – активный носитель мощного творческого начала, проявляющийся в виде генетической памяти и осознания людьми своей принадлежности к определенной национально-этнической общности, обладает огромным деятельным, подчас протестным потенциалом, способным не только спровоцировать череду разрушительных событий, но и выработать и ввести в практику новую систему норм и правил. По сути, национальное самосознание является механизмом, обеспечивающим эволюционное развитие национального сознания и сохранение его безопасности.

Сохранение и укрепление БНС напрямую коррелирует как с необходимостью обеспечения «горизонтов» устойчивого развития основных социетальных сфер жизнедеятельности общества, так и важностью преодоления высокой степени ценностно-смысловой неопределенности (неустойчивости), распространенной в социуме. Данная совокупность направлений деятельности государства является «страхующим клапаном», предотвращающим выход системы из-под контроля в зону бифуркаций. Укрепление БНС осуществляется на обыденном (эмпирическом) и теоретическом (рационально-идеологическом) уровнях национального сознания за счет: поддержания непрерывности процесса сохранения исторической памяти в целом и осознанного восприятия подлинного исторического процесса развития страны у новых поколений; культивирования значимости достижений и наследия предыдущих поколений во всех сферах (материальная, духовно-нравственная и др.) жизнедеятельности общества; необходимости формирования на основе исторического, духовно-нравственного опыта системы представлений о будущем России с четкими целями и консолидирующими «горизонтами сборки»; задач воспитания новой генерации граждан и управленцев своей страны с антропоцентричными установками и осознанием необходимости сплочения ради сохранения целостности человека, общества, государства. Вопрос о БНС постулирует необходимость пересмотра концептуальных идей о конструировании желательной для общества и человека социальной реальности с учетом научного и социально-научного знания в частности, о его защищенности через комплексную систему социального проектирования и конструирования, проектную деятельность в информационной, социально-политической и духовно-нравственной сферах, направленную на сохранение и воспроизводство его единства и устойчивости. БНС на государственном уровне инструментально обеспечивается усилением системы мер по проблемам безопасности, отраженным в нормативных документах, синергетическим использованием профильных научно-практических и теоретико-методологических научных разработок. Отдельного рассмотрения требует вопрос «демаркационного» определения пределов информационной цензуры, отвечающей за целостность БНС. Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей нации, обычаев и сложившихся традиций, в которых сохранена социальная и «генетическая» память народа, культурного потенциала страны в целом предусматривают ФЗ «О безопасности», Концепция национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности РФ.

Создание эффективной системы мер по укреплению безопасности страны, связанной с включением в научно-практический континуум безопасности национального сознания, безусловно, требует дальнейшей теоретико-методологической разработки, как и сам конструкт – безопасность национального сознания.

Заключение. В целях сохранения национальной безопасности перед современным обществом стоят требующие решения задачи: адаптация человека к условиям жизнедеятельности в информационной среде, характер взаимодействия с которой претерпевает постоянные изменения; изучение и понимание современных ИКТ, а также сущности происходящих социетальных преобразований, имеющих

рисковую составляющую; максимальное использование инструментов аналитики данных и технологии компьютерной симуляции, заменяющих эксперименты над обществом, что позволит перейти на «безболезненное» прогнозирование и социальное конструирование; формирование нового аспекта национальной безопасности, основанного на актуализации вопросов безопасности национального сознания, как основы безопасности будущих поколений и страны в целом.

Ключевую превентивную роль в данном процессе призвано сыграть социально - научное знание.

Использованные источники:

- 1 Кареева С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2018. № 9. С. 36.
- 2 Пинчук А. Н. Конструирование социальной реальности в техносциальном пространстве: новые вопросы и идеи//Знание. Понимание. Умение, 2019. №1. С.131-141.
- 3 Горохов В. Г., Сюнтюрено О. В. Технологические риски: информационные аспекты безопасности общества//Программные системы и вычислительные методы, 2013. №4(5). С. 347.
- 4 Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Президентом РФ 25 декабря 2014 г. N Пр-2976). URL: <http://base.garant.ru/70830556/#ixzz5c71Rrt4N>.
- 5 Указ Президента РФ от 31.12. 2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.
- 6 Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999. С. 176.
- 7 Грицанов А. А. Новейший философский словарь. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/index.htm>.
- 8 Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями)// Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5oMWb1O7O>.
- 9 Кареева С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. Исторический и современный контекст становления концепта национальной безопасности страны как отражение динамики социальной реальности России: актуальное направление развития //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. № 3. С. 37.

УДК 304.4

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПРИМЕР
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Касаткина С. С., к. филос. н., доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доцент
Череповецкий государственный университет, Гуманитарный институт, Череповец, Россия

Аннотация: В статье раскрывается вопрос о возможностях цифровизации туристической сферы регионов России. Анализируется проблема создания положительного имиджа территорий посредством возможностей применения технологий виртуализации. Рассматриваются возможности цифровизации сферы туризма как инструмента социокультурного развития региона на примере анализа контента городов Вологодской области.

Цифровые стратегии позиционирования территории в виртуальном пространстве являются важными социокультурными и экономическими инструментами модернизации государства. Традиционно представление об уникальных особенностях местности рассматривается как общеизвестная информация, популяризованная в литературе и в СМИ, полученная в ходе восприятия физического пространства самим субъектом познания и т.д. О проблемах использования цифровых технологий в туристическом развитии регионов рассуждают представители Всемирной туристской организации (ЮНВТО) [12], Н.У. Багаева [1], А.А. Градинарова [2], Э.С. Першина [9] и другие авторы. Специалисты отмечают, что развитие туристической отрасли регионов зависит от доступа потребителей туристического рынка к глобальной сети, использования сферы электронных услуг, применения цифровых проектов туристическими предприятиями и муниципалитетами к потребностям экономики. Методологическую основу составили социокультурный и аналитический подходы. Целью работы является выявление роли цифровизации в сфере регионального туризма; определение видов цифровизации туризма; анализ проблем и перспектив цифровизации туристической деятельности на материалах контента туристической информации городов Вологодской области.

Современный мир ориентирует человека приобретать опыт, пользуясь девайсами. С повышением уровня доступности цифровых услуг широкое потребительское распространение получили Интернет и мобильная связь. В условиях цифровой экономики мир реальный и виртуальный во многих вопросах сливаются. Региональная специфика территорий является объектом интенсивного внимания разных категорий населения: туристов, бизнес-сообществ и т.д. Концептуальное внимание к формированию положительного образа региона в

виртуальной сфере необходимо и оправданно современной экономической стратегией России [10]. Согласно проекту решения Всемирной туристской организации в мае 2018 г., «интеграция инновационной деятельности и цифровизации в повестку дня мирового туризма имеет фундаментальное значение для сохранения конкурентоспособности и максимального использования потенциала сектора в том, что касается содействия экономическому росту, устойчивому развитию» [12]. Темпы регионального развития, связанные глобальными тенденциями с мировой экономикой, зависят от цифровизации туризма в том числе на местном уровне.

При имеющемся общественном запросе на цифровые компетенции происходит внедрение технологических инноваций в социальную и культурную сферы. В вопросах развития туристских услуг это выражается в создании цифровых платформ для всевозможных социальных коммуникаций: туристические порталы субъектов Российской Федерации, порталы городов, турфирм, музеев и т.д. Процессы цифровизации туризма заключаются в создании цифровых сервисов для туристов: платформ бронирования жилья, покупки билетов, определении маршрутов, ориентации в информации о достопримечательностях и привлекательности территорий. Известно, что «74% путешественников в мире планируют своё путешествие онлайн» [13]. Цифровой маркетинг становится важнейшей нишей туризма как части регионального развития.

К примеру, в настоящее время все города России имеют официальные сайты, где, как правило, представлена краткая информация о структуре муниципалитета, обзорно – историческая справка, сведения о текущих событиях и мероприятиях [4]. Ряд городов обладает уникальными информационными ресурсами, определяющими их суть – официальными и неофициальными интернет-порталами. Их содержательная наполненность, статистическая динамика посещаемости, модерлируемость, интерактивность демонстрируют роль цифровизации в межкультурных коммуникациях региона. При качественном формировании интерактивной среды виртуального информационного пространства региона увеличивается спектр возможностей его развития. Возможность получить любую нужную цифровую информацию о муниципальном образовании и особенностях территории при планировании своей туристической программы – одна из основ конкурентоспособности региона. Данный вывод можно сделать, если взять за основу анализ оцифрованной информации о социокультурном потенциале городов России, например, исследовав контент городов Вологодской области в Интернете.

В ходе аналитического обзора официальных сайтов ряда городов Вологодской области, выяснилось, что крупнейшие города - Вологда [5] и Череповец [8] пользуются цифровым контентом, позволяющим удовлетворить многие потребительские запросы граждан. Брендвые характеристики территории более всего раскрыты на официальном сайте администрации города Вологды в подтверждение статуса официальной «кружевной столицы России», неофициально - «культурной столицы Русского Севера», «новогодней столицы Русского Севера», фестивального города области. Виртуальными маркерами территории областного

центра можно назвать сообщения об уникальной специфике Вологды на главной странице сайта, отзывы вологжан и гостей города: инфографику с изображением вологодских сюжетов, «ненавязчивую» и рациональную навигацию, благодаря которой можно попасть на содержательный туристический портал города. Все это раскрывает социокультурную и экономическую привлекательность Вологды для горожан, туристов, инвесторов.

На официальном сайте Череповца с названием «Cherinfo.ru» ресурсы для формирования имиджа города продемонстрированы, но, по мнению автора, не в полной мере [8]. История крупнейшего города области, «города металлургов и химиков», представлена только с 1777 года. Базовая административно-правовая информация, яркая инфографика «Cherinfo.ru», новостной блок определяют ключевые факты о городе. В разделе «Отдых, путешествия, туризм» обозначены только контактные данные о туристических организациях города, туроператорах, базах отдыха без деталей интерактивной навигации. Комплексное видение уникальности Череповца, раскрываемое на официальном сайте города, – перспективная деятельность разработчиков данного ресурса как стратегического компонента цифровой экономики города и сферы регионального туризма. Стоит отметить, что для повышения туристической привлекательности в условиях непростой экологической ситуации в Череповце, стратегии его ребрендинга как центра металлургии и химии Северо-Западного региона России явно необходимы. Примеры социокультурного позиционирования города уже имеются. Так, в Череповце развивались социально значимые проекты: «Череповец - город лидеров», «Череповец - здоровый город», «Череповец - цветущий город» и т.д. Данные примеры ребрендинга Череповца не скорректировали в значительной мере имеющийся неформальный статус экологически неблагополучного города Европейского Севера России. В 2017-2018 гг. городские власти зафиксировали отток населения из города и озадачились необходимостью повышать его привлекательность, в том числе туристическую. Одним из важных инструментов в этом процессе является работа с виртуальным пространством, посредством которой возможно успешно раскрыть конкурентоспособность городской территории.

Малые города Вологодской области в условиях цифровой экономики отличаются разновеликими успехами туристических стратегий. На муниципальных сайтах информация о социокультурной привлекательности их территорий выражена скромно. Однако потенциалы для цифровизации уникальных сведений огромны. Как туристические объекты, некоторые города имеют яркие информационные ресурсы, посвященные вопросам региональной идентичности: Тотьма – Соль земли русской, Тотьма – город русских мореходов, Тотьма - город черной лисы [11], Устюжна – город кузнецов [3], а также официальные сайты городов: Белозерск – былинный город [7], Великий Устюг – родина Деда Мороза [6]. В самом выигрышном формате развивается сайт «Туризм в Тотьме». Остальные города Вологодской области на данный момент находятся в поиске стратегий привлекательности и, соответственно, в разработке информационных возможностей их использования.

Подводя итог исследованию цифровизации сферы туризма как инструмента регионального развития, можно сделать следующие выводы. Во-первых, цифровизация туристического кластера – важный критерий модернизации региона. Во-вторых, важнейшим видом цифровизации туризма помимо виртуализации сферы всевозможных туристических услуг, является разработка и модерация официальных сайтов городов России. В-третьих, в целях повышения туристической привлекательности в условиях экономической специфики региона всем городам стоит усилить работу над качеством официальной городской информации в виртуальной сфере.

Использованные источники:

1. Багаева Н.У. Развитие цифровизации в индустрии туризма // Развитие региональной экономики в условиях цифровизации. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. г. Грозный, 24-25 сентября 2018 г. Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 738 – 743
2. Градинарова А.А. Современные тенденции цифровой трансформации в туристической отрасли. Сб. трудов конференции «Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе». Симферополь: Издательство «Типография «Ариал», 2017. С. 69-73
3. Общественный информационно-справочный портал Устюженского уезда. URL:<http://www.ustugna.ru/>
4. Официальные сайты городов России. URL: <http://www.xn----6kcb1fhdzapu0ajlab7anw5a9b2hgq.xn--p1ai/>
5. Официальный сайт администрации города Вологды. URL: http://vologda-portal.ru/o_gorode/index.php?SECTION_ID=171
6. Официальный сайт администрации МО «город Великий Устюг» URL:<http://www.movustug.ru/gorod>
7. Официальный сайт муниципального образования «город Белозерск» URL:<http://gorod.belozer.ru/>
8. Официальный сайт Череповца URL: <https://cherinfo.ru/>
9. Першина Э.С., Дараган С.В. Индустрия туризма в цифровую эпоху // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2016. том 9. № 2. С.98- 107
10. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ №1632-р от 28.07.2017 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
11. Туризм в Тотъме. URL:<http://tourizm-totma.ru/brendy>
12. Туризм и его трансформация в цифровом пространстве. Тематическое обсуждение. Мадрид. 2018г. URL: https://www2.unwto.org/sites/all/files/pdf/ce108_09_thematic_discussion_tourism_and_the_digital_transformation_rev1_ru.pdf
13. Цифровой туризм: какие сегменты рынка организованных путешествий оцифровываются прежде всего? URL: <https://firstlinesoftware.ru/news/blog/345-tsifrovoy-turizm-kakie>

УДК 101.1:316:159.923

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Кемалова Л.И., канд.филос.н., доцент

Никонорова М.А., канд.психол.н

ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», г. Керчь

Аннотация. В условиях трансформации современного общества возрастает уровень девиации в молодежной среде, в связи с чем актуализируется проблема разработки эффективных мер профилактики девиантного поведения. Особый акцент в статье сделан на работу со студенческой молодежью, поскольку она является авангардом молодежи. Авторы обращают внимание на необходимость проведения систематической диагностики уровня склонности к девиации в студенческой среде, на основе чего можно разработать соответствующую программу профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, молодежь, студенческая молодежь, профилактика девиации

Поскольку молодежь является самой динамичной и восприимчивой к изменениям частью социума, то она быстрее всех реагирует на перемены, происходящие в различных сферах общественной жизни. В условиях трансформации современного общества, когда распадаются социальные связи, разрушается старая шкала ценностных ориентиров, нравственных установок и идеалов, а новая находится на стадии становления, молодежь оказывается в сложной ситуации. Сознание молодого человека, формирующееся в разнообразных потоках коммуникации, в условиях отсутствия целостной культуры, неопределенности, напоминает своеобразную мозаику, где преобладает установка на индивидуализм, эгоизм, нигилизм, ноунизм («здесь и сейчас»). В этой ситуации возрастает социальная девиация, когда поведение человека отклоняется от принятой в данном обществе нормы, что является выражением своеобразного протеста против этого самого общества. Причем отклонение носит чаще негативный характер. Возрастает отчужденность, тревожность, цинизм, эгоизм, жестокость, агрессия. Возникает непонимание с окружающими, в первую очередь со взрослыми, что обостряет конфликт «отцов и детей». В ситуации, когда общество не может удовлетворить потребности молодых людей и реализовать их социальные ожидания, молодые люди самостоятельно ищут каналы самореализации, зачастую асоциального или антисоциального характера.

Так, в последние десятилетия возрастает уровень преступности в молодежной среде (40 % несовершеннолетних осуждены за кражи; 13% — за разбой; 14% — за грабежи; 5% — за убийства) [1, с.3]. В последние десятилетия обострилась также проблема алкогольной зависимости среди детей и подростков, возрастает количество наркозависимых (до 1 млн. наркозависимых в России – это молодые люди в возрасте от 11 до 24 лет) [там же, с.4].

Все это актуализирует проблему девиации в молодежной среде и необходимость комплексного подхода к ее решению. Объединение усилий различных наук в исследовании данной проблемы объясняется тем, что 1) в период взросления молодые люди испытывают трудности не только физиологического, но и психоэмоционального характера, 2) неустойчивость, неопределенность социального статуса порождает неустойчивость мировоззренческую, 3) механизмы социального контроля требуют корректировки, поскольку те способы, которые применялись в детстве, уже не работают, а взрослые методы контроля, предполагающие дисциплину, самоконтроль, еще не сформированы в должной мере.

Сегодня проблема девиантного поведения молодежи не только остается одной из актуальных в исследовании молодежной проблематики, но и требует разработки эффективных методов профилактики отклонений в среде молодежи.

Поскольку молодежь неоднородна по своему составу (работающая, неработающая, студенческая, из обеспеченных семей, из малообеспеченных семей и др.), то и причины девиации, и формы проявления девиантного поведения у нее различные. В данной работе акцент сделан на исследовании склонности студенческой молодежи к девиации и мерах профилактической работы с ней.

Студенчество как особая социальная группа являет собой авангард общества, на нее возлагаются особые надежды. Несмотря на то, что представители студенчества имеют разное социальное происхождение, различные материальные возможности, они связаны общим видом деятельности (обучением в вузе), общностью интересов, имеют специфическую субкультуру. В условиях трансформационных процессов, сопровождающихся маргинализацией общества, студенческая молодежь, как и молодежь в целом, оказывается одной из самых незащищенных социальных групп. Неопределенность будущего, неуверенность в завтрашнем дне, создают ощущение безысходности, ненужности, что приводит к поиску различных форм «ухода» от проблем, в том числе и негативных. На промежуточное положение молодежи как социально-демографической группы (переход от детства к взрослости) накладывается транзитивность студенчества, представляющего собой с одной стороны объект заботы со стороны государства, а с другой позиционирующего себя как субъекта социальных перемен. Такая ситуация порождает двойственность, противоречивость восприятия мира: с одной стороны, молодежь стремится к независимости и свободе от опеки со стороны взрослых, государства в целом, с другой стороны, она еще не готова отвечать за свои поступки, демонстрирует неустойчивость во взглядах. Сочетание независимости и безответственности порождает разные формы отклоняющегося поведения (склонность к алкоголизму, наркомании, суициду, преступности), в том числе

податливость к различным формам экстремизма, радикализма. Поэтому представляется важным диагностировать уровень склонности к девиации в образовательных учреждениях, предпринять меры по профилактике девиации в студенческой среде.

В связи с этим с целью выявления наличия склонности к различным формам девиации и разработки на основе полученных результатов профилактических мер, нами было проведено исследование среди курсантов морского факультета, чья будущая профессия относится к числу стрессогенных профессий, требующих особых личностных качеств. Профессия моряка требует не только наличия физической и психологической выдержки в условиях длительного пребывания в условиях рейса, но и умения общаться с представителями самых различных этносов и конфессий, умения конструктивно решать конфликты, преодолевать экстремальные ситуации, стрессы. В связи с этим диагностика склонности к девиациям у курсантов, разработка профилактических мер имеет важное значение для подготовки их к будущей профессии.

Исследование проведено при помощи метода патохарактерологического исследования подростков, (Патохарактерологический Диагностический Опросник (ПДО) Личко, который предназначен для определения личностных особенностей (психологической склонности к алкоголизации, делинквентности, аддиктивности) [2]. С помощью ПДО могут быть диагностированы типы психопатий и акцентуаций характера, детерминирующих проявления девиаций (гипертимный, эпилептоидный, истероидный и др.).

Выборку составили курсанты 2 курса всех специальностей Морского факультета ФГБОУ ВО «КГМТУ» («Судовождение» - СВ, «Эксплуатация судовых энергетических установок» - СМ, «Эксплуатация судового электрооборудования и средства автоматики» - СЭ, «Электроэнергетика и электротехника» - ЭСП). Общая выборка составила 150 человек (по 50 испытуемых с каждой специальностью).

Анализ данных, полученных в результате эмпирического исследования, свидетельствует о том, что у курсантов морского факультета КГМТУ выявлена склонность к проявлению различных видов и форм девиантного поведения:

1. Психологическая склонность к алкоголизации присутствует у 12 % респондентов (18 чел.). Из них 6 чел. – курсанты СВ, 5 чел. – курсанты СЭ и 7 чел. – курсанты СМ.

2. Выраженный риск злоупотребления ПАВ (психоактивных веществ) выявлен у 5,3 % респондентов (8 чел.). Из них: 2 чел. – СВ, . 3 чел. – СЭ и 3 чел. – СМ.

3. Склонность к депрессии присутствует у 50 % респондентов (75 чел.) Из них 27 чел. – СВ, 20 чел. – СЭ 23 чел. – СМ. Это достаточно высокий показатель, который может свидетельствовать о физической и эмоциональной усталости (Эмоциональном выгорании) курсантов.

4. Склонность к суициду: демонстративная попытка (без настоящего желания умереть, а лишь разыграть для окружающих спектакль, производящий впечатление суицидной попытки с целью привлечь к себе внимание, добиться каких-то преимуществ, избавиться от грозящих неприятностей) предпринималась

18 курсантами (12 %). Из группы СВ – 5 чел., СЭ – 6 чел. и 7 чел. Их группы СМ. Истинная попытка суицида была у 2-х курсантов (1,3 %). По 1 человеку из специальности СВ и СЭ.

5. Так же нами выявлено 39 курсантов (26 %) с психологической склонностью к делинквентности 10 человек из группы СВ, 14 из группы СЭ и 15 из группы СМ.

6. По результатам эмпирического исследования выявлено 39 курсантов (26 % от общей выборки) с риском социальной дезадаптации. Социальная дезадаптация — частичная или полная утрата человеком способности приспосабливаться к условиям социальной среды. Способность к быстрой адаптации, к динамическим изменениям среды крайне важна для будущих моряков. Среди будущих судоводителей курсантов с высоким риском дезадаптации 12 чел., 16 чел. – будущие судомеханики и 11 чел. – будущие судовые электрики.

Таким образом, к группе риска можно отнесли 42 % респондентов, так как у них положительные показатели по 2-м и более характеристикам.

В результате проведенного исследования были разработаны меры профилактики девиации в среде курсантов вуза. Среди них: 1) формирование установки на здоровый образ жизни; 2) информирование, проведение лекций, бесед, диспутов на заданную тему; 3) проведение психологических тренингов с целью изменения установок на девиантное поведение (тренинг резистентности – устойчивости к негативному социальному влиянию), тренинг формирования жизненных навыков (умения общаться, конструктивно решать конфликты, брать на себя ответственность, отстаивать свою позицию). Представляется целесообразным разработать комплексную программу профилактики и коррекции девиантного поведения студенческой молодежи, включающую в себя последовательные этапы проведения профилактических и коррекционных мероприятий в условиях образовательных учреждений.

Лучшая профилактика девиантного поведения – это целенаправленно организуемое воздействие с четким определением средств, форм и методов воспитания. Вуз должен реализовывать не только обучающие функции, но и функции воспитания молодежи, их духовно-нравственного развития. Необходима помощь в развитии деятельности студенческих объединений, в рамках которых осуществляется разносторонняя самореализация обучающихся, выявляется креативная, талантливая молодежь, способная стать субъектом социальных преобразований.

Использованные источники:

1. Туркина Т.Г. Проблемы современной молодежи: девиантное поведение [Текст] // Политехнический молодежный журнал. 2017. № 2. С.3-5.
2. Иванов Н.Я., Личко А.Е. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков [электрон. ресурс]. url: <http://www.otrok.ru/medbook/books/pdo.htm>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В КРЫМУ: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ ВОЗМОЖНЫХ РИСКОВ

Ковалев В.В., д.соц.н., профессор
Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Говоря о рисках введения сити-менеджмента в Крыму, очень важно отметить, что Республика Крым является единственным регионом в России, где практика данной процедуры ещё не применялась для организации местного самоуправления [2]. В этом контексте приоритетным предметом для её анализа представляется, во-первых, выяснить готовность муниципальной элиты данного субъекта федерации принять новую модель вступления в должность главы муниципального образования, и, во-вторых, сравнить её отношение к вступлению в должность руководителя муниципального образования на основании конкурсного отбора с экспертными оценками в тех регионах, где такой порядок существует в качестве реальной управленческой практики уже не один год. Статья основана на результатах экспертного опроса.

Территориально опрос осуществлялся в трёх населенных пунктах Республики Крым: г. Симферополь, г. Ялта и г. Бахчисарай. В качестве экспертов были определены лица, занимающие ведущие посты в системе муниципального управления, или имеющие профессиональные знания о том, как функционирует система муниципального управления: 1) председатели представительного органа муниципального образования, их заместители; 2) председатели постоянных и временных комиссий (комитетов) и их заместители; 3) работники администрации городского округа (глава администрации, заместители главы администрации по различным направлениям деятельности); 4) сотрудники администрации муниципального района (представители функциональных органов администрации: начальники (заместители начальников) комитетов, управлений, департаментов, отделов); 5) депутаты представительного органа муниципального образования (городской думы/районного собрания депутатов); 6) представители науки/образования; 7) представители СМИ муниципальных образований, освещающие проблематику реформирования системы местного самоуправления Российской Федерации). Всего на территории Республики Крым был опрошен 31 эксперт. В качестве метода применялся экспертный опрос в форме анкетирования.

Первый вопрос будет посвящен выявлению рисков, которые препятствуют достижению цели, поставленной перед институтом сити-менеджмента.

Табл. 1.

Какие возможные риски могут возникнуть в результате введения модели сити-менеджмента (любое количество ответов), в %

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
	Представители административной власти	Представители общественности (депутаты, журналисты и преподаватели)
Недоверие населения к назначаемому, а не выбираемому управленцу	45,0	18,0
Увеличение коррупционной составляющей во властных структурах	30,0	18,0
Снижение качества работы главы муниципального образования	30,0	27,2
Снижение личной ответственности главы муниципального образования перед населением	55,0	54,5
Оснований для возможного возникновения перечисленных выше рисков нет	10,0	18,0

По мнениям, выраженным экспертами, мы видим наличие определенных расхождений между двумя группами. Все эксперты убеждены, что практика сити-менеджмента может породить риски самого разнообразного характера. Особенно

сильно беспокоят экспертов снижение доверия к назначаемому руководителю, снижение личной ответственности и, конечно, рост коррупционной составляющей. Это заставляет предположить, что даже имеющийся сейчас потенциал института сити-менеджмента едва ли может быть реализован в практике муниципального управления.

Другой аспект, который мы считаем необходимым и возможным затронуть в нашем исследовании, мнение экспертного сообщества, высказанное как бы от лица всего общества. Поскольку введением института сити-менеджмента было ограничено право населения муниципалитетов на избрание своего руководителя, то был задан вопрос об отношении избирателей к отмене процедуры выборов.

Табл. 2.

Имеет ли значение для населения муниципальных образований правовой механизм, определяющий порядок вступления в должность руководителя муниципального образования (только один вариант ответа), в %

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
	Представители административной власти	Представители общественности (депутаты, журналисты и преподаватели)
Народ устал от политики и примет руководителя в любом качестве, если он будет успешно решать проблемы социально-экономического развития территорий	60,0	72,2
Социально-экономические проблемы для населения приоритетны, но отмена выборов мэра будет оцениваться населением отрицательно	15,0	18,1

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС	
	Представители административной власти	Представители общественности (депутаты, журналисты и преподаватели)
Для населения демократические принципы имеют большое значение, поэтому отмена выборов мэра будет оцениваться крайне негативно, как наступление на права избирателей	25,0	9,7

Мнения между экспертами разделились, что отражает гипотетичность данных суждений. Эксперты от административной власти в большей степени продемонстрировали приверженность ценностям классической демократии, в том числе в своей вере в её значимость для избирателей. Трудно, однако, однозначно сказать, что думают избиратели по поводу отмены выборов мэра. Ещё труднее включить их мнение в систему ценностей по релевантности. В любом случае, можно предположить, что даже "усталость от политики" на самом деле не означает безоговорочного принятия потенциально возможных ограничений избирательных прав [1].

Важно всё-таки принять во внимание, что в своем большинстве опрошенные эксперты не видят серьезных угроз дестабилизации социальной ситуации в регионе после введения института сити-менеджмента. Да, действительно, эта модель муниципального управления основывается на контрактном механизме вступления в должность главы муниципального образования. Муниципальные выборы проводятся лишь при формировании депутатского корпуса. Вопросами исполнительной власти занимается выигравший конкурс сити-менеджер, или конкурсный управляющий. При формальной оценке здесь можно найти ущемление принципов демократии, связанных с процедурой выборов органов власти. В определенном смысле институт сити-менеджмента противоречит традиционному понимаемой сущности муниципальной власти, которая, предполагается, на всех уровнях свою легитимность приобретает непосредственно от народа. И, несмотря на всё перечисленное, в экспертном сообществе большая часть опрошенных убеждена в отсутствии политических и общесоциальных рисков от уменьшения объема демократических прерогатив у народа [3].

Проведенный анализ экспертных оценок позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

По оценкам экспертов, в Крыму достаточно высокий уровень доверия к реализуемой в настоящее время в России институционализации сити-менеджмента в систему муниципального управления. Некоторые сомнения, снижающие показатели готовности принять реформу, имеются у муниципальных служащих (экспертов от административной власти). Они связаны с опасениями глобальных кадровых перетасовок в структуре муниципального управления, возможность чего некоторыми экспертами допускается в связи с отказом от процедуры выборов. Но даже среди этой группы экспертов уровень доверия превышает общие показатели, выявленные нами по Югу России. Ещё в большей степени это касается экспертов от общественности. Однако здесь надо четко понимать, что это доверие строится на убежденности: введение должности сити-менеджера позволит вывести муниципальное управление полуострова из области политической демагогии в сферу профессионального менеджмента, нацеленного на решение тех многочисленных проблем, которые имеются сейчас в Республике Крым. Надо полагать, что многие из них достались ещё в наследство от Украины, склонной реальные дела подменять политической риторикой. Именно этого опасаются сейчас эксперты в Крыму, особенно представители от общественности (преподаватели, депутаты и журналисты). И, мы убеждены, что если реформа, определяющая порядок вступления в должность главы муниципального образования пойдет по российскому сценарию, как он сейчас понимается экспертами из Ростовской области и Адыгеи, то есть в качестве достройки "властной вертикали", то кредит доверия быстро исчерпает себя. Муниципальные элиты в Крыму ждут не замены "бурной открытой политики" на "тихую политику кремлевских кабинетов", а реального улучшения социально-экономического развития полуострова, с которым эксперты связывают профессионализацию управления в отрыве от политического популизма.

Список литературы

1. Авдонин В.С. Трансформация института сити-менеджера в Рязани на фоне реформы МСУ // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. №1.
2. Дятлов А.В., Попов А.В. Проблемы реализации идеи сити-менеджмента в системе муниципальной власти Российской Федерации: научная рефлексия на осмысление проблемы // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №6.
3. Дятлов А.В., Чигрин В.А. Социокультурные основания для модели "сити-менеджмента" в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 4 (70). 2018. №1.

КРЫМСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛЕ 2014 Г.

Колесник Н.В., к.с.н., ученый секретарь, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, сектор социологии
власти и гражданского общества, г. Санкт-Петербург,
Россия

Проведенный анализ научной литературы показал, что различается несколько исследовательских направлений в изучении трансформации крымской элиты. Первая линия в рассуждениях связана с тем, что украинская и российская элита имеют схожие тенденции в своем развитии и это находит проявление во влиянии политико-административных групп, которые составляют основу региональных процессов в обоих государствах. Вторая линия связана с научной литературой, в которой анализируется роль украинской экономической элиты в развитии государства и ее стремлении на протяжении длительного периода закрепить свое политическое влияние посредством экономических ресурсов. При этом, доминирующими характеристиками в украинской элите оказываются фрагментированность, разрозненность, укорененность, сплоченность отдельных сегментов.

Третье направление представляют работы, авторы которых анализируют международный опыт присоединения территорий к другому государству и изменения внутри элитных общностей: случай Германии после ГДР и ФРГ в 1989 г., элитные практики в Восточном Тиморе после оккупации Индонезией, присоединений Сиккима и Гоа Индией, Кувейта Ираком, Голанских Высот Израилем и др. Случай присоединения Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германии в 1989 году показывает, что произошла «полная элитная трансформация». Практически вся политическая и административная элита Восточной Германии по своему социальному составу обновилось. В результате того, что была упразднена СЕПГ к власти пришла партия «Демократического Социализма». Аналитики отмечают, что политическая элита Восточной Германии была поглощена с объединением двух стран и лишь малому количеству старой элиты ГДР удалось занять лидирующие позиции во власти в объединенной Германии ибо элитная трансформация происходила по принципу «западная элита вместо восточной».

Анализ открытых источников позволяет выявить основные характеристики в экономике Крыма: центр военного приборостроения и судостроения, один из центров химической, пищевой промышленности (рыба, овощи, фрукты, виноград), утрата главных направлений в экономике Крыма советского периода практически полностью или преимущественно утрачены, отсутствие с конца 90-х гг. и до 2014 г. программы приватизации. С 2001 г. сформированы основные контуры экономики Крыма, которые сохранились до 2014 г.. Основной пул предприятий оборонно-промышленного комплекса в условиях отсутствия конверсии был самоликвидирован. С формальной точки зрения первые позиции в современной экономике полуострова закреплены за

предприятиями пищевой (внутренний рынок) и химической промышленностью (экспорт).

Эмпирической основой исследования является анализ данных о крупнейших компаниях Крыма после 2014 г. Источники информации: СМИ (журналы «Эксперт», «Форбс» Украины и России), официальные сайты правительства Республики Крым, министерств и общественных организаций. На первом этапе эмпирического исследования было отобрано 64 крупных крымских компаний, далее на основе этих данных производился отбор крымской экономической элиты, согласно позиционному подходу.

Различаются следующие основные формы трансформации крымских предприятий: банкротство, заморозка активов с последующей продажей, национализация, передача в региональную собственность (Республика Крым, Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Татарстан), передача в долгосрочную аренду, перенос производственных активов на материковую часть Украины и др. Особый интерес с точки зрения трансформации собственности представляет не только национализация активов, но и переход украинских крымских компаний в аренду/владение региональных российских компаний. Второй этап в трансформации крымской собственности начинается с 2017 г. и именуется как приватизация.

Анализ 124 биографий представителей экономической элиты Республики Крым показывает, что на 2017 г. средний возраст составляет 49-55 лет. Происходит незначительное омоложение экономической элиты, сохраняют значительные позиции представители «старой элиты». Некоторая часть представителей экономической элиты вступили в должности в 2003-2006 гг. Самый распространенный период назначений/избрания на высокие экономические позиции - 2015-2016 гг., при этом следует отметить, что в большинстве случаев и до 2014 г. представители новой экономической элиты занимали высокие позиции в экономических институтах. Поэтому радикального обновления внутри элитной экономической общности Республики Крым после 2014 г. не произошло.

Старую экономическую элиту в большинстве своем представляют уроженцы украинских городов (не только крымских). В структуре новой экономической элите различается группа не только тех, кто родился на полуострове, но тех, чья социализация проходила на материке и которые после событий 2014 г. переехали в Крым. Все представители экономической элиты имеют высшее образование, которое чаще всего получено в крымских вузах украинского периода либо в других украинских вузах. Биографический анализ данных экономической элиты позволил выделить несколько карьерных путей попадания в экономическую элиту: восхождение в рамках одной экономической институции, через силовые структуры (чаще армию) как канал рекрутирования, посредством семейного капитала. Анализ данных показывает, что воспроизводится устойчивая связь между политической и экономической общностью (например, часть старой экономической элиты имели депутатские мандаты Верховной Рады). Из 75 депутатов крымского парламента 39 депутатов имеют прямое или косвенное отношение к экономической деятельности (данные на 2017 г.).

УДК 316.47

ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ЮГЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ⁸

Колесникова Е.Ю., доцент

Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г.
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

В рамках подходов, развитых в отечественной социологической литературе, патриотизм и гражданственность предстают в анализе как интегрированный результат процессов социализации молодежи в конкретных условиях социальных локалитетов полиэтничного региона Юга России, где ключевое значение имеют традиционные, социокультурные и этнокультурные практики, менталитет, а также социальные институты их регулирования.

Поворот «фокуса» исследовательского интереса к проблеме молодежного патриотизма связан с феноменом его своеобразного ренессанса, который репрезентируют многочисленные эмпирические политологические и социологические исследования. Их результаты показывают, что уровень молодежного патриотизма в России, на фоне значимых для страны событий (Олимпиада 2014 года, воссоединение Крыма с Россией, ведущая роль России в преодолении кризиса в Сирии, строительство Крымского моста, проведение Чемпионата мира по футболу-2018 и др.), в последние годы существенно вырос [9]. Это дало толчок для активизации междисциплинарных исследований данного феномена.

В современном социально-гуманитарном знании развиваются различные исследовательские стратегии анализа и построения объяснительных моделей этого процесса, как он проявляется на обширной периферии России – на региональном уровне, в том числе в таком самобытном регионе, как Юг России, тем более, что особенности исторического развития и динамика межэтнических отношений, этническая структура, система традиционных норм и социальных практик, в том числе и в области патриотического воспитания в этом приграничном регионе России делает исследовательское поле в этой предметной области особенно полиструктурным и междисциплинарным.

¹Статья выполнена в рамках реализации Государственного задания (Министерство образования и науки Российской Федерации), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации»

Поэтому важнейшим направлением развития исследовательских практик явилась актуализация внимания к теоретическому осмыслению процессов формирования молодежного патриотизма, солидарности, гражданской идентичности на региональном уровне. Акцент на региональном «срезе» этих явлений оказался важным еще и потому, что «региональному» патриотизму, гражданственности, солидаризму реально противостоят ценности глобализма, космополитизм, влияние которых в последнее время, в результате экспансии информационного общества, значительно усилились. Региональные идентичности в значительно большей степени, чем раньше, стали конструироваться под воздействием глобальных трендов, при этом, особенно в молодежной среде, возник фактор виртуальной социализации.

Наиболее актуальные аспекты исследуемой проблемы получили отражение в работах ученых Юга России. Обобщая имеющуюся литературу в области исследования патриотизма молодежи Юга России, следует отметить, что патриотизм в ней представлен, прежде всего, в рамках социологического теоретического дискурса – в широком контексте этносоциальной проблематики [6, 164-172].

В работах южнороссийских ученых, вполне в традициях междисциплинарного подхода, верифицируются, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, ключевые факторы, которые доминантно влияют на особенности формирования патриотического сознания молодежи.

Среди них – социокультурное своеобразие, которое воспроизводит уникальные институциональные формы социальной жизни, ценностно-нормативную мотивацию, менталитет и поведенческие практики населяющих его народов и этносов [7, 65-76].

Поэтому, вполне концептуально обоснован в этих исследованиях процесс формирования патриотизма в молодежной среде Юга России подход, в соответствии с которым детерминантой его формирования и развития выступает этнокультурная и социально-экономическая неоднородность Юга, его статус периферии как христианской, так и исламской цивилизаций [8, 65-76]. Авторы отмечают, что здесь сложились две большие группы народов: автохтонные, не отличающиеся этническим единством, но имеющие схожие общекавказские культурные традиции, и славянские, в основном сформировавшиеся к концу XIX в., центром притяжения которых были казачьи поселения. Эти социокультурные различия отражаются и в системах базовых ценностей, и в типах социального поведения, в том числе гражданского и патриотического поведения молодежи региона [1, 10-43]. Ряд авторов указывают на специфику роли Юга в формировании особого типа молодежного патриотизма как пограничного края, что находит отражение в переплетении двух тенденций, проявившихся со времени появления первых русских переселенцев. С одной стороны, здесь сильны «охранительные», «державные» ориентации. В массовом сознании народа, населяющего Юг России, глубоко укоренен миф «границы», ставшей почти сакральным понятием, что нашло отражение в казачьем фольклоре [7, 65-76]. С другой – именно рубежное положение сделало Юг зоной контакта цивилизаций и культур, обусловило такие черты

региональной общности, как терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту. Исследователи утверждают, что именно взаимодействие этих двух тенденций обусловило яркий и симбиотический характер региональной культуры, а также соответствующие – гуманистические – формы и типы социального поведения. Все перечисленные факторы в определенной степени объясняют приверженность населения региона традиционным ценностям, проявляющейся в самых различных формах, и обуславливают, в значительной степени, модель патриотического поведения молодежи Юга России. В исследованиях отмечается, что патриотические представления и установки южнороссийской молодежи, прежде всего в районах традиционного проживания казаков (это равнинные территории Юга России), формируются под воздействием, прежде всего, культурно-исторического и нравственно-патриотического наследия казачества, которое во многом определяет паттерны гражданского патриотизма, обеспечивая преемственность исторической памяти.

Обобщение результатов региональных социологических исследований позволяет построить теоретическую модель ценностной структуры патриотизма молодежи, основу которой составляет порядок и безопасность, достоинство, защита и целостность России [8]. При этом, в теоретическом дискурсе подчеркивается, что, в силу геополитического положения Юга, его жители испытывают повышенную потребность в стабильности, а посему не отличаются особой заинтересованностью и не критическим восприятием ряда «либеральных» ценностей. Настроения молодежи поддерживаются здесь исторически сложившимися мифами о благодатном Юге, мессианском предназначении казачества, его «особом» пути. Традиционной, по сути, является установка молодежи на авторитетность сильного лидера, причем в его харизматический образ могут входить один или несколько, сочетающие доминирующие архетипы – «отец», «хозяин», «герой», «борец» [7].

Молодежный патриотизм, таким образом, можно описать теоретической моделью, в которой гармонично сочетается этнокультурная, региональная и российская национальная идентичность.

В рамках институционального подхода особое внимание в работах исследователей Юга России уделяется выявлению особой роли форм социальной организации казачества, казачьего этнокультурного компонента в формировании молодежного патриотизма, в том числе, на основе использования фольклорных, военно-спортивных и духовных традиций казачества, общих символов, которые помогают формировать позитивный образ малой Родины, а также анализу ключевой роли семейных ценностей, которые по-прежнему, как показывают исследования, занимают приоритетное положение в структуре патриотических ценностей молодежи региона [9]. Делается фундаментальный вывод о том, что в сознании молодежи патриотизм, в своих смысловых коннотациях, связан с основными функциями института семьи, что семья обладает самым мощным потенциалом в «выращивании» патриотизма как того особого чувства, на котором строится подлинный, а не имитационный или ситуативный патриотизм [2, 26].

Значительная часть социологических работ по молодежному патриотизму, раскрывающих идентификационный потенциал данного явления, апеллирует к

понятиям «гражданственность» и «гражданский патриотизм», связывая с ними перспективы формирования гражданской идентичности на Юге России. Данное направление исследований концептуально представлено в работе А.В. Лубского, в которой дан системный анализ понятий «патриотизм», «гражданственность» и «гражданский патриотизм», что позволило прийти к важному выводу о том, что молодежный патриотизм, наполненный различными идеологическими коннотациями, можно описать как теоретический концепт, в котором раскрываются основные конструктивно-содержательные характеристики укорененных форм массового сознания и поведения молодежи (в том числе ментальных его форм) [4, 42-59].

Молодежный патриотизм как феномен целостной личности, согласно подходам южнороссийских ученых, конструктивно и непосредственно связан с ее гражданственностью, которая рассматривается в трех измерениях:

- как нравственное качество личности, имеющее в своей основе идею гражданского долга, «радение об общественном благе»;
- как сопричастность человека к судьбе отечества, его истории, культуре, традициям, а также предполагает ответственность за его прошлое, настоящее и будущее;
- гражданственность как активная социальная позиция, готовность участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности [5].

Методологически важно, что авторы, выделяя те или иные аспекты гражданственности, не противопоставляют понятия «патриотизм» и «гражданственность». В то же время, для размежевания понятий «национализм» (который чаще всего связывают с конфронтацией, враждебностью к «другому», стремлением к превосходству над ним) и «гражданственность» исследователи выделяют, в частности, такие критерии гражданственности, как «принятие» чужой «инаковости», готовность усваивать лучшее в этой «инаковости» и даже использовать ее в социальных практиках. Особенно это характерно для Юга России, который исторически, как уже отмечалось, в силу своего рубежного, приграничного положения, был зоной контакта самых различных этносов, религий, культур, что определило такие качества жителей региона, как терпимость, адаптивность, открытость, восприимчивость к иным традициям и чужому опыту. [3, 42-59].

Таким образом, обозначенные методологические подходы и теоретические модели рассматривают патриотизм и гражданственность как результат процессов социализации молодежи в конкретных условиях социальных локалитетов полиэтничного региона Юга России, где ключевое значение имеют традиционные, социокультурные и этнокультурные практики, ценности, менталитет, а также социальные институты (семья, образование и т.д.) их регулирования.

Использованные источники:

1. Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В. Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2.
2. Внукова Л.Б. Социально-политические настроения молодежи Юга России // Научная мысль Кавказа. 2014. №1.
3. Дубровин В.Л. Патриотизм как ресурс социального самоопределения в российском обществе. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2015.
4. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1.
5. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Международный электронный научный журнал. StudiaHumanitatis. 2013. № 2.
6. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2.
7. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2017.
8. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы: коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство «МарТ», 2013.
9. Что значит быть патриотом? Пресс-выпуск ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156>

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РФ

Коршунов Д.С., к. полит. н., доцент

Нижегородский государственный лингвистический университет, Кафедра
международных отношений и политологии, г. Н. Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты отношений власти и гражданского общества, их состояние и проблемы в современных российских условиях. Обосновывается вывод о том, что конструктивное, ориентированное на решение социальных проблем взаимодействие общества и власти соответствует основным интересам российского общества. Показывается, что региональные власти в России имеют возможности использовать потенциал гражданского общества как ресурс развития.

Проблематика гражданского общества и его отношений с государственной властью является одной из наиболее актуальных тем практической политики и социально-политических исследований. Как правило, под гражданским обществом понимается совокупность негосударственных и некоммерческих организаций и движений, объединенных социально значимыми проблемами. Для того чтобы стать активным участником общественных процессов, структуры гражданского общества должны обладать субъектностью, осознанием собственных интересов, способностью к саморегуляции.

Современный мир характеризуется усложнением социально-экономических и политических процессов. Это порождает спрос на качественную элиту и эффективно работающие социальные институты. Все в большей степени осознается потребность соединения государственного управления с общественным саморегулированием [8, с. 112].

Технологическая революция также способствует увеличению разнообразия социальных движений. В современных условиях теоретически неверно рассматривать гражданское общество как совокупность только формальных организаций: существуют и имеют потенциал роста многочисленные неоформленные группы интересов [8, с. 123]. Исследования общественного участия демонстрируют четкий тренд на снижение популярности традиционных институтов агрегации и артикуляции общественных интересов – политических партий, а также на активное развитие неполитического гражданского активизма [7, с. 34, 36].

Исследования глобализации также показывают рост числа акторов (участников) социально-политических процессов, где государство теряет монополию на власть под воздействием многочисленных наднациональных и субнациональных игроков. Значимыми участниками международных процессов признаются и внутригосударственные регионы. На роль регионов в процессах развития обращают внимание и российские эксперты [9, с. 239; 3, с. 151].

Таким образом, теоретический анализ демонстрирует объективную тенденцию к усложнению и повышению разнообразия общественно-политических процессов, плюрализации их участников, что порождает необходимость выстраивания эффективных моделей коммуникации между ними.

В современной России сформированы определенные гарантии развития гражданского общества (что нашло закрепление в Конституции РФ и законодательстве), осознана необходимость и значимость этого процесса. Получила распространение практика общественных советов при госучреждениях, в 2004 г. появился Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, с середины 2000-х гг. начался процесс образования федеральной и региональных Общественных Палат. С 1990-х гг. развивается законодательство о некоммерческих организациях, совершенствуются формы и механизмы поддержки «третьего сектора».

В то же время, взаимодействие гражданского общества и власти в российских условиях не лишено трудностей. Некоторые из них носят долгосрочный, системный характер. Это, например, относится к слабости среднего класса в России, численность которого, по разным подсчетам, составляет 10-20% населения [1, с. 122]. Сюда же можно отнести традиционно сильную роль государства в России, еще более возрастающую в периоды геополитических обострений. Так, «цветные революции» на постсоветском пространстве и роль НКО в их подготовке и осуществлении усилили стремление государства поставить общественные процессы под более пристальный контроль. Вкупе с выстраиванием «вертикали власти» и снижением публичности политического процесса в стране это привело к росту напряженности между частью «третьего сектора» и государством. Закон об «иностранных агентах» снизил возможности НКО использовать зарубежные ресурсы в своей деятельности.

Эти процессы вызвали понятную критику экспертов и общественников. В частности, подчеркивалось, что деятельность созданных «сверху» общественных структур сводится к формальным, протокольным мероприятиям и поддержке действующей власти [2, с. 62, 65]. Власть критикуется за низкую заинтересованность в подключении гражданского общества к процессу принятия решений [5, с. 15-16], по сути, ее доминирующим приоритетом остается сохранение социальной стабильности, понимаемое как недопущение протестной активности. Сам по себе этот мотив вполне логичен, однако его гипертрофия способна привести к обратному результату – политизации общественных инициатив и радикализации протестных движений [8, с. 127-130].

Однако, на наш взгляд, тренд к нарастанию деструктивной конфликтности между современным российским государством и гражданским обществом не является ни желательным, ни неизбежным. С обеих сторон есть сигналы к встречному движению власти и гражданского общества. Так, В. Путин открыто критикует деятельность общественных советов при органах власти за отсутствие реальной работы. Проблема «огосударствливания третьего сектора» признается и Общественной Палатой РФ [4, с. 28]. В гражданском обществе, экспертных кругах слышен голос тех, кто призывает к совершенствованию конструктивных

механизмов взаимодействия с властью. Показывается, например, что само протестное движение не может быть гарантией развития гражданского общества, т.к. не гарантирует автоматической консолидации общества и выработке долгосрочных моделей отношения с властью [1, с. 172].

Таким образом, перспективным путем взаимодействия власти и гражданского общества может стать развитие социально ориентированного «третьего сектора», призванного способствовать решению общественных проблем, что является совпадающим интересом власти и общества.

На этом пути существует большое количество проблем, во многом традиционных для организаций «третьего сектора» по всему миру. Учитывая разнообразие гражданского общества, понятны проблемы его статистического учета. Не все зарегистрированные НКО реально работают: по экспертным оценкам, 15-25% [4, с. 26]. Существует проблема слабой ресурсной обеспеченности организаций «третьего сектора», недостаток квалификации сотрудников НКО [2, с. 65]. В российских условиях серьезным препятствием для развития НКО является незнание НКО своего клиента. Во взаимодействии с государством гражданское общество (и экспертное сообщество, в частности) не всегда готово соответствовать практическим запросам лиц, принимающих решения [5, с. 18].

Представляется, что на решение именно этого комплекса вопросов должны быть направлены усилия как политической системы, так и самих акторов гражданского общества.

Что касается роли регионов России в выстраивании взаимодействия с «третьим сектором», то она будет определяться сочетанием глобальных трендов (возрастанием роли негосударственных и внутригосударственных акторов), управленческой логикой (обладанием локальными знаниями) и современными российскими реалиями («вертикаль власти» и концентрацией ресурсов развития в Центре). Так, Центр неизбежно будет для регионов образцом социетального развития. В частности, речь может идти о федеральной программе развития социально ориентированных НКО, подхваченной регионами [2, с. 74]. Федеральное правительство будет совершенствовать механизмы поддержки НКО, как показывает сегодняшний анализ, во многом на основе уже апробированных в 2000-е гг. практик поддержки бизнеса. Запрос на это открыто сформулирован в докладе Общественной Палаты [4, с. 29]. Региональным элитам следует ориентироваться на этот тренд, упорядочивать и расширять как финансовые, так и нефинансовые формы поддержки организаций «третьего сектора». Такой «столичный трансфер» должен запустить процесс «обучения действием», когда в процессе социальной коммуникации и региональные элиты, и представители гражданского общества будут получать и обмениваться значимой информацией об актуальных ресурсах развития. Актуальной задачей, в том числе и для региональных властей, будет оставаться традиционная управленческая функция – информационная поддержка (тиражирование лучших практик, содействие дебатам в СМИ, обязанность властей мотивировать отказы по гражданским инициативам) [6, с. 15-17]. К этому списку целей информационной поддержки можно добавить содействие изучению организациями гражданского общества новейших социальных технологий, а также

ориентирование их на взаимодействие по линии «общество-общество». В частности, доклад Общественной Палаты указывает, что актуальной задачей является преодоление разрыва между «организованным общественным сектором» и неформальными гражданскими инициативами [4, с. 32].

Таким образом, можно констатировать, что конструктивное, ориентированное на решение социальных проблем взаимодействие власти и гражданского общества соответствует широким общественным интересам в современной России. Рассмотренные выше механизмы взаимодействия и рекомендации могут способствовать решению существующих сегодня проблем в отношениях власти и общества.

Использованные источники:

1. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Под ред. Н. Петрова и А. Титкова. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Гаман-Голутвина О.В. и др. Региональные политические процессы: насколько «субъектны» субъекты РФ // Полис. Политические исследования. 2013. № 5.
3. Дагбаев Э.Д. Регионы и новая восточная политика России // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 151-157.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017.
5. Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю. Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 8-20.
6. Перспективные меры для развития сектора НКО // Форсайт гражданского общества. Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. НИУ-ВШЭ. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. 2017. Ноябрь №2(13).
7. Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5.
8. Чугров С. В. и др. Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1) // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 117-140.
9. Яковлев А.А. Агенты модернизации. 2-ое изд. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

УДК 316.33

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Костоломова М.В., к.социол.н., старший научный сотрудник
Институт социально-политических исследований Российской академии наук
(ИСПИ РАН), г. Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена электронному обучению как новой форме образовательного процесса. Автор рассматривает электронную форму обучения, с одной стороны, как канал реализации концепции непрерывного образования, с другой - как новую форму высшего образования. В статье описаны вероятные преграды на пути формирования данного вида обучения и дана оценка перспективам его развития в России.

Электронное обучение как форма образовательного процесса приобрело особую популярность в России за последние несколько лет. Всеобщий тренд на цифровизацию и информатизацию социальных процессов и взаимодействий пришёл и в систему образования как в один из системообразующих общественных институтов. Принято считать, что формирование дистанционного или электронного («удаленного») обучения было спровоцировано в конце 90-х годов прошлого века бурным развитием и повсеместным внедрением в образовательные процессы информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) [6, с.130-131]. Несмотря на данный факт, термин «электронное обучение» по сей день вызывает неоднозначную реакцию с позиции консервативно настроенной общественности (в т.ч. научной). Большую роль в этом сыграли трансформационные процессы в образовательной системе и их первые последствия (общее снижение уровня знания абитуриентов, аспирантура как высшее образование и пр.), а также прогнозируемые вызовы и риски, которые влечет новая социальная реальность.

Рассуждая на тему электронного обучения и связанных с ним образовательных процессов, форм, и структур образовательных технологий довольно часто встречается понятие «дистанционного обучения». Строго говоря, эти два вида обучения не совсем тождественны в аспекте их возможной реализации: электронное обучение подразумевает форму образовательной деятельности с применением различного рода ИКТ (в т.ч. использование сети Интернет) и может быть осуществлено наряду с «живым» общением педагога и ученика. Дистанционная форма учебного процесса также подразумевает использование ИКТ как инструмента обучения, но не предполагает реального общения педагога и ученика. Федеральный закон об образовании также разделяет данные формы обучения: «электронное обучение» - это «...организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при

реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [8]. Однако в контексте наших размышлений данные нюансы не имеют повышенного значения, так как речь идет, главным образом, о необходимости и путях реализации подобной формы обучения в целях устойчивого развития российского общества. Введенный в Федеральный закон, этот пункт с одной стороны, может показаться лишь контекстуальной необходимостью - реформирование образования – абсолютизация западноевропейского опыта, и, соответственно, конкретных форм организации учебного процесса. С другой стороны, следует признать, что электронное обучение - это тренд, который должен привести содержательные и парадигмальные изменения в систему российского образования именно потому, что этого требует цифровизируемая социальная реальность [4, с.16-20]. Кроме того, такой вид обучения адекватно интегрируется в концепцию непрерывного образования («образования через всю жизнь»), популяризация и развитие которого также является на сегодняшний день одним из залогов устойчивого развития российской экономики, а также открывает горизонты для упрощения межрегионального взаимодействия и партнерства образовательных структур.

«Непрерывное образование - процесс роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение жизни, организационно обеспеченный системой государственных и общественных институтов и соответствующий потребностям личности и общества. Целью н.о. является становление и развитие личности как в периоды её физического и социально-психологического созревания, расцвета и стабилизации жизненных сил и способностей, так и в периоды старения организма, когда на первый план выдвигается задача компенсации утрачиваемых функций и возможностей» [1, с. 168].

На сегодняшний день, в условиях роста значимости знания, а также изменения его функций, в связи с глобализационными процессами и, ввиду, безусловно возрастающей роли ИКТ, вопрос о стратегии развития системы непрерывного образования в России обостряется. Ситуацию, сложившуюся сегодня, можно описать как ситуацию разрыва между требуемыми квалификациями и умениями, наличествующими знаниями с одной стороны, и «<...> ограниченными в любых «конечных» образовательных системах возможностями для овладения ими - с другой» [7, с. 332-333]. Это одна из главных проблем, стоящих на пути инновационного рывка российской экономики. Причина этой проблемы кроется в превалирующем долгое время «фрагментарном образовании», которое «ограничивалось тем возрастным барьером, до достижения которого человек считался способным к обучению» [5, с. 462]. Система непрерывного образования,

по мнению Мангейма, должна была стать лекарством от фрагментарности, заполнив этот разрыв. Электронное же обучение, как технологически оправданная в современном российском обществе форма передачи знания, может стать едва ли ни основным каналом реализации концепции «образования через всю жизнь».

Однако, на пути развития электронного обучения как канала реализации концепции непрерывного образования, и как новой формы обязательного, среднего и высшего образования, отвечающего требованиям общества знания, неизбежно возникают преграды.

Первая преграда – ожидаемое неравномерное распределение ВУЗов, реализующих электронное (и/или дистанционное) обучение в регионах страны, что создает дополнительное и, к сожалению, не единственное препятствие для развития электронного обучения в России. Сегодня на Западе такое обучение крайне популярно и начинает составлять конкуренцию традиционному университетскому образованию. Более того, в ведущих университетах Европы, как, например, в Оксфорде, предоставляется возможность пройти некоторые курсы дистанционно и совершенно бесплатно [9]. В России около 100 ВУЗов, где электронное обучение представлено дистанционными программами, предлагающими получить первое, второе высшее образования, окончить курсы повышения квалификации и переквалификации [2]. Около половины таких учебных заведений находятся в Москве - на начало 2019 года существует около 45 таких ВУЗов [3].

Вторая преграда - это собственно характер новых ИКТ, которые являются фундаментом для реализации электронного обучения. Поскольку такой процесс получения знаний имеет существенные для современного человека преимущества (доступность, самостоятельный выбор графика, удобство), оно позволяет не прерывать свое обучение буквально на протяжении всей жизни. Благоприятные социально-экономические условия для высокой социальной мобильности, необходимость соответствовать конъюнктуре, сегодня все чаще побуждают некоторых индивидов к «продолжающемуся», перманентному процессу познания и самосовершенствования. Кроме того, «правильно» приобретенное знание не просто приносит моральное удовлетворение, но, главным образом, имеет практический смысл, то есть – коммерческий результат. Человек работает, но при этом продолжает обучаться дистанционно чуть ли ни с любого информационного устройства в удобное ему время.

Однако в связи с тем, что сегодня наблюдается поливариативность способов организации учебного процесса фрагментарность в образовании, о котором мы упоминали ранее, не преодолевается, а скорее, наоборот, увеличивается. Хотя ИКТ обеспечивает человека свободой выбора и высокой способностью к трансформациям и изменениям, он скорее будет нацелен на получение знаний, руководствуясь материальными и практическими соображениями соответствия экономической среде, а не желанием «заполнить пробелы» школьного или университетского образования.

Кроме того, здесь возникает еще одна важная проблема, «оборотная сторона» – качественное содержание и наполнение этого «удаленного», электронного обучения. Условно можно выделить два канала реализации такого

обучения: вузы и организации типа учебных центров и курсов (как частные, так и государственные).

1. Говоря о вузах, стоит отметить, что в условиях современного информационного общества возникает реальный риск девальвации университетов, их главной функции – передачи знания. Образовательная система в «классическом» исполнении не должна полностью терять монополию на то, чтобы быть единственным источником и производства, и передачи знания. Подобная тенденция нарастает в виду вариабельности источников знания (Интернет, СМИ, тренинги и пр.) и снижения роли образовательного института, то есть происходит «наслаивание» неадекватной, часто противоречивой информации на недостаточно прочный базово-знаниевый фундамент. Поэтому для адекватной и эффективной реализации программ высшего образования посредством электронной (дистанционной) формы необходимо сформировать устойчивую нормативно-правовую базу, регламентирующую объем и содержание этих программ.

2. Учебные центры и организации, реализующие курсы саморазвития и различные обучающие тренинги в электронной форме позволяют, существенно экономя время, приобрести новые знания, умения, навыки. Однако часто такие организации своей «образовательной» деятельностью транслируют ложное, псевдо-знание, так как законодательно эта деятельность никак не регулируется. Такая ситуация порождает в общественном сознании подмену понятий, что, безусловно, необходимо учитывать.

Третья преграда на пути развития системы электронного обучения - это сама концепция отечественной системы образования, ее парадигмальная обусловленность. Последняя в свою очередь, в виду того, что система образования находится в перманентном состоянии реформирования, также трансформируется.

Главная проблема здесь заключается в том, что ввиду смены образовательной парадигмы, внедряемые новые информационные технологии, как правило, отторгаются традиционализмом и консерватизмом научно-педагогического сообщества. Кроме того, опыт последних десятилетий в области реформирования системы образования с трудом можно назвать успешным, что также снижает стремление к новшествам. Гораздо важнее вопрос о том, как преодолеть разрыв между стабильным по форме и содержанию, а также ограниченным возрастными рамками традиционным образованием и динамично развивающейся социально-экономической, общественной российской действительностью. Без изменения подхода к образованию это сделать невозможно. Единственный вариант преодоления этого разрыва – формирование концепции изменяющегося образования. «Трансформация существующего образования в непрерывное означает поворот от сциентизма к гуманизму, от школоцентризма и авторитаризма к единству образования и самообразования, к демократизму: от складирования информации и описательности к осмыслению связей и отношений действительности <...>, от эклектики к диалектике, к фундаментальности» [7, с. 332-333]. Только после парадигмальных сдвигов, можно будет рассуждать о принятии и развитии таких новых форм обучения, как электронное.

Для того чтобы электронное обучение как новая форма обязательного, среднего и высшего образования, и как канал реализации концепции непрерывного образования получила свое развитие в России и открыла горизонты для интенсификации межрегионального взаимодействия и партнерства образовательных структур необходимо: во-первых, сформировать общественное понимание, что образование – это перманентный, продолжающийся во времени процесс, а саморазвитие – это наиболее верный и быстрый путь к жизненному успеху; во-вторых, создать необходимые условия, то есть предпринять конкретные меры по созданию сетей образовательных учреждений, центров, использовать современные ИКТ, разработать систему мотиваций для незаинтересованных работников и работодателей и пр. А также законодательно ограничить возможность деятельности лже-образовательных курсов и тренингов. Установить контроль и регулировать их деятельность.

Использованные источники:

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 168.
2. Дистанционные ВУЗы России 2019. [Электронный ресурс] // Вузопедия. URL: <http://vuzopedia.ru/vuz?f=distantionnye&page=8> (Дата обращения: 12.02.2019 г.)
3. Дистанционное обучение в Москве 2019. [Электронный ресурс] // Mskvuz. URL: <https://mskvuz.com/distantionnye-vuzy> (Дата обращения: 12.02.2019 г.)
4. Жирина М.В. Трансформация образовательной парадигмы в условиях реформирования системы высшего образования в России // Alma Mater. Вестник высшей школы. – М.: ООО «ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ». – 2016. - № 9. – С.16-20.
5. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 462.
6. Осипов Г.В., Степашин С.В. Экономика и социология знания. М.: Наука, 2009. С.130-131.
7. Смирнов А.В. Концептуальные основы акмеологической стратегии развития системы непрерывного образования // Вестник ОГУ, 2011. № 2(121). С. 332-333.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) "Об образовании в Российской Федерации". Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (Дата обращения: 12.02.2019 г.)
9. University of Oxford. Online Courses. [Электронный ресурс] // University of Oxford. URL: https://www.conted.ox.ac.uk/about/online-courses?course_subject=Archaeology (Дата обращения: 12.02.2019 г.)

УДК 316.1

СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Котова И.Н., к.соц.н., доцент кафедры социологии
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

***Аннотация:** В статье обоснована актуальность социально-экологических исследований, показан междисциплинарный характер их предмета. Дана характеристика социально-экологической системы в рамках социологического подхода, предложен инструментарий для оценки ее состояния на основе множества разнообразных индикаторов.*

***Ключевые слова:** социально-экологические проблемы, социологический подход к исследованию социально-экологических феноменов, методология исследования социально-экологической системы.*

Актуальность темы статьи обусловлена возрастающим влиянием экологических факторов антропогенного происхождения на социальные процессы в современном обществе. В результате ухудшения экологической ситуации появляются специфические социально-экологические проблемы. Так, по результатам оценок рисков от загрязнения воды и воздуха выявлено, что «...экономические издержки для здоровья населения России, связанные с загрязнением воздуха и воды, составляют в среднем не менее 4–6% от ВВП» [5, с.19].

Реакция отдельных социальных групп на социально-экологические проблемы не является экологическим феноменом. Это социальная деятельность, которая реализуется в рамках определенных институциональных взаимодействий и является предметом специальных социально-экологических исследований. Такого рода исследования необходимы для понимания сущности и характера взаимосвязи экологической и социальной ситуации на различных уровнях. При этом главная задача социолога состоит в том, чтобы превратить «процесс разрешения экологического кризиса или проведения конкретных природоохранных мероприятий в эффективную социальную технологию» [1].

Многоаспектность изучаемых феноменов предопределяет междисциплинарный характер их исследования. Если экологи рассматривают общие проблемы взаимодействия общества и природы, то социологи изучают проблемы, принадлежащие «социальному полю». Экологические знания позволяют прогнозировать динамику изменений окружающей среды, а социологическая методология - выявлять социальные настроения и оценки, вызванные экологическими факторами.

Экосоциологи О.Н. Яницкий, Д. Маркович, И.А. Сосунова, Ж.Т. Тощенко, А. Стегний предлагают изучать социально-экологические феномены, используя мультипарадигмальные методы социологии.

Объектом конкретного социально-экологического исследования выступают сложно структурированные социальные общности, испытывающие прямое или опосредованное воздействие антропогенных экологических факторов. Предметом исследования являются различные аспекты социально-экологической ситуации, основными характеристиками которой служат степень социально-экологической напряженности, объективная острота экологических проблем, состояние общественного сознания по проблемам экологии.

В рамках конкретного социально-экологического исследования необходимо, во-первых, изучить процессы, отражающие изменения экологической обстановки, во-вторых, реакцию на эти изменения со стороны органов власти, деловых кругов и общественности; в-третьих, изменения в образе и качестве жизни населения, вызванные экологическими проблемами [2, с. 23].

Показатели экологического состояния конкретной территории относительно независимы от социокультурных процессов, но вместе с тем задают их внешние рамки. Это объективные данные, отражающие характеристики окружающей среды, источники экологических рисков, аварии и катастрофы техногенного характера.

Однако, реакцию в обществе порождает не экологическая проблема как таковая, а ее социальные последствия. Поэтому для социолога важно выявить социальную сущность экологических изменений: влияние последствий экологических рисков на социальные процессы; качество экологической политики и программ по ее реализации; организацию взаимодействия органов власти с бизнесом и общественностью по проблемам экологии; развитие экологического образования.

Составить представление о динамике экосоциального процесса позволяет изучение общественного мнения: общая оценка населением экологической ситуации; отношение к деятельности властных и хозяйственных структур по разрешению экологических проблем; действия людей, направленные на ликвидацию возникших угроз уровню и качеству жизни.

Инструментальная оценка осуществляется на основе множества разнообразных индикаторов. Поскольку объективные показатели экологического состояния и субъективные оценки в сфере общественного мнения отличаются качественной разнородностью, для проведения сопоставительного анализа их целесообразно унифицировать и свести к стандартной пятибалльной шкале. В этом случае социально-экологическую систему можно описать в рамках методик социологического исследования.

И.А. Сосунова предлагает методологию исследования социально-экологической системы, определив ее основные компоненты: социальную общность (население), объекты природной среды (воздух, вода, почва, леса и др.) и источники воздействия на окружающую среду (различные хозяйствующие субъекты) [4, с. 149-168].

Исследование первой подсистемы предполагает характеристику социальных групп по виду занятости и по общим данным. Характеристика второй подсистемы включает перечень показателей состояния объектов природной среды. Для анализа третьей подсистемы целесообразно объединение хозяйствующих субъектов, оказывающих воздействие на природную среду, в условные группы по степени локализации.

Связи между подсистемами описываются в виде таблиц, где показатели отражают соответствие отдельных групп населения потребляемым ими природным ресурсам; степень воздействия каждого субъекта на каждый объект природной среды; возможные виды деятельности общества по отношению к субъектам влияния на природную среду: действующее природоохранное законодательство; экономические санкции; нормативные акты; влияние средств массовой информации, политических партий и общественных организаций.

В рамках исследования используются корректные процедуры обобщения и обработки статистических данных, результатов социологических опросов.

Данный подход позволяет избегать субъективных решений об относительной важности различных аспектов социально-экологической системы. Кроме того, его важным преимуществом является возможность использования индикаторов в виде набора для мониторингов по социально-экологической проблематике:

- мониторинга окружающей среды, включающего показатели экологического состояния конкретной территории;
- социально-экологического мониторинга, позволяющего выявить экологические факторы, способствующие возникновению рисков и, как следствие, изменениям в образе и качестве жизни населения;
- социологического мониторинга общественного мнения, содержащего показатели социокультурных установок и взглядов, общего социального самочувствия [3, с. 99].

С методологической точки зрения особый интерес для экосоциолога представляют интегральные показатели, основанные на методологии, которая связывает результаты опросов общественного мнения и статистические данные, отражающие состояние окружающей среды.

В России разработана и апробирована методика расчета интегрального показателя - индекса социально-экологической напряженности [4, с. 107]. В ее основе лежит принцип одновременного учета антропогенной нагрузки на конкретную территорию и состояния общественного сознания по экологическим проблемам. Индекс социально-экологической напряженности рассчитывается по формуле:

$I_{эн} = (P_u + P_{пгн} + P_a + P_v + P_{п} + P_{он})/6$, где представлены обобщенные показатели:

- P_u – урбанизации,
- $P_{пгн}$ – плотности городского населения,
- P_a – загрязнения атмосферы,
- P_v – загрязнения вод,

Пп – загрязнения почв,

Пон – обеспокоенности населения экологической ситуацией.

В целях нормирования величин все обобщенные показатели и результирующий индекс социально-экологической напряженности измеряются по пятибалльным шкалам в пределах от 1 – «условно нормальное состояние» до 5 – «критическое состояние». Обеспокоенность населения определяется долей респондентов, сообщивших при опросе о своей крайней обеспокоенности или неудовлетворенности экологической ситуацией в регионе.

Полученное в результате исследования значение индекса социально-экологической напряженности выступает индикатором актуализации социально-экологических процессов для конкретной территории и может быть использовано в целях социального управления и прогнозирования.

Таким образом, социально-экологические исследования дают научное обоснование согласования отношений между обществом и природой, необходимое при выборе приоритетов государственной экологической политики.

В то же время научно корректное изучение качественно новых социально-экологических проблем требует дальнейшего развития методологии. Актуальны методики агрегирования разноплановых показателей в комплексный индикатор. Существуют проблемы сбора и анализа статистических показателей, для решения которых требуется совершенствование существующих систем статистического учета; внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в данной сфере; техническое обеспечение социологических исследований.

Важно расширить информационную основу для разработки индикаторов социально-экологической системы, включив ведомственную информацию, региональную информацию, полученную на базе социологических опросов населения, различные методические разработки и научные публикации.

Для дальнейшего развития экосоциального знания необходимо установить взаимопонимание и практическое взаимодействие между специалистами различных отраслей естественных и гуманитарных наук. Предмет социально-экологического исследования всегда междисциплинарен, поскольку его объектом являются сложносоставные разнокачественные системы.

Новые системы измерения актуальны для разных уровней: глобального, регионального, национального, локального, отраслевого, для отдельных населенных пунктов, предприятий. При этом востребованность методик социально-экологических исследований можно считать своеобразным индикатором зрелости любого сообщества от местного до мирового, их реальной готовности к поиску путей выхода из экологического кризиса.

Использованные источники:

- 1 Алексеев С.М., Сосунова И.А., Борискин Д.А. Экология, экономика, социум: состояние, тенденции, перспективы. М.: НИИ-Природа, РЭФИА, 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://window.edu.ru/resource/489/70489/files/priroda06.pdf> (дата обращения 10.02.2019).

- 2 Котова И.Н. «Экологическая культура как фактор устойчивого развития местного сообщества в условиях современной России (социологический анализ)»: Автореф. дис. канд. соц. наук.). М.: РАГС, 2008. С.23 – 24.
- 3 Котова И.Н. Экологическая социология: учебное пособие. Одинцово: АНОО ВО ОГУ, 2014. С. 99 - 111.
- 4 Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. М.: МНЭПУ, 2010. С.107 – 112, 149 – 168).
- 5 Эколого-экономический индекс регионов РФ. С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. С.19. [Электронный ресурс] URL: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения 10.02.2019).

УДК 316.7

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИИ

Кошель И.Ю., аспирант

ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», технологический факультет, г. Керчь, Россия

Аннотация. Для осмысления современного состояния процессов миграции в статье использован социокультурный подход, на основании которого социальные перемещения рассматриваются в аспекте конструирования социальной реальности. Утверждается вызванное миграционными процессами изменение социокультурной картины мира. Акцентируются проблемы культурной глокализации, поликультурного разнообразия и ценностно-нормативных представлений акторов миграционного процесса. Рассмотрены особенности культурных моделей миграции: «исхода», «бегства», «эмансипации», «освоения», «возвращения».

Ключевые слова: миграционные процессы, культурная глокализация, поликультурное разнообразие, ценности, нормы, модели миграции.

Миграционные процессы вот уже более века находятся в поле внимания ученых⁹, но с течением времени и социальных пертурбаций, изменением поликультурной картины мира, усложнением процессов глобализации, внимание к ним лишь усиливается. И, поскольку «характер миграций со временем меняется», то «трансформируется и наука, занимающаяся их анализом» [1, с.33]. В отечественной и зарубежной мысли востребованным становится социокультурный подход, с опорой на который «исследование миграции из разговора о территориальной мобильности превращается в исследование проблем конструирования новой социальной реальности» [2, с. 145].

Социальные перемещения в конкретную эпоху в любой стране мира играют, безусловно, огромную социально-экономическую и политическую роль. Однако на нынешнем этапе развития социума, когда миграционные течения превратились в мощные поликультурные потоки, наиболее значительную роль в формировании социальной культуры современности играет культурная специфика миграции, поскольку изменяет социальную структуру обществ, её этнический состав, религиозное доминирование, качественный состав граждан страны, и, в целом, задаёт тенденцию развития конкретного общества.

⁹ См.: Кауфман А.А. Переселение и колонизация СПб., 1905; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003; **Castles, Stephen, de Haas, Hein, Miller, Mark J.** The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, Guilford Publ, 2014; Долгов А.А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - №2. – 2015 и др.

В целом, «миграцию можно рассматривать как чувствительный показатель явных и скрытых общественных процессов, как мониторинг реальных и потенциальных явлений, как чувствительную основу для прогнозирования динамики общества, как результат чего-то неизмеримо большего, чем поиск материального ресурса. Миграция... выступает как предпосылка множества других процессов...» [3].

Сегодня, в виду необходимости приспособления к новым миграционным условиям, меняются привычные практики жизни людей. Целые регионы испытывают «опыты общественных переживаний миграционных ситуаций, позволяющих дифференцировать потоки социальных и культурных событий в актуальные контексты современности» [4, с. 497].

В рамках обозначенных общественных переживаний возникает ряд проблем, касающихся социально-культурных сред, одна из которых - возможно ли экономико-социальное развитие без массовых миграций? Превалирующей точкой зрения является та, согласно которой препятствовать миграции невозможно. Исходя из того, что «социально-культурная среда представляет собой социально-территориальную общность», которая «раскрывает особенности функционирования культуры различных групп населения» [5, с.81], как следствие становится вопрос о возможности/необходимости противодействия массовой миграции для защиты прежних социальных укладов.

Однако в связи с миграцией возникают и новые социальные проблемы - формируется возможность усиления культурной глокализации, которая выражается в сосуществовании разнонаправленных тенденций. Так, с одной стороны в «эпоху миграции»¹⁰ исчезают национальные и региональные культурные отличия, происходит слияние и унификация этнокультурной специфики, с другой - формируется локальное своеобразие норм и ценностей конкретной культурной традиции.

Проблемой также стало и поликультурное разнообразие, обусловленное процессами миграции, которое формирует поляризацию социокультурного пространства. Так, в крупных центрах развиваются мультикультурные среды, в то время как на перифериях формируются монокультурные среды.

С нашей точки зрения, целесообразно также рассматривать культурное влияние миграции и в аспекте привносимых ценностно-нормативных представлений о самой миграции, свойственных его участникам. В миграционных потоках необходимо изучать различные модели культуры миграции как особого социального действия, присущего актёрам на личностном уровне. Эти модели социального перемещения определяют поведение мигранта и влияют на социокультурную среду общества, в которое он прибывает.

Сюда можно отнести культурные модели миграции, задаваемые центрами культурного влияния на мигрантов на всех стадиях социальных переселений – связанные с религиозными, политическими, экономическими институтами,

¹⁰ Понятие закрепилось в научном обиходе после выхода книги: **Castles, Stephen** The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World, Palgrave Macmillan, 1993.

культурными кодами повседневных укладов жизни. К ним можно отнести культурные модели миграции как «исхода», «бегства», «эмансипации», «освоения», «возвращения». Эти модели предполагают обращение к общим социокультурным ориентациям и внутренним субъективным целям миграции (самореализации, витальные, социально-психологические).

С целью постановки такого подхода рассмотрим некоторые особенности указанных выше культурных моделей миграции.

1. Культурная модель «исхода» представляет собой комплекс ценностных представлений, опирающихся на эсхатологическую картину мира. Индивиды-носители такой модели рассматривают свою миграцию как составляющую спасения собственной группы, народа или нации из-под власти неблагоприятных исторических обстоятельств. Это могут быть обстоятельства, связанные с реальным положением представителей этнической группы, к которым принадлежит индивид в конкретном обществе. В то же время это может быть воображаемое, созданное в результате информационной манипуляции и распространенное в среде мигрантов, представление. Реальность или воображаемость этих обстоятельств не имеют никакого значения с точки зрения социального поведения мигранта, как в процессе миграции, так и в социокультурном пространстве, где он начинает жить. Такого рода культурная парадигма ориентирует на стремление добиваться признания обществом особого статуса мигранта как представителя этнической группы, делает его чувствительным к позитивным проявлениям относительно страны, откуда он прибыл или присущим ему этническим признакам.

2. Культурная модель «бегства» формируется в процессе развития социального конфликта, являясь его составляющей или фазой. Она несёт в себе отпечаток этого конфликта, как бы перенося его в новую социокультурную среду. Эта модель содержит своеобразный структурный код, делающий мигранта чувствительным ко всему, что имеет отношение к состоявшемуся или потенциальному конфликту. Кроме того, эта модель может ориентировать на продолжение конфликта, но уже с позиций мигранта – поддержку тех или иных сил, консолидацию по этому признаку в стране нахождения с людьми, которые имеют отношение к конфликту. В то же время эта культурная модель может ориентировать и на полное отчуждение от своей «прежней» жизни, на глубокое освоение ценностей, норм и правил жизни нового общества. В этом случае индивид будет склонен стремиться максимально дистанцироваться не только от макро-, но и от микро- сообществ.

3. Модель «эмансипации» ориентирует индивида на восприятие новой социальной среды с точки зрения её возможностей в реализации тех ценностно-нормативных качеств, которые не могли быть реализованы в том обществе, откуда он мигрирует. Эта модель делает индивида чувствительным к социокультурным особенностям и механизмам социального контроля новой жизненной среды. В то же время эта модель ориентирует его на самореализацию в рамках тех возможностей, которые ему предоставляет страна-реципиент.

4. Модель «освоения» ориентирует индивида на такое отношение к новой социокультурной среде, при котором он воспринимает её как ресурс для реализации собственных жизненных притязаний на лидерство. Индивид, ориентированный в рамках такой модели, будет стремиться к реализации собственных социокультурных представлений, рассматривать новую жизненную среду как не имеющую собственного ценностного значения.

5. Модель «возвращения» может быть связана с миграцией индивида в среду, где исторически жили его предки – народ, к которому он принадлежит, его семья или он сам. Такая ориентация может нацеливать индивида и на стремление осуществить имущественную реституцию и на стремление восстановить историческую память, восстановить историческую справедливость в его собственном понимании. В то же время такая модель может ориентировать и на стремление реализовать освоенный в других средах опыт, знания, для развития общества, которое этот индивид считает своей исторической Родиной.

В заключение подчеркнём, что каждая из этих гипотетических моделей может реализовываться в различных модусах социального действия индивида. Описанные модели могут рассматриваться как идеальные типы, отражающие свойства, образующие живую комбинацию в структуре той или иной личности. Исследуя типичные комбинации можно описывать реально существующие групповые признаки мигрантов по их социокультурным ориентациям, устанавливать характер и потенциалы их социокультурного влияния на принимающее их общество. В дальнейших изысканиях представляется возможным развитие этой гипотезы в теоретическую модель, выработка инструментария с проведением его верификации, на основании чего может быть организовано конкретно-социологическое исследование.

Использованные источники:

1. Долгов А.А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке / А.А. Долгов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – №2. – 2015, С.29-35.
2. Хот З.З., Чистякова О.А. Возможности социокультурного подхода к исследованию миграционных процессов / З.З. Хот, О.А. Чистякова // Вестник АГУ. – №3 (199) . – 2017, С.139-146
3. Дмитриев А.В. Территориальная миграция: философский и конфликтологический аспекты / Дмитриев А.В. // – [Электронный ресурс].– URL: <https://texts.news/ethnosotsiologiya-istoriya/territorialnaya-migratsiya-filosofskiy-44871.html> (Дата обращения 07.02.2019)
4. Куропятник А.И. Идентичность и культура в контекстах иммиграции / А.И. Куропятник // Вестник РУДН. Серия: Социология, том 16. – №3. – 2016, С.496-510
5. Победа Н.А. Социология культуры / Н.А. Победа. – Одесса: Астропринт, 1997.

УДК 008:316

МЕДИЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ КОНТРАКУЛЬТУРЫ 1980-1990-Х ГОДОВ

Кузнецов А.В., старший преподаватель, Тимкина О.А., аспирант
Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье анализируются неформальные практики выстраивания региональной идентичности, которые опираются на осознание принадлежности к местному сообществу через его отрицание. Цифровая коммуникация помогает легитимировать контркультурные идеи, постепенно создавая из них территориальный бренд или архетип.

По мнению тюменского философа В.Г. Богомякова, географическое пространство принадлежит людям и выступает для них в качестве «географии ума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), задающей символические модели [3, с. 216]. Поэтому в условиях тотальности цифровой среды региональная идентичность начинает выстраиваться не только на принадлежности к географическому локалитету, но и к геокультурному мифу. Формирующие его архетипы выходят за рамки традиционных для нашего общества символов или культурных кодов, следовательно, их чаще можно найти в проявлениях творческой активности неформального характера. Зачастую подобное творчество носит контркультурный характер и генерируется в сетевой среде, как демонстрация свойственной молодежи протестной активности. Неформальными героями становятся люди, выделяющиеся из общей массы, в том числе, через неприятие действительности или нежелание смириться с принятыми обществом стандартами поведения.

Иконами медийной среды постепенно становятся персоны, которые еще недавно являлись токсичными для официального культурного дискурса. Примерами таких прорывов можно назвать инициативу присвоить аэропорту города Омска имя Егора Летова, а также предложение назвать Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета именем его выпускника, поэта Мирослава Немирова. Обе эти фигуры считаются генераторами идей, породивших такое явление как Западно-Сибирская контркультура 1980-1990-х годов, наиболее известным проявлением которой было музыкальное течение «сибирский панк». Радикализм взглядов и использование инвектив в творчестве в свое время вывело их за рамки культурного мейнстрима, поэтому обсуждение гипотетической перспективы легитимировать этих авторов указывает на изменения в общественном сознании.

Несмотря на достаточно широкую известность «сибирского панка» в нашей стране и за рубежом, многими жителями провинции контркультурное творчество ощущается как вторичное. Пренебрежительность к творчеству местных

исполнителей происходит из ментальной установки, что провинциальная жизнь неинтересна по определению, ведь все заслуживающее внимания происходит в столицах. Зачастую для жителей Сибири становится откровением, что эта территория воспринимается представителями столичной интеллигенции как «место силы», в том числе, благодаря контркультурному творчеству. На практике это помогает идентифицировать себя, как представителя *heroes civitatem* (сообщество героев) и тем самым осознать свою региональную идентичность.

Следует отметить, что, хотя активная фаза Западно-Сибирской контркультуры завершилась на рубеже XXI века, здесь продолжает существовать традиция противопоставления себя доминирующей в регионе и стране культуре. Одним из примеров парадоксального обозначения принадлежности к региональному локусу может служить, издаваемый при поддержке Тюменского государственного университета журнал «Тюменский рептилоид» [11]. Еще одной попыткой найти специфическое место в региональном контексте можно назвать тюменскую группу «Разбудите Ленина», обыгрывающую в своем названии исторический факт сохранения в Тюмени во время Великой отечественной войны тела В.И. Ленина [9].

Поиск региональной идентичности, в том числе через шокирующие или циничные образы, тесно связан с геопоэтикой, которая «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)» [2, с. 143]. В данном случае способом «освоения», понимания той или иной территории становятся литература, текст, а также слово, которое может бытовать и в устной традиции. В качестве примера можно привести создаваемый литературными приемами миф о Тюмени, которая в контексте настоящего исследования метонимически замещает Сибирь.

Формирование мифа и представлений о городе, который традиционно воспринимается как «первый русский город в Сибири», происходило на стыке географических и нравоописательных текстов. В программном произведении Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1892) сибирский пейзаж не имеет твердых очертаний и представлен бесформенным. Здесь ««оттаивающая земля покрывается тундрой и топкими болотами <...> весенние разливы вод сливаются с этими болотами и превращают целые пространства на сотни верст в сплошные моря» [15, с. 68]. Болотистая почва, рыхлость и топкость являются постоянными качествами визуального образа сибирского пространства в целом и Тюмени, как части этого целого.

В отличие от Санкт-Петербурга, также построенного на болоте, но имеющего символический образ «гранитного города», Тюмень выглядит мягкой и податливой. «Порой кажется, что она сама устремляется в бездну, не довольствуется положением «на краю», а пробует примерить, каково это – жить между небом и землей, не на дне, а без всякого дна, на мягкой, уходящей из-под ног почве» [10, с. 93]. Болотистая почва – это и характерная метафора постоянной миграции в социальной и нравственной жизни русской Сибири, отсутствия опоры на многовековую традицию.

Тюмень до сих пор называют «воротами в Сибирь», следовательно, этот бренд несет в себе концепт «границы пространств» [12, с. 74; 3, с. 27]. Однако совершив подобный переход в поисках свободной территории, отечественные аргонавты рисковали навечно погрузиться в реальную трясику. Эта гипотетическая перспектива подтверждается полулегендарной историей о лошади тюменского лавочника Андрея Березникова, которая в апреле 1826 г. утонула в грязи на главной улице города. Негативную мифологию Тюмени дополняет заметка в местной газете «Ермак» (1915), в которой сообщается, что К.Д. Бальмонт, возвратившись из Сибири в Петроград жалуется, что «в Тюмени коровы съели на афишных столбах все анонсы о приезде поэта, так как анонсы были наклеены клейстером из муки и представляли живой интерес животных» [5].

В то же время, сибиряки не стесняются свое провинциальности, а осознают ее как часть региональной идентичности. Так, А.П. Чехов в путевом очерке замечает «местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: “А не выпить ли нам водки?”» [13, с. 294-295]. Можно проследить определенную преемственность, так как неформальное творчество Западно-Сибирских авторов 1980-1990-х годов описывает пьянство как героический поиск истины или вызов опасной стихии. В данном случае житнетворчество превращается в мифотворчество, порождая саги, элегии и трагедии о зеленом змие, который, в зависимости от контекста, представлен то в виде друга или помощника, то в качестве искусителя или inferнальной силы.

При этом М.М. Пришвин, открывая для себя новую землю, в книге о путешествии в Азию напишет: «Сибирь – богатейшая страна. Сибирь – необъятное пространство. Сибирь – золотое дно, страна обетованная. <...> Беда тому, кто придет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто, у нас – двадцать, у них – двести и так далее» [7, с. 705; с. 713]. «В Сибири все можно», – говорит Иван Астахов, герой романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» [8, с. 105].

Являясь негласной нефтегазовой столицей России, город Тюмень сегодня позиционирует себя, как «Лучший город Земли», однако для местной интеллигенции это по-прежнему «провинция» [16, с. 151]. Важно отметить, что именно контркультурное движение подняло традиционные для региона недостатки «на щит» и буквально сделала своим гербом «тюменскую грязь». Речь здесь идет не только о физической или природной грязи, но и о грязи «ментальной», которая проявляется в бытующих здесь нравах. Это отражено в текстах песен и стихах сибирских панков (Мирослав Немиров, Роман Неумоев, Дмитрий Колоколов, Евгений Кокорин), в названиях произведений самиздата (журналы «Чернозём», «Сибирская язва», «Темень») и т.д.

Таким образом, мотив «почвы и судьбы» занимает одну из ключевых позиций в произведениях Западно-Сибирской контркультуры 1980-1990-х годов, а метафизическое болото становится частью неформального дискурса.

Контркультурных авторов всегда отличало амбивалентное, а зачастую и декларативно отрицательное отношение к месту своего проживания. Агрессивность лирического героя произведений «сибирского панка» становилась для него возможностью сохранить себя в советском и постсоветском обществе, поощряющем серость и неприязненно относящимся к любым проявлениям индивидуальности.

У действовавших тогда в Новосибирске, Омске и Тюмени неформальных культуртрегеров выделяются две противоположные тенденции к окружающей действительности: с одной стороны, это ее неприятие в духе чеховских героев и уверенность, что где-то жизнь бьет ключом. Суть второй тенденции – если тебе хочется праздника, делай его самостоятельно здесь и сейчас, не оправдывая свое бездействие внешними обстоятельствами. Именно она легла в основу технологии создания социокультурного мифа о Тюмени, как «столице сибирского панка». Его проводником был поэт Мирослав Немиров, который в «Большой тюменской энциклопедии» систематизировал историю повседневности богемной среды. Для него город, чаще всего, «неофициальное культурное пространство, в котором проживают неординарные люди» [6].

Запрос на отрицательных героев, в противовес неправдоподобно слащавым образам официальной пропаганды, рождало само время. Предчувствие неизбежных перемен заставляло самых совестливых стыдиться «быть хорошими» и звало на эстетические «баррикады». Кроме того, многие из участников контркультурного движения были приезжими из других городов Советского Союза, во многом более развитых цивилизационно. Такой была и продолжает оставаться особенность освоения Сибири, которая в перспективе может и должна стать не только источником природных ресурсов. Напомним, что О. Шпенглер назвал «русско-сибирской» культуру, которая должна прийти на смену западноевропейской цивилизации. [14, с.33-34]

Возможность открытого самовыражения, не стесненного цензурными или форматными ограничениями, оказалась настолько привлекательной, что, зародившись в 1980-х гг., контркультурная традиция жива и поныне. Более того, медийный потенциал Западно-Сибирской контркультуры постепенно нарастает, ее образы и ключевые идеи сегодня становятся источником вдохновения для создателей мемов – актуальной информационной единицы. Примером может служить созданная представителями Тюмени и Омска публичная страница «Абстрактные мемы для элиты всех сортов» [1]. Среди мемов основанных на высказываниях Платона, Канта, Льва Толстого и других титанов мысли, вполне адекватно выглядят сюжеты с лидерами «сибирского панка» Егором Летовым, Романом Неумоевым, Янкой Дягилевой и другими. Творчество представителей контркультуры, при всей резкости высказываемых ими оценок нашей малой и большой родине, может пробудить многих от летаргического сна прекраснотуши и убежденности в собственной непогрешимости.

Использованные источники:

1. «Абстрактные мемы для элиты всех сортов». [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/abstract_memes Дата обращения 18.04.2019

2. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география. Урал в геоэтике России // Вестник Пермского университета. Серия «История», 2012. Вып. 2 (19). С. 143-151.
3. Байбуурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 224
4. Богомяков В.Г. Сакрализация современного геопро странственного дискурса. Филологический дискурс: Вестник Института филологии и журналистики ТюмГУ. Вып. 11. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2013. 216 с.
5. «Ермак», газета. 1915. № 585-586.
6. Лазарева Т.С. Литературные стратегии современных писателей (В. Строгальщиков, М. Немиров): Автореф. дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
7. Пришвин М.М. Заворошка // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 1. Произведения 1906–1914 годов. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 705, 713.
8. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 2. Произведения 1914–1923 годов. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 105.
9. «Разбудите Ленина». [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/wulenband> Дата обращения 18.04.2019
10. Рогачева, Н.А. «Грязь – герб Тюмени» // Тюмень: образ, душа, судьба. – Тюмень: ФГУ издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2004. – С. 93.
11. «Тюменский рептилоид». [Электронный ресурс] // URL: <https://vk.com/tmnreptiloid> Дата обращения 18.04.2019
12. Цивьян, Т.В. «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам 10. – Тарту: ТГУ, 1978. – С. 65-85.
13. Чехов, А.П. Из Сибири // Собрание сочинений в 12 т. – Т. 11. – М.: Правда. 1950. – С. 294–295.
14. Шпенглер, О. Причинность и судьба. Закат Европы, т. I. ч. 1. Пб., 1923, с. 33 - 34.
15. Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – СПб: Издание С. М. Сибирякова, – 1892. – С. 68.
16. Clowes, Edith W. Branding Tiumen': Official Image and Local Initiatives / Edith W. Clowes // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia – 2016. – 5(2) – P. 151.

УДК 323(292. 471)+343.518.5

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА:
СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В
УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА**

Кузьмин П. В., профессор

Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского, философский факультет, кафедра политических наук и международных отношений

Проблема ответственности политика вытекает из целей и содержания политической деятельности. Поэтому, прежде чем перейти к раскрытию ответственности как принципа деятельности политика, сделаем некоторые замечания, касающиеся сущности, целей и особенностей данного вида деятельности.

Под политической деятельностью автор понимает специфический вид человеческой деятельности, основывающийся на использовании политической власти и направленный на регулирование и согласование социальных интересов и отношений, самосохранение и развитие общества как целостной системы [3, с.136]. Сущностью политической деятельности являются целенаправленные политические действия ее субъектов по социальному конструированию и управлению общественными отношениями, по артикуляции и агрегированию групповых интересов в целях развития общественной системы и сохранения ее целостности. Предназначение политической деятельности – создание благоприятных условий для оптимального саморазвития, самодвижения общественных отношений, реализация потребностей социума в поддержании его жизнедеятельности, обеспечение защиты общества от возможных неблагоприятных внутренних и внешних воздействий.

К сожалению, и сегодня, в первые десятилетия XXI века, политическая деятельность нередко сводится преимущественно к борьбе за власть. Несомненно, обладание политической властью является необходимым условием политической деятельности. В то же время, перманентная борьба за власть, как свидетельствует историческая и современная практика, может существенно снижать общественную эффективность политической деятельности. В этом мы убеждаемся, анализируя развитие некоторых постсоветских государств, а также развитие государств в других регионах мира.

Рассматривая политическую деятельность, целесообразно учитывать особенности последней. Речь идет в первую очередь о следующих особенностях: инновационность (способность политики постоянно продуцировать новые идеи, применять оптимальные технологии деятельности; сопряженность с риском (трудность выбора решений в ситуации дефицита времени, информации, политического опыта, вероятность их нежелательных последствий для общества, региона, отдельных социальных групп и слоев); непоправимость ошибок,

допущенных политиком (политическая деятельность относится к виду деятельности, где ошибки, просчеты непоправимы; ошибочная политика, по верному замечанию В. В. Ильина, «продуцирует катастрофы выпадения из социальности, экзистенциальные фрустрации, персональные драмы»); недопустимость эксперимента (политик не может и не имеет права осуществлять опыты на народе).

Ответственность как принцип политической деятельности универсален, он объективно востребован во все исторические эпохи. Об этом свидетельствует обращение к проблеме ответственности политика известных ученых. Так, английский философ-просветитель Дж. Локк еще в XVII веке писал, что общество, не заботящееся об ответственности власти перед собой, уподобилось бы глупому крестьянину, который защищает свое хозяйство от хорьков, зайцев и лис, забывая о волках и грабителях, будто ему доставляет удовольствие лишиться всего от последних [4, с. 315].

М. Вебер относил чувство ответственности («главная путеводная звезда»), наряду со страстью (полная самоотдача делу) и глазомером (способность адекватно отображать реальность), решающими качествами политика. М. Вебер подчеркивал, что «... честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить с себя, он не может и не имеет права [1, с. 690].

Аналогичную позицию, хотя и в иную историческую эпоху, высказывал известный исследователь И. Ильин. Анализируя такие фундаментальные понятия, как любовь к отечеству и чувство собственного достоинства (чести), он выделяет и понятие ответственности, подчеркивая, что эти понятия в совокупности служат спасению, возрождению и возвеличиванию страны, ответственность – основа активности, целеустремленности, творчества. Он писал: «Нет ничего более жалкого, как бессовестный и безответственный политик: это человек, который желает фигурировать, но не желает отдаться целиком своему призванию; - который в своей деятельности всегда не на высоте; - который не имеет права расплачиваться своей земной личностью; - который бежит от своей собственной тени. Это трус по призванию, который не может иметь политического успеха» [2, с.362].

Вхождение крымского общества в состав Российской Федерации, новизна и сложность решаемых при этом задач, острая потребность повышения качества принимаемых политико-управленческих решений обуславливают необходимость теоретического осмысления ответственности как принципа политической деятельности и реализации его на практике.

Ответственность является сложной и многофакторной социально-экономической, политической, правовой и этической категорией. В самом общем плане ее можно определить как способность субъекта выполнять возложенные на него требования, осуществлять задачи, достигая при этом общественно или лично значимого результата.

Значение ответственности в политической деятельности заключается, в первую очередь, в том, что здесь недопустимы ошибки, просчеты, дилетантизм. Об

этом образно говорится в притче. Правитель после заседания государственного совета роняет дорогую вазу, которая вдребезги разбивается. Реагируя на недоумение публики, поясняет: «Напоминаю о непоправимости».

Благодаря реализации принципа ответственности обеспечивается устойчивость и эффективность функционирования политической системы, своевременное и цивилизованное разрешение общественных противоречий, предотвращение коррупции, достигается доверие гражданского общества к власти. Напротив, безответственная политическая деятельность не имеет позитивного общественного эффекта, является одной из главных причин расстройств общественной системы, не выполнения, стоящих перед ней задач.

Ответственность представляет собой единство объективного и субъективного. Объективное – это совокупность обусловленных общественной средой и потребностями общества социальных функций (ролей) индивида, детерминирующих его ответственность в рамках этих функций. Объективное выступает в форме должного, общественно необходимого, в виде социальных требований, обязанностей, оформленных в правовых, политических, нравственных нормах и правилах. Оно существует независимо от того, признает их индивид или нет.

Ответственность в сфере политической деятельности – многогранное явление. Оно может рассматриваться как институт, регулирующий социально-экономические, политические, духовно-идеологические отношения; как характерная черта деятельности институтов политической власти; как качество личности политика; как принцип деятельности политической элиты, лидеров, других субъектов политической деятельности.

Из понимания ответственности как единства объективного и субъективного вытекает, что ответственность как принцип деятельности политика – это, во-первых, система социальных требований к формированию и реализации политики, во-вторых, соответствие нравственно-политических, деловых качеств и деятельности политика условиям и задачам, вставших перед страной (регионом, областью, районом, городом), которые проявляются в его способности осознавать и выражать жизненно важные интересы социальных групп и слоев, вырабатывать рациональную политику, принимать оптимальные решения, осуществлять их с максимальной пользой для общего блага.

Содержание данного принципа включает следующие компоненты: комплекс политико-юридических и нравственных норм, требований, предъявляемых к политику и его деятельности; совокупность мер государственных и общественно-гражданских институтов, направленных на предупреждение и своевременное устранение безответственности, произвола и беззакония в деятельности политика; систему развития у политика духовно-нравственных мотивов, стимулов к добросовестному выполнению общественного (государственного) долга; обязанность и способность качественно выполнять возложенные на него функции, предвидеть результаты своей деятельности; саму ответственную деятельность субъектов власти и политики [5, с. 64].

Исследование ответственности как принципа деятельности политика предполагает анализ условий реализации данного принципа. Под условиями автор понимает совокупность обстоятельств, необходимых для возникновения явления. Условия определяют конкретную внешнюю форму, среду возникновения ответственности (безответственности). Условия более разнообразны и изменчивы, чем причины. Последние представляют собой явления, непосредственно обуславливающие и порождающие другие явления. Смена условий может предупредить безответственность политика, но не может существенно изменить его характер.

Целесообразно рассматривать объективные и субъективные условия.

Среди объективных условий следует в первую очередь тип политической системы и политического режима общества.

Субъективные условия связаны с сознанием политика, его личностными, деловыми, нравственными качествами.

Не принося значение других компонентов, слагаемых внутренних условий ответственности политика, автор полагает, что стержневое положение среди них должны занимать такие нравственные качества, как пассионарность, совесть.

Пассионарность – это способность человека или определенной группы людей подчинить собственную жизнь и деятельность достижению идеальных (даже если они иллюзорны) целей, часто пренебрегая удовлетворением материальных нужд. Люди с высоким уровнем пассионарности, как правило сплачиваются вокруг новой социальной идеи, имеющей для них самодостаточное значение, а не служащей средством обеспечения материальных потребностей. Пассионарность позволяет политику «услышать» и понять общественные потребности, устремления своего народа к изменениям и использовать этот порыв в интересах большинства общества. Пассионарность требует от политиков настоящего таланта и любви к собственному народу.

Регулятором ответственного поведения политика служит также совесть. Совесть помогает правильно выбрать цели деятельности и оценить сделанное.

Реализация принципа ответственности зависит также от уровня профессионализма политика. Профессионализм политика складывается одновременно из специальных знаний, умений и навыков, из оптимального проявления личностных качеств политика, в том числе нравственных.

Социальная роль политиков требует от последних высокой аналитичности ума; политической культуры; компетентности; государственного подхода к делу; твердости принципов и убеждений при способности к восприятию альтернатив, к поиску нового; способности подняться выше личных интересов, амбиций отдельных групп и объединений; воли, целеустремленности, настойчивости; политического предвидения. Неподготовленность к политической деятельности, дилетантское отношение к ней не позволяет достичь выдвигаемых политических целей и задач, создает преграды на пути прогрессивного развития общества, формирует и реализует неэффективную, безответственную политику.

Используемые источники

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия /Избранные произведения. – М., 1990. – С. 644 – 706.
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М., 1993.
3. Кузьмин П. В. Политическая деятельность: теория и практика в современной Украине. Монография. – Симферополь, 2007.
4. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. – М., 1988. – Т.3.
5. Серебрянников В. В. Ответственность как принцип политики// Социально-политический журнал. – 1988. – № 4. – с. 63 – 71.

УДК 316.3

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ: МАСШТАБЫ И СЛЕДСТВИЯ

Куконков П.И, к.социол.н., профессор
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Приволжский филиал, г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация: в статье на основании статистических данных, экспертных оценок анализируются масштабы межрегиональных неравенств в России, обосновывается вывод о том, что межрегиональные неравенства, представляющие собой самовоспроизводящуюся систему, воспроизводят риски дестабилизации и нарастания центробежных тенденций.

Осложнение социально-экономической ситуации в России сопровождается углублением межрегиональных неравенств. Мы разделяем подход, в соответствии с которым, сложившуюся территориальную дифференциацию следует считать не только результатом неравномерного развития различных регионов в течение прошедшего исторического периода, но и следствием процессов ее непрерывного воспроизводства в современных условиях [с.14]. В результате преобразований последней четверти века мы опять воспроизвели очаговость развития.

Социально-идентификационные особенности конкретного региона представляют собой совокупность очагов, аккумулирующих процессы многомерной дифференциации, одним из оснований которой выступает значительный масштаб межрегиональных неравенств и диспропорций.

Анализ основных тенденций в развитии регионов России (табл. 1) показывает, что диспропорциональность наблюдается даже в процессе положительной динамики индексных показателей.

Таблица 1

Основные индексные показатели развития регионов РФ в 2016 г. к 2015 г., %

Регион	Индекс промышл. производ-ства	Индекс сельскохоз. производств а	Индекс объема строит. работ	Индекс потреб. цен
Российская Федерация	101,1	104,8 95	95,7	105,4
Центральный ФО	104,6	103,5	99,5	105,9

Северо-Западный ФО	101,3	101,2	103,9	105,1
Продолжение таблицы 1				
Южный ФО	106,4	108,7	88,5	104,2
Северо-Кавказский ФО	107,5	106,1	99,7	103,7
Приволжский ФО	100,8	106,2	94,5	104,6
Уральский ФО	101,6	101,6	100,6	105,7
Сибирский ФО	100,4	104,0	97,8	105,0
Дальневосточный ФО	101,0	98,4	99,8	105,4

Мы солидарны с тем, что вклад региона в общее неравенство можно определить по разности долей региона по реальному ВРП и численности населения. В 2015 г. по этому показателю в первой десятке оказались Москва, Тюменская область с округами, Санкт-Петербург, Татарстан, Сахалинская область, Красноярский край, Ленинградская и Белгородская области, Ненецкий автономный округ, Республики Коми и Саха (Якутия) (в порядке убывания). Среди отстающих регионов, минимально раскрывших потенциал и сильно влияющих на неравенство, можно выделить Республику Дагестан, Ростовскую область, Республику Крым, Алтайский и Ставропольский края, Чеченскую Республику [с. 85-91].

Важными показателями социально-экономической дифференциации регионов являются показатели средней заработной платы, уровня безработицы, размер прожиточного минимума, естественный прирост населения.

Таблица 2

Основные показатели развития регионов РФ в отношении уровня жизни населения в 2016 г.

Регион	Прожиточный минимум, руб. в мес.	Средняя заработная плата, руб. в мес.	Уровень безработицы %	Естественный прирост населения,
Российская Федерация	9889	36195	1,2	+18,6
Центральный	9522	44991	0,8	-58884

ФО				
Северо-	10745	40521	0,9	-8262
Южный ФО	9137	27114	0,8	-14402
Северо-	8885	22953	3,2	+73386
Приволжский	8650	27231	1,0	-16551
Уральский ФО	11566	39742	1,3	+22242
Сибирский ФО	9791	31348	1,6	+15652
Дальневосточны	14955	46077	1,6	+5357

Анализ данных, представленных в таблице 2, свидетельствует о многомерной социально-экономической дифференциации регионов России. Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о существенных диспропорциях показателей развития регионов РФ в отношении уровня жизни населения.

Таблица 3

Разница между максимумом и минимумом основных показателей развития регионов РФ в отношении уровня жизни населения в 2016 г.

Регион	Прожиточный минимум, руб. в мес.	Средняя заработная плата, руб. в мес.	Уровень безработицы, декабрь, %	Естественный прирост населения, чел. в год.
Максимальное	14955	46077	3,2	+73386
Минимальное	8650	22953	0,8	-58884
Разница	6305	23124	2,4	132270

Регионы заметно различаются по уровню безработицы: уровень безработицы в Москве, Московской области, С-Петербурге, Самарской области, Ямало-Ненецком АО ниже, чем в большинстве других регионов России. Самый высокий уровень безработицы в Чеченской, Карачаево-Черкесской республике, республике Тыва.

Заметно варьирует динамика реальных денежных доходов и внутри Федеральных округов. В частности, динамика доходов населения Нижегородской области в сторону повышения более заметна по сравнению с ростом доходов населения ПФО и РФ в целом. О значительных межрегиональных неравенствах свидетельствует и величина просроченной задолженности по заработной плате.

Важным показателем, определяющим уровень жизни населения российских регионов является стоимость и изменение стоимости минимального набора продуктов питания. Так, в марте 2016 года стоимость минимального набора продуктов питания во всех Федеральных округах, кроме Крымского, заметно выросла. В Нижегородской области, в частности, этот показатель стабильно растет более быстрыми темпами, чем в ПФО в целом.

Продолжающийся экономический кризис отрицательно отразился на региональных бюджетах, которые в первую очередь планируют расходы на социальную сферу, вынужденно сокращая инвестиционные возможности. Снижение инвестиционной

активности, в свою очередь, отрицательно сказывается на региональном развитии. Именно об этом свидетельствует ситуация в высокодотационных регионах России.

В 2017 году в перечень субъектов Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних лет превышала 40 % объема собственных доходов, входили восемь субъектов РФ. Доля дотаций в общем объеме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в 2017 году составила 62,3%. Причем, по заключению Счетной палаты, показатели социально-экономического развития дотационных субъектов не находятся в прямой зависимости от объема предоставляемых дотаций.

Правительство РФ признает неэффективность проводимой политики по сглаживанию региональных диспропорций и отсутствие детально проработанной стратегии экономического развития регионов, что, в свою очередь, ведет к низкой эффективности использования средств, выделяемых федеральным центром. По мнению экспертов, проводимая в настоящее время государственная политика будет способствовать не только сохранению, но и углублению имеющихся существенных межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития.

Перспективы «сглаживания» последствий региональной дифференциации во многом определяются характером и направленностью социально-экономической политики государства. В соответствии со «Стратегией пространственного развития России» страна будет разделена на 12 макрорегионов. Каждый из них получит некую экономическую специализацию, а развитие соседних территорий будет увязано друг с другом. Приоритетный (целевой) сценарий Стратегии предполагает снижение различий между субъектами РФ по основным социально-экономическим показателям. Вместе с тем, эксперты весьма скептически оценивают только что утвержденную Стратегию: Минэкономразвития воспроизводит давно забытое старое, но возвращается не к прежней модели, а только к ее части. Полностью восстановить хозяйственную систему в экономике невозможно, слишком много придется менять.

Таким образом, нарастающие межрегиональные неравенства в России отнюдь не случайны, достаточно стабильны и представляют собой определенную самовоспроизводящуюся систему, внутри которой воспроизводятся риски дестабилизации и нарастания центростремительных тенденций.

Использованные источники:

1. Богатырева И.А. Проблемы дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития / И.А. Богатырева, М.Н. Криковцова // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края: сборник статей /ред. В.В. Мищенко.–Вып. 8.– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.– С. 14.
2. А. Агеев о технологиях модернизации. Завтра. 3 марта 2018.
3. Сайт Федеральной службы государственной статистики России [Электронный ресурс].
□ URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 15.02.2019).
4. Маслихина В.Ю. Мониторинг и регулирование пространственного неравенства для снижения угрозы экономической дестабилизации. "Общество: политика, экономика, право", 2017, Выпуск № 11. С. 85-91. <http://dom-hors.ru/>

5. Сайт Федеральной службы государственной статистики России [Электронный ресурс].
□ URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm (дата обращения: 14.02.2019).
6. Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики. 2015. <http://www.socpol.ru/atlas>.
7. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган государственной статистики по Нижегородской области. [Электронный ресурс]. URL.: <http://nizhstat.gks.ru>. (дата обращения: 14.02.2019).
8. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации в 2019г. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.01.2019.).
9. РОССТАТ. Информация о социально-экономическом положении России. Январь-март 2016 года. М.: 19.04.2016.
10. Бюллетень Счетной палаты №1 (январь) 2019 г. <http://www.ach.gov.ru/>
11. «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)»: Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 43. – Ст. 4100.
12. Кузнецова В.А Диспропорции экономического развития регионов России. «Экономика. Менеджмент. Человек.» №3 (2017). www.econpeople.ru.
13. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019. <http://economy.gov.ru/>
14. Журавлев Д. «Макрорегионы – это возврат к советским экономическим районам». <http://fedpress.ru/expert-opinion/2192041>

Сведения об авторах

Барматова С. П. - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Брянского филиала РАНХиГС

Башева О. А. - научный сотрудник, кандидат социологических наук, Виртуальная научно-исследовательская лаборатория «РНФ-17-45-ВП» КФУ, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, Россия, Москва

Беспалова Т.М. - к. психол. н., доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

Вейсова В. Э. - кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» г. Симферополь, РК, Россия

Верещагина А.В. - д.соц.н., доцент; профессор Южного федерального университета, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гайфуллин А.Ю. - Башкирский государственный университет, Факультет философии и социологии, г. Уфа, Россия к. соц.н., доцент;

Гайфуллина М.М. - к.экон. н., доцент Уфимский государственный нефтяной технический университет, Институт нефтегазового бизнеса, г. Уфа, Россия

Гонтаренко Н.Н. - младший научный сотрудник, магистрант 2 курса, Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН, Институт социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия

Городецкая Е.Г. - к.соц.н., доцент, Крымский филиал ФГБУН ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия

Гужавина Т. А. - ведущий научный сотрудник, к. филос. н., доцент ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Вологда, Россия.

Давлетшина Л.А. - к.соц.наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан, Центр семьи и демографии, г.Казань, Россия

Дихтемиров М.С. - аспирант 1 курса философского факультета, кафедра «Социальная философия», Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая Академия, г. Симферополь, Россия

Дятлов А.В. - д.соц.н., профессор, Южный федеральный университет, Институт

социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Жаде З.А. - д.полит.н., профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Жупник О.Н. - ведущий специалист по учебно-методической работе, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Захарова В.А. - Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь

Зоткин А.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, философский факультет Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ибрагимова А.А. - к.с.н., ведущий научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Ильдарханова Ч.И. - д.с.н., директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Кареева С.Г. - к.социол.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), г. Москва, Россия

Касаткина С. С. - к. филос. н., доценткафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доцент, Череповец, Россия

Кемалова Л.И. - канд.филос.н., доцент, ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», г. Керчь

Ковалев В.В. - д.соц.н., профессор, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Колесник Н.В. - к.с.н., ученый секретарь, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, сектор социологии власти и гражданского общества, г. Санкт-Петербург, Россия

Колесникова Е.Ю. - доцент, Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Коршунов Д.С. - к. полит.н., доцент Нижегородский государственный лингвистический университет, Кафедра международных отношений и политологии, г. Н. Новгород, Россия

Костоломова М.В. - к.социол.н., старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), г. Москва, Россия

Котова И.Н. - к.соц.н., доцент кафедры социологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

Кошель И.Ю. - аспирант, ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», технологический факультет, г. Керчь, Россия

Кузнецов А.В. - старший преподаватель, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, г. Тюмень, Россия

Кузьмин П.В. - профессор, Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского, философский факультет, кафедра политических наук и международных отношений

Куконков П.И. - к.социол.н., профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Приволжский филиал, г. Нижний Новгород, Россия

Кумпилов Т.М. - аспирант, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Мазур И.В. - муниципальный советник 3-го класса Администрация города Алушты Республики Крым, член Ассоциации юристов России

Некрасов С.В. - научный сотрудник Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), г. Москва, Россия

Никонорова М.А. - канд.психол.н., ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», г. Керчь

Пинчук А.Н. - к.социол.н., научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), г. Москва, Россия

Тимкина О.А. - аспирант, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, г. Тюмень, Россия

Узунова О.Ю. - Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь

Шефель С.В. - Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Барматова С.П., Мазур И.В. «КВАЗИ»-ГОРОДСКИЕ ОКРУГА КАК ОСНОВА ПРОСТРАНСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРЫМА: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ, ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	3
Башева О.А. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В МОСКВЕ И КАЗАНИ	11
Беспалова Т.М. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВАРИАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПАТРИОТИЗМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	15
Вейсова В.Э. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	19
Верещагина А.В. ПАТРИОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ЮГЕ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПАТРИОТИЗМА	23
Гайфуллин А.Ю., Гайфуллина М.М. ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	27
Гонтаренко Н.Н. МОЛОДЕЖЬ КРЫМА: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	33
Городецкая Е.Г. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЫМЧАН ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ (2012-2018)	38
Гужавина Т.А. ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ	46
Давлетшина Л.А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГЕНЕРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН	51
Дихтемиров М.С. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	56
Дятлов А.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТИТУТА СИТИ- МЕНЕДЖМЕНТА В КРЫМУ: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ	59

РЕГИОНА	
Жаде З.А., Кумпилов Т.М. МУСУЛЬМАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	65
Жупник О.Н.	69
КАРЬЕРА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА	
Захарова В.А., Узунова О.Ю., Шефель С.В.	
КРЕАТИВНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ В РЕКРЕАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	73
Зоткин А.А.	
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	77
Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А.	
ЖЕНЩИНЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	82
Кареева С.Г. Пинчук А.Н.	
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	88
Касаткина С. С.	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПРИМЕР ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	95
Кемалова Л.И., Никонорова М.А.	99
ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	
Ковалев В.В.	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В КРЫМУ: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНЫМ СООБЩЕСТВОМ ВОЗМОЖНЫХ РИСКОВ	103
Колесник Н.В.	
КРЫМСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛЕ 2014 Г.	108
Колесникова Е.Ю.	
ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ЮГЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ	110
Коршунов Д.С.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РФ	115
Костоломова М.В.	
ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	119

Котова И.Н. СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	124
Кошель И.Ю. КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ МИГРАЦИИ	129
Кузнецов А.В., Тимкина О.А. МЕДИЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ КОНТРАКУЛЬТУРЫ 1980-1990-Х ГОДОВ	133
Кузьмин П.В. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРЫМА	138
Куконков П.И. МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ: МАСШТАБЫ И СЛЕДСТВИЯ	143
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	148
СОДЕРЖАНИЕ	151